

О. В. Ковтунович

ВЕЧНЫЙ ЕГИПЕТ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Ордена Трудового Красного Знамени
Институт востоковедения

Серия
основана
в 1957 году

О. В. Ковтунович

ВЕЧНЫЙ ЕГИПЕТ

Очерки прошлого
и настоящего долины Нила

Москва
«НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
1989

ББК 66.3 (6 Ег)

К 56

Редакционная коллегия

*К. В. Малаховский (председатель), Л. Б. Алаев,
Л. М. Белоусов, А. Б. Давидсон, Н. Б. Зубков,
Г. Г. Котовский, Р. Г. Ланда, Н. А. Симония*

Ответственный редактор и автор предисловия

Р. Г. ЛАНДА

Рецензенты

Н. К. ТИХОМИРОВ, О. В. ТОМАШЕВИЧ

Утверждено к печати

редколлекцией серии «Рассказы о странах Востока»

Ковтунович О. В.

К 56 Вечный Египет. Очерки прошлого и настоящего долины Нила. Предисл. Р. Г. Ланды, послесл. А. Васильева. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989. — 151 с.: ил. — (Рассказы о странах Востока).

ISBN 5-02-016579-4

Автор много лет проработал в Египте. Его рассказ об этой стране не ограничивается, однако, лишь наблюдениями, относящимися к ее сегодняшнему дню. Значительное место в книге занимает разнообразная информация о культуре и истории древнего и эллинистического Египта, о работе ученых-египтологов. Читатель найдет здесь немало интересных сюжетов — о поисках гробницы Александра Македонского, о древнеегипетских мотивах в творчестве русских поэтов Михаила Кузмина и Анны Ахматовой и т. д.

К 1805030000-092 63-89

013(02)-89

ББК 66.3 (6 Ег)

ISBN 5-02-016579-4

© Главная редакция
восточной литературы
издательства «Наука», 1989

СЛОВО ОБ АВТОРЕ

Автор этой книги Олег Витальевич Ковтунович (1930—1988), известный советский арабист, историк, дипломат и журналист, скончался совсем недавно. Для всех его друзей и близких боль утраты слишком еще остра, чтобы можно было уже сейчас спокойно подводить итоги прожитой им жизни. Внешний облик, манера говорить, которой свойственна была особая, неброская, с виду безмятежная ироничность, скрытый смысл шуток, не всегда понятных непосвященным, образность и рафинированная культурность речи, мягкость и интеллигентность в обращении — все это еще живет в памяти. Как бы по инерции не верится, что человека уже нет на свете, хочется увидеться с ним или позвонить по телефону, узнать его мнение о происходящем, согласиться или поспорить, но главное — повидаться, поговорить, пообщаться... Все это, к сожалению, невозможно. Человека нет. Но он еще не воспринимается как ушедший навеки. И поэтому писать о нем очень трудно. Так и кажется, что он вдруг войдет и, заглянув в рукопись через плечо пишущего, усмехнется: «Да, не каллиграф ты, не каллиграф. Каллиграфия — это ведь искусство».

Очень трудно писать о человеке, с которым пять лет учился на одном курсе и в одной группе, сидел рядом на лекциях и семинарах, у которого часто бывал дома, с которым нередко спорил, к которому сам бывал несправедлив и от которого, в свою очередь, выслушивал несправедливые упреки, — но которому, при всем этом, многим обязан. О человеке и его жизни невозможно рассказать все. Каждый из нас видит неповторимость другого лишь настолько, насколько может. Поэтому любой рассказ о ком-либо даже лучшего друга — лишь часть правды.

Мы учились на арабском отделении Московского института востоковедения (впоследствии, в 1954 г., закрытого) в 1948 — 1953 гг. Олег Витальевич был, что называется,

гуманитарий божьей милостью: учился легко, как бы шутя, успевал многое сверх программы. У него на все хватало времени — и на занятия, и на развлечения, и на чтение серьезной литературы. А жил он тогда трудно, в полуподвальной комнате тесной коммуналки, без отца, погибшего на фронте в Великую Отечественную войну, на свою стипендию и на скромную зарплату матери. Но Олег Витальевич помнил о дворянском происхождении отца (который из-за этого так и не смог получить высшего образования ввиду существовавших в 20—30-е годы социальных ограничений) и всегда держался с достоинством, которое нам, его сокурсникам, казалось несколько преувеличенным.

Его, однако, это мало смущало. Он даже подчеркивал, что считает признаком аристократизма, например, играть в шахматы, говорить на иностранных языках, любить оперу и разбираться в ней. Помню, как-то проспорив ему (он доказывал, что знаменитый баритон Тито Гобби в известном фильме «Паяцы» исполнял не две, как я считал, а сразу три партии), я вынужден был повести его и одного из наших общих друзей на оперу Моцарта «Дон Жуан». Моцарт был любимым композитором Олега Витальевича. Он настолько хорошо знал его творчество и его биографию, что иногда в шутку отождествлял себя с «любимым Вольфгангом», как он его называл, и в каком-либо споре мог сказать: «Я — Моцарт! А ты — кто такой?»

Среди самых серьезных увлечений Олега Витальевича была русская классическая литература. Хорошо зная и любя Пушкина, он все же больше склонности имел к менее известным поэтам, таким, как Херасков, Языков, Батюшков. У него был свой, очень поражающий нас тогда, на рубеже 40—50-х годов, оригинальный взгляд на Толстого, Гоголя, Стасова, Чайковского. Выше всех он, пожалуй, ставил Гёте и Шекспира. В подражание последнему он даже пытался сам писать сонеты.

На редкость одаренный и разносторонний человек, он еще во время учебы обратил на себя внимание преподавателей, среди которых были такие видные арабисты, как Х.К. Баранов, Е.А. Беляев, К.В. Оде-Васильева. Блестящие лингвистические способности, острый ум, дотошность и глубина в подходе к любому вопросу, за изучение которого он брался, сочетались у Олега Витальевича с веселым нравом, неистощимым чувством юмора и редкой эрудицией. Еще студентом он мог выступить с подробным и интересным

докладом на такие совершенно разные темы, как, например, арабская фонема или живопись Альбрехта Дюрера, искусство каллиграфии или музыка Моцарта, творчество Боттичелли или Бенвенуто Челлини, религия древнего Египта или книга великого немецкого зоолога Альфреда Брема «Жизнь животных».

Среди товарищей он пользовался любовью, даже среди тех, кто не всегда понимал его или втайне ему завидовал. Это сохранилось и после окончания института, когда жизнь разбросала нас в разные стороны и на разные ступеньки общественного положения. Секрет обаяния «Кафа» (так он называл себя сам по начальной букве арабского начертания своей фамилии) заключался в его постоянной готовности помочь, верности в дружбе, открытости и непосредственности характера (даже когда он довольно серьезно произносил: «Я — эгоцентрист!»). Вместе с тем он пользовался непререкаемым авторитетом благодаря тому, что много знал и охотно делился знаниями, судил всегда обо всем нелицеприятно и честно.

Природное эстетическое чувство и тонкий художественный вкус, рано проявившиеся у Олега Витальевича, в дальнейшем сказались в его работах, посвященных искусству, культуре и архитектуре арабского мира, в частности в его статьях и книге о египетском скульптуре Махмуде Мухтаре (о котором речь идет и в настоящих очерках) и в написанной совместно с С. Ходжаш монографии о Багдаде. В этих работах чувствуется не только начитанность и профессиональная умелость автора, но и его искренняя взволнованность избранной темой, ее глубокое понимание и переживание, эстетическая интуиция, чувство меры и стиля.

С детства свободно владея немецким языком, Олег Витальевич в дальнейшем изучил арабский, английский и французский, читал по-испански, занимался одно время персидским языком. Он стремился стать востоковедом широкого профиля, и у него были для этого все данные. Мне лично он напоминал и по широте интересов, и по логике рассуждений, и по литературному стилю своих еще первых, студенческих работ русских востоковедов прошлого века, уделявших много внимания общей культуре исследования, изучению языков и собственным эмпирическим впечатлениям.

После окончания института Олег Витальевич поступил на работу в МИД СССР и был направлен в Египет. Эта страна, в которой ему довелось в разное время и в разных

должностях проработать свыше 11 лет, была предметом его особой любви. Он знал все ее мифы и легенды, историю и культуру, жизнь в древности и в наши дни, ее народный язык и устную литературу, с многими творцами которой он был знаком лично.

«Египет и Ковтунович — это тема для целого романа». Слыша подобное, Олег Витальевич не возражал. Находясь вне Египта, он вспоминал его храмы и города, колоссы и гробницы, нравы и обычаи. А приезжая в Египет, каждый раз с наслаждением погружался в нестерпимую жару, многолюдные толпы на улицах Каира, в нежную лазурь бухты Александрии, в тенистую зелень Исмаилии. Он писал мне как-то из Верхнего Египта, что готов слиться с древнеегипетским богом Солнца Амоном-Ра, а один раз, очевидно, не зная, куда деваться от зноя, все же подписал письмо: «Возлюбленный Амона-Ра, истомленный его жаркой любовью».

Он не мог судить объективно о Египте и египтянах, резко (что в общем-то не было ему свойственно) возражая против любых попыток хоть как-то критически взглянуть на египетскую реальность наших дней. Например, когда ему говорили о массовом бакшишничестве, он отвечал: «Это — не бакшишничество, а природная смекалка и предприимчивость». Конечно, он хорошо знал язвы этой страны. Но не терпел, когда кто-нибудь о ней говорил худое слово.

Ему все время хотелось возвести Египет на особый пьедестал, не видеть в нем каких-либо недостатков. Здесь он пережил много тяжелого как в личном, так и в служебном плане. Но здесь же он окончательно сформировался как разносторонний арабист с широким кругозором и многообразными интересами. И здесь же он встречался почти со всеми деятелями июльской революции 1952 года, что во многом помогло ему впоследствии при работе над кандидатской диссертацией и выполненной на ее основе монографией «Революция "свободных офицеров" в Египте» (М., 1984). Египтом Олег Витальевич занимался всюду и всегда. Незадолго до своей безвременной кончины он сдал в издательство последнюю книгу об этой стране. В ней сказано многое, в том числе — еще никем не замеченное и не записанное.

Долгие годы Олег Витальевич работал в Сирии и Ираке, хорошо знал эти страны, дружил со многими арабскими учеными, писателями, деятелями культуры. Он досконально

изучил все закоулки старинного рынка Хамидийе в Дамаске, восхищался замечательным искусством сирийских ремесленников — ткачей, гончаров, чеканщиков, гравиров, резчиков по дереву. Хозяев многих лавок и мастерских он знал лично, некоторые из них говорили по-русски. Конечно, именно в Сирии, в благодатной тени садов оазиса Гута, можно проникнуться ощущением неспешного, тягучего, «с чувством, с толком, с расстановкой», проникновенного наслаждения жизнью, которое мы раньше называли «кейфом» (был даже глагол «кейфовать», ныне замененный вульгарно-жаргонным «ловить кайф»). Олег часто рассказывал о нравах и обычаях сирийцев, о «меззе» (многовариантной и многосменной закуске, описанной многими, но каждый раз — по-разному), об их неторопливых беседах, преисполненных чувства собственного достоинства, а иногда — и превосходства по отношению к другим арабам. И, конечно, если это касалось египтян, Олег выходил из себя. Он, по его признанию, всегда предпочитал «предприимчивых и смысленых египтян» всем остальным.

Разумеется, и в Сирии он много работал, живо интересовался древностями, коллекционировал античные монеты, побывал и на развалинах сказочной Пальмиры, и в национальном музее Дамаска, и в легендарной мечети Омейядов в Дамаске. Он много рассказывал о вырубленном в голубоватых горах арамейском ауле Маалюля, о монастыре в Седнаёе с иконой богородицы, писанной рукой «самого святого Луки», о великолепной цитадели древнего Халеба (Алеппо) и прекрасно сохранившемся замке крестоносцев Крак де Шевалье. Я сам повидал все это, побывав в Сирии, и, наблюдая жизнь сирийцев, не раз ловил себя на том, что многие из моих наблюдений были подготовлены, объяснены, предугаданы рассказами Олега.

Ирак был единственной арабской страной и вообще единственным местом за пределами родины, где нам удалось повидаться. Шел апрель 1967 года, но жарко было, как в июле. Олег был занят, но все же нашел время нас встретить, а на следующий день мы с ним поехали к упоминаемому в его книге доктору Юсефу Иззаддину, писателю и историку, занимавшему тогда одновременно посты генерального секретаря Академии наук и Союза писателей Ирака. На встрече присутствовала также египетская поэтесса Карима, у которой с Юсефом Иззаддином завязался, казалось бы, чисто филологический спор о том, на каком языке будут говорить арабы в будущем.

Доктор Юсеф говорил, что, вне всяких сомнений, они будут говорить на современном арабском литературном языке (на котором и шла беседа), но Карима отстаивала перспективу перехода всех арабов на египетский диалект. Я был на стороне Юсефа. Но Олег мне потом сказал: «Будущее — за египетским диалектом. Юсефа я очень уважаю, но вряд ли его пророчество осуществится. Сам посуди — здешние арабы смотрят фильмы на египетском диалекте, вечерами видят по телевидению египетские пьесы — тоже на египетском, а не на иракском диалекте. Египетский диалект более обогащен литературной лексикой и более модернизирован, чем все прочие арабские диалекты».

Я тогда уже не помню в какой раз посмеялся над «египтоманией» моего друга, но потом задумался и пришел к выводу, что его мысли не лишены оснований. Что же касается Юсефа Иззаддина, то в память о встрече с ним у меня хранится его книга о правлении Дауда-паши в Ираке. Причем самое поразительное в этой книге — наличие в списке использованной автором литературы произведений на грузинском языке. Дауд-паша, как и другие правители Ирака конца XVIII — начала XIX в., был грузином по происхождению, и Юсеф Иззаддин, чтобы осветить соответствующий период истории своей страны, специально выучил для этого грузинский язык.

В Ираке — древнем Двуречье — Олег прожил четыре года. И он очень четко, уже в первых письмах, установил разницу между «смышсленными и предприимчивыми египтянами», «мягкими и медлительными сирийцами» и «жесткими, резкими, мужественными иракцами». Уже потом, через много лет, мне приходилось слышать примерно то же от арабских социологов с мировым именем, например известного эксперта ООН Самира Амина. И мне до сих пор приятно сознавать, что мой друг, не будучи ни социологом, ни этнографом, не проводя каких-то специальных изысканий, на основе только лишь своей эрудиции и интуиции пришел к тем же выводам, что и видные ученые.

Вспоминается также визит в Ассоциацию иракских адвокатов в Багдаде, которая пригласила к себе группу советских востоковедов.

На этой встрече выступил (после всех советских гостей) президент ассоциации, известный юрист и дипломат Фаик ас-Самарраи, который, сказав о помощи СССР арабам,

упор сделал на «священные права арабов Палестины, до сих пор попираемые захватчиком». Это было сказано в апреле 1967 г. и как бы предвосхитило будущие научные занятия Олега Витальевича.

Работая в 1979—1986 гг. в Институте востоковедения АН СССР, он много занимался ближневосточным конфликтом и проблемами его урегулирования, был участником международных конференций и семинаров по палестинской проблеме в Нью-Йорке, Женеве и Джакарте. Его перу принадлежит в общей сложности свыше 40 печатных работ (в том числе — 4 книги), многие из которых публиковались под псевдонимами (О. Ковтун, О. Ляхов).

Смерть застала Олега Витальевича на посту советника посольства СССР в Сирии. Он был прежде всего востоковедом-практиком, отдавшим все свои незаурядные способности, знания и силы на службу отечественной дипломатии, делу не только политического, но и культурного, духовного, человеческого сближения народов СССР и арабских стран. К сожалению, именно вследствие загруженности практической работой Олег Витальевич многого не успел сделать как ученый. А замыслы у него были необъятные — и в области истории, и лингвистики, и искусствоведения, и в сфере изучения современных социально-политических проблем арабского мира. Те, кто близко знал его, глубоко верили в реализацию этих замыслов.

Его жизнь — в какой-то мере и пример, и урок многим. Пример с О.В. Ковтуновича надо брать тем работающим за рубежом молодым нашим востоковедам, которые не знают, чем им заняться в свободное от служебных занятий время. Олег же, как только попал в Египет в конце 1953 г., начал собирать материал для словаря и учебника египетского диалекта. Я видел этот материал и долгие годы потом пилил моего друга за то, что он так и не реализовал этот очень интересный, а для своего времени — просто революционный замысел, ибо тогда на русском языке не существовало пособий по арабским народным диалектам. Олег хотел написать воспоминания о своих встречах с Мухаммедом Нагибом (первым президентом Египта после революции 1952 года), Гамалем Абдель Насером, его помощниками — Закарней Мохиддином, Абд аль-Латыфом Багдади, Али Сабри, Гамалем и Салахом Салемами. Он много рассказывал и многое мог бы написать о встречах арабских лидеров с Н.С. Хрущевым и другими руководителями СССР.

Но все это он не написал. Опыт жизни Олега Ковтуновича свидетельствует о том, что рано или поздно надо делать выбор между практической и научной работой, так как сочетание их в молодости помогает, а в более зрелые годы — мешает. Ни сил, ни времени, ни желания уже не хватает и на то, и на другое. Но Олег считал, что его хватит на все. Конечно, какое-то время и практику хорошо побыть теоретиком, а теоретику — практиком. Но весь вопрос в том, сколько именно. В искусстве и литературе, в политике и дипломатии у Олега было очень развито чувство меры. Но к своей собственной жизни он относился по-иному. Ему казалось, что его физическое существование, его богатый интеллект, его способность все быстро схватывать и остро чувствовать вечны...

В наши дни, когда многое меняется, в том числе и в востоковедении, особенно болезненна утрата таких людей, как Олег. Он всегда имел свое мнение по любому вопросу. Оно не всегда могло быть верным, но оно всегда было. И в ошибках своих, и в заблуждениях (а у кого их нет?) он оставался гуманным человеком, никогда не теряя уважения к себе и к другим. Именно сейчас он мог бы многое подсказать, помочь и, перефразируя известную арабскую поговорку, последовать за ученым, разбудить спящего, направить ищущего и отойти от невежды. Думается, что всей своей жизнью он показал, как надо служить Родине, которую он очень любил и все беды которой всегда принимал близко к сердцу.

Олег Витальевич Ковтунович был скромным, сдержанным, хорошо воспитанным и образованным интеллигентом, не терпевшим душевной грубости, вульгарности, бестактности. Он гордился тем, что он — интеллигент и внушал это чувство другим. Все, кому посчастливилось его знать, так или иначе испытывали на себе благотворное влияние его незаурядной личности и часто были обязаны ему совершенствованием своей душевной организации, обогащением своего духовного мира.

Р. Г. Ланда

САМЫЙ ОБЩИЙ ВЗГЛЯД

О Египте написано много. На различных языках мира, в том числе и на русском, изданы десятки, если не сотни тысяч книг и исследований, посвященных самым различным сторонам жизни этой страны. И это не случайно. «Действительно, — писал выдающийся русский египтолог Б.А. Тураев, — какую бы сторону нашей жизни мы ни взяли, исследование ее истории нас по большей части в конце концов приводит в Египет, который был отцом европейской государственности, европейского искусства, многих явлений религиозной жизни и быта. Египет — родина таких архитектурных форм, как колонны, базилики; он же создал наши первые иконы и монашество, к его иллюстрированным папирусам приходится восходить, чтобы объяснить происхождение наших книг с рисунками; в нем следует искать исходный пункт распространения многих сюжетов и мотивов наших сказок. Росписи стен, выродившиеся в наши обои, флаги, выкидываемые на мачтах в праздники, весы на изображениях Страшного суда, представления апокрифического характера о загробных чудовищах и вратах, различные средства народной медицины и многое иное, разнообразное и иногда неуловимое, может быть объяснено только как наследие великой культуры, накопившейся, развивавшей свое духовное достояние в течение тысячелетий».*

Большинство книг посвящено древнему Египту и его великой цивилизации, оставившей огромный след в истории человечества. Интерес историков и публицистов к проблемам современного Египта резко возрос после антиимпериалистической, антифеодальной революции 1952 года, когда впервые после многовекового подчинения и зависимости страна стала приобретать свое собственное лицо, заняла подобающее ей место на международной арене, а во главе

* Тураев Б.А. Древний Египет. М., 1922.

се также впервые за сотни лет встал коренной египтянин, выдающийся государственный деятель середины XX века — Гамаль Абдель Насер. До этого все европейцы, посещавшие Египет, восторженно описывали древние руины и лишь походя упоминали бедных и жалких нынешних обитателей долины Нила. Попытки рассмотреть в них потомков строителей пирамид почти не делались. Правда, обращало на себя внимание поразительное внешнее сходство между ними и древними египтянами, чей облик дошел до нас в бесчисленных статуях и рельефах, да и многие орудия труда, которыми пользовались в древности, продолжают применять и сегодня (шадуф, тамбур — «архимедов винт», сакия). Дальше этих двух сопоставлений дело обычно не шло. Казалось, древняя цивилизация исчезла, а создавший ее народ куда-то испарился. Многие и сейчас полагают, что древние египтяне — это один народ, а египетские арабы, ныне населяющие страну, — другой, не задумываясь над тем, куда же подевались древние жители.

Бесспорно, древняя цивилизация, просуществовавшая в Нильской долине в течение пяти тысячелетий, погибла. До нас дошла лишь незначительная часть наследства древнего Египта. Большая же его часть, несомненно, уничтожена временем, различными природными стихиями, а главное, тем небрежением, которое проявлялось по отношению к ней целым рядом поколений, принадлежавших уже к другим цивилизациям. Но народ остался, сохранив многие, а пожалуй, даже основные свои традиции, обряды, обычаи и другие черты повседневной жизни, естественно в измененном виде.

Египет на протяжении своей истории пережил три цивилизации — древнеегипетскую, коптско-христианскую и мусульманскую, сменил три религии и письменности и даже один раз язык. В этой небольшой по объему книге мы попытаемся дать некоторые представления о стране, а попутно — проследить общие черты преемственности различных периодов ее развития, с тем чтобы лучше понять народ, играющий роль одного из крупнейших политических и культурных центров арабского мира и Африки. Ведь настоящее — это как бы листья и плоды дерева истории, корни которого уходят в далекое прошлое.

Для начала, видимо, полезно хотя бы вкратце напомнить читателю, «откуда есть пошла» земля египетская и ее народ.

Как и все древнейшие цивилизации, египетская возникла в долине реки. Более десяти тысяч лет назад человек начал селиться по берегам великой африканской реки — Нила. Ил, оставляемый Нилом после разлива, позволял даже при самых примитивных сельскохозяйственных орудиях собирать с засеваемых земель богатые урожаи. Река кишела рыбой, а густые папирусовые заросли ее болотистых берегов наполнял неумолчный гомон птиц. Нынешняя безжизненная пустыня, окружающая узкую и длинную долину Нила, в те времена скорее напоминала саванну, покрытую местами кустарниками и деревьями, где водилось множество животных: жирафов, страусов, различных видов антилоп, зайцев, лисиц, гиен и шакалов. Идеальные условия для земледелия, рыболовства и охоты, мягкий, теплый круглый год климат, не требовавший больших затрат ни на одежду, ни на жилища, — все это и явилось первоосновой возникновения великой древней цивилизации.

Но, конечно, никакие условия сами по себе ничего не значат, если не упорный труд человека, его смекалка, его героизм в борьбе за существование. Нужно было найти, как мы теперь говорим, оптимальные для того времени методы орошения и обработки земли, изобрести сети и крючки для ловли рыбы, лук, стрелы, научиться изготавливать каменную и глиняную посуду, а также каменные и деревянные предметы для хозяйственных нужд. Удобно лежащиеся в руку тяжелые каменные топоры, ножи с тонкими острыми лезвиями-сколами говорят о высоком мастерстве и богатом опыте древних египтян. Стремление придать каменным и глиняным сосудам совершенную форму, украсить их орнаментом предвосхищает великие произведения искусства более поздних эпох. Охота, рыбная ловля требовали немало мужества, ловкости и сообразительности. Чего стоили одни крокодилы, во множестве обманчиво неподвижно прятавшиеся в прибрежных водах! Недаром в древнеегипетских надписях крокодил получил эпитет «владыка ужаса в воде».

Появление в Египте высокоразвитой цивилизации на первый взгляд кажется неожиданным, мало подготовленным предыдущим периодом развития. Однако уже при первых династиях фараонов мы наблюдаем наличие письменности и разработанного, устоявшегося изобразительного стиля, основные черты которого остаются неизменными на протяжении всего существования египетской цивилизации. По сравнению с предыдущей доисторической эпохой эти дости-

жения сначала казались каким-то скачком, взрывом, что дало основание ряду ученых выдвинуть гипотезы о привнесенности извне египетской цивилизации. Чаще всего в этой связи называли Месопотамию, откуда, мол, прибыли будущие фараоны. Эти предположения были развеяны в 1894 году в Негаде английским археологом сэром Флиндерсом Питри. Предметы, найденные им в доисторических захоронениях, составили недостающее звено, связывающее додинастический период с раннединастическим. Но если открытия Фл. Питри убедили ученых, то они не убедили любителей пофантазировать. Так, в наше время появилось немало «теорий» о космических пришельцах, которые якобы и дали толчок развитию государственности, культуры и искусства древнего Египта.

Тем не менее нельзя отрицать, что развитие цивилизации в Египте шло чрезвычайно быстрыми темпами. Причины этого следует искать, однако, не в космических или каких-то других внешних влияниях, а в закономерностях социально-экономического развития древнего общества, возникшего на берегах Нила.

Разные народы на определенном этапе своего развития вступают во взаимодействие друг с другом, обмениваясь опытом возделывания земли, способов орошения, изготовления различных орудий. Постепенно развивается торговый обмен, появляется возможность дифференциации и специализации труда. Все эти процессы безмерно облегчались и ускорялись единообразием природных условий на всем протяжении Нильской долины и тем, что все районы страны связывались между собой надежным и дешевым путем сообщения — рекой, всегда достаточно полноводной для судоходства. Между отдельными областями страны, номами, возникают общие хозяйственные интересы. Затем появляются два крупных государственных объединения — Верхний и Нижний Египет. Примерно в 3100 году до нашей эры они были объединены под единой короной. Память об этом событии сохранилась в течение тысячелетий в титулатуре фараонов как владык двух корон: красной — в качестве царей Нижнего Египта и белой — Верхнего. Единство и монолитность страны символизировались также изображенным на многих памятниках сплетением стеблей лотоса и папируса, обозначавшим соответственно северную и южную части страны.

Объединение Египта означало прежде всего создание централизованной системы управления страной во главе с фараоном, что предоставляло возможность организации

труда, прежде всего орошения, в масштабе всего Египта. Нельзя не признать, что эта система управления была для своего времени весьма прогрессивной: она в целом справилась со своими задачами и обеспечила такое быстрое развитие страны, которое действительно производит впечатление «неожиданного» скачка из сумрачного додинастического периода в эпоху расцвета цивилизации. Но в то же время этот процесс привел к резкому усилению классового расслоения, интенсификации эксплуатации простых тружеников.

Первые две династии правили страной примерно 400 лет. После этого древнеегипетская история делится на Древнее царство (ок. 2700—2200) — время укрепления в стране деспотической власти и строительства великих пирамид, Среднее царство (ок. 2100—1800) — проведение крупных ирригационных работ в Фаюме и расширение южных границ страны, Новое царство (ок. 1600—1100) — на него падает зенит политического и военного могущества страны. В период между Древним и Средним царствами наблюдается резкое ослабление центральной власти, происходят серьезные социальные волнения, сопровождавшиеся разграблением пирамид и гробниц знати. Между Средним и Новым царствами власть в большей части страны захватывают гиксосы.

В период Позднего царства (ок. 1100—332) звезда Египта постепенно закатывается. Власть нередко захватывают чужеземцы. Особенно значительным было завоевание долины Нила в 525 году до нашей эры династией Ахеменидов и превращение страны в сатрапию Персидского царства. Наконец, в 332 году до нашей эры войска Александра Македонского отвоевывают Египет у персов. В 30 году до нашей эры гибнет последняя египетская царица из греко-македонской династии Птолемеев — Клеопатра VII — и страна становится провинцией Римской империи. Египет на долгие века лишился независимости, однако его язык, религия и искусство продолжали жить и развиваться. Датой окончательной гибели древнеегипетской цивилизации условно можно считать 529 год, когда по приказу византийского императора Юстиниана I был закрыт последний в Египте языческий храм Исиды на острове Филе, а статуи богов перевезены в Константинополь.

Еще ранее начался коптско-христианский период развития египетской культуры, когда, противопоставляя монофисизм официальной ортодоксальной религии Византии, египтяне добивались самостоятельности.

В 641 году Египет был завоеван арабами-мусульманами. Ислам, не в последнюю очередь благодаря экономическим мерам (принявших ислам освобождали от уплаты особого налога, которым облагались «неверные»), начал быстро распространяться среди коренного населения. Вместе с религией распространялся и язык завоевателей. Через несколько веков даже священные христианские книги коптов были переведены на арабский язык, а коптский перестал служить средством повседневного общения, оставшись языком церковного богослужения. Египетская культура, сохранив ряд особенностей, стала частью арабо-мусульманской культуры.

Эта культура при всем своем своеобразии явилась наследницей древнейших цивилизаций, возникших и процветавших на обширных территориях, завоеванных арабами. Но созданная арабами-мусульманами колоссальная империя — халифат — просуществовала сравнительно недолго. Уже в VIII веке центральная власть стала ослабевать, и от халифата постепенно «отпадали» целые страны и провинции. К власти в Египте пришли династии, независимые от багдадского халифа или лишь формально ему подчинявшиеся. Египетским войскам удалось разбить татаро-монгольскую армию Хулагу-хана, внука Чингисхана, опустошившую Среднюю Азию, Месопотамию и Иран (битва при Айн-Джалуте, сентябрь 1260 года). Египетский султан Салах ад-Дин аль-Айюби в 1187 году нанес сокрушительное поражение европейским завоевателям-крестоносцам и освободил Иерусалим, а другой египетский султан, аль-Ашраф Халиль, окончательно изгнал их с берегов Сирии и Палестины в 1291 году.

С 1250 по 1517 год Египтом правили мамлюкские султаны. Когда в 1517 году войска турецкого султана Селима I захватили Египет, мамлюки превратились в вассалов турок, но сохранили в значительной степени фактическую автономию. До высадки в Египте в 1798 году французской экспедиционной армии под командованием Наполеона Бонапарта об этой стране мало что было известно в Европе, а в Египте, в свою очередь, плохо представляли себе, что делается в европейских странах. Достаточно сказать, что мамлюки, узнав о высадке в Александрии французов, отнеслись к этому совершенно спокойно. Считая себя лучшими воинами в мире, они хвастались, что снесут головы пришельцам своими острыми стрелами. Определенные основания для этого были. Наполеон, оставивший описание своей египетской кампании,

заметил, что мамлюк — прекрасный наездник, виртуозно владевший оружием, — один легко мог справиться с французским драгуном, но два драгуна одолевали мамлюка, а десять драгун расправлялись с сотней мамлюков.

По сути дела мамлюкская армия представляла собой беспорядочную толпу, которая не могла противостоять хорошо обученному, дисциплинированному войску, что показала знаменитая битва под пирамидами 26 июля 1798 года.

Более серьезную угрозу для завоевателей представляло сопротивление самого египетского населения, не раз поднимавшего восстания. Менее чем через три года французская армия была вынуждена капитулировать. Грабительский поход закончился бесславно. Но он имел и положительную сторону: страна вышла из искусственной изоляции, что способствовало ее экономическому и культурному развитию.

Окончательно разделался с мамлюками Мухаммед Али — основатель египетской династии, албанец по происхождению. Он создал современную промышленность и армию и даже попытался свергнуть своего сюзерена — турецкого султана. Возможно, ему бы это удалось, но вмешались великие европейские державы, в первую очередь Англия, которая заставила его отказаться от всех завоеваний. При преемниках Мухаммеда Али страна превращается в фактическую колонию Великобритании. Только революция 26 июля 1952 года возвратила Египту подлинную независимость.

Как видно даже из этого краткого обзора, египетский народ пережил великое множество исторических перемен. Приходится удивляться, что эти перемены так мало сказались на его традициях и образе жизни. Египтяне с гордостью говорят, что иностранным завоевателям не удавалось привить свои обычаи коренному населению. Наоборот, они сами быстро подвергались египтизации, переняв язык и обычаи страны.

Вероятно, у многих возникает вопрос: почему в книге идет речь о египетском искусстве, о египетской культуре, о египетских обычаях и египетском складе характера? Разве современный Египет не часть арабского мира? А его культура не часть общеарабской культуры? Да, так оно и есть, однако вопрос этот не прост.

Многочисленные сторонники арабского единства исходят из того, что арабские народы — арабская нация —

имеют единое историческое прошлое, единую культуру, основанную на едином арабском языке. В прошлом, в первые века ислама, все страны от южных границ Франции до Инда были объединены в огромную, небывалой мощи империю со столицей сначала в Дамаске, затем в Багдаде. На это время приходится расцвет арабской культуры. Арабский язык играл на Востоке ту же роль, что в средневековой Европе латинский.

Но единая арабская империя оказалась исторически недолговечной. Как и Римская, а затем Византийская империи, она держалась на жестокой эксплуатации и угнетении силой оружия народов, которые никогда не прекращали борьбы с захватчиком. Чаще всего эта борьба принимала форму религиозных «ересей».

Что касается языка, то, действительно, во всех арабских странах сейчас пишут и читают на арабском литературном языке, но говорят на различных диалектах арабского языка, по большей части довольно сильно отличающихся от литературного. Люди, говорящие на этих диалектах, нередко с трудом понимают друг друга. В ряде стран, и прежде всего в Египте, диалект постепенно начинает вытеснять литературный язык в некоторых областях культуры, особенно массовых. Так, все кинофильмы, спектакли, популярные песни, если они не носят религиозного характера, звучат на египетском диалекте. Даже религиозные проповедники, выступающие по телевидению, порой прибегают к диалекту при разъяснении тех или иных религиозных догм. Иначе основная масса слушателей их не поймет. В египетской школе литературный язык считается самым трудным предметом. Кстати, учитель также пользуется для пояснений диалектом. Нередко египетские прозаики используют в своих произведениях диалект при написании диалогов. Уже деваются попытки издавать периодику на египетском диалекте. Но и литературный язык неодинаков в различных странах. Так, египтянин с трудом читает произведения художественной литературы, написанные сирийскими или иракскими авторами.

Но главное, видимо, не в этом. Мы знаем довольно много примеров того, когда представители разных национальностей говорят на одном языке. Так, на английском говорят различные нации в Англии, США, Канаде и Австралии. Как отмечал советский академик В.В. Бартольд, в средние века противники арабской империи писали против нее памфлеты на арабском языке. Язык, являясь одним

из главных компонентов нации, тем не менее не может быть единственным ее творцом.

Сегодня перед арабскими народами стоят общие национальные задачи: покончить с экономической, социальной и культурной отсталостью, а также с непрекращающимися попытками империализма и сионизма навязать свое господство. Можно сказать даже, что объединение сил арабских стран — историческая необходимость. Это безмерно облегчило бы решение стоящих перед ними проблем развития и завоевания подлинной независимости. В определенные моменты истории, особенно во время обострения борьбы с сионистско-империалистическими агрессиями, арабский мир демонстрировал, что он может объединять свои усилия. Но окончательному единству арабских стран мешают различия в государственном устройстве, общественно-политических системах и, главное, уровнях социально-экономического и культурного развития. Очевидно, что такое единство было бы прогрессивным и плодотворным в том случае, если бы оно шло не по пути нивелировки различий между отдельными арабскими народами, а, напротив, сохраняло бы их неповторимые особенности.

О Египте, колыбели одной из древнейших цивилизаций мира, сохранившей в течение тысячелетий многие свои особенности и в то же время — неотъемлемой части арабского мира, и идет речь в этой книге.

ЕГИПТЯНЕ И АРАБЫ

Вопреки хронологическому порядку начнем наше повествование с наиболее резкого поворота в истории страны — с арабского завоевания; именно с этого периода, поскольку он представляется на первый взгляд разграничительной чертой, разделившей судьбу египетского народа на две якобы вовсе не похожие друг на друга части.

Было бы ошибочно думать, что тесное знакомство египтян с арабами произошло во время арабского завоевания Египта в VII веке. Культурное влияние Египта и цивилизаций Междуречья на культуру Аравии не вызывает сомнения. В свою очередь, уже с самого раннего времени отмечается появление в египетском языке слов, заимствованных у обитателей восточных пустынь. Основной путь, который связывал Египет с Аравией, шел через реку Вади аль-Хаммамат, начинающуюся недалеко от Фив и

выходящую к Красному морю в Аль-Кусейра. Во времена XII династии был прорыт канал, связавший Нил с Красным морем у Суэцкого залива. Канал был восстановлен Птолемеями, затем снова расчищен при арабских халифах. Окончательно его забросили после того, как в 1497 году открыли путь в Индию мимо мыса Доброй Надежды. Египтяне установили контакты с бедуинскими племенами на Синайском полуострове еще в додинастическое время, приобретая у них медь и бирюзу. Фараоны I династии уже сами эксплуатировали рудники на Синае, подчиняя себе проживавших там бедуинов или договариваясь с ними.

Окружавшие Аравийский полуостров степи и пустыни превращали его в естественную крепость, недоступную для завоевателей. Недаром арабы называют его Арабским островом. Ограниченные жизненные ресурсы заставляли население мигрировать в соседние страны. Примерно раз в тысячелетие этот исход бедуинских племен принимал массовый характер. Волны переселенцев направлялись или на восток в Междуречье, или в районы Сирии и Синайского полуострова, за которым лежала богатейшая долина Нила.

На западе контакты бедуинских племен с оседлыми жителями долины Нила начались еще в незапамятные времена, когда они поселились на Синае и в пустынях, расположенных между Нилом и Красным морем. Надписи и рисунки на древнеегипетских памятниках свидетельствуют о наличии самых различных связей между Египтом и Азией. Гиксосы, завоевавшие примерно в конце XVIII века до нашей эры северную часть страны, представляли собой, очевидно, объединение различных азиатских, преимущественно семитских, хурритских и, возможно, индоевропейских племен. Характерно, что этому завоеванию предшествовал длительный период, когда азиатские племена постепенно проникали в Дельту и захватывали там пастбища. Египетские мелкие князьки брали на службу отряды азиатских наемников, а их командирам отдавали в управление целые области. Естественно, что египтяне сталкивались с предками арабов (название «арабы» появилось во второй половине I тысячелетия до нашей эры) во времена Среднего и Нового царств, когда египетские войска надолго захватывали Палестину и Сирию. Во времена Птолемеев египетские суда регулярно посещали берега Красного моря и даже выходили в Индийский океан.

В 24 году до нашей эры по приказу римского императора Августа префект Египта Элий Галл снарядил воен-

ную экспедицию для завоевания Аравии. В нее входило 10 тысяч воинов, набранных в Египте как среди египтян, так и среди проживавших в стране римлян и греков. В ее состав входили и «союзники» — 10 тысяч набатейцев и 500 иудеев. Эта экспедиция была первой и последней попыткой европейского государства захватить Внутреннюю Аравию. Через несколько месяцев изнурительный поход, не принеся никаких результатов, закончился возвращением войск в Египет.

В 269-170 годах победоносные войска Зенобии (араб. Аз-Забба или Зейнаб), царицы Пальмиры (Тадмора), захватили Египет. Некоторые историки сообщают, что царица этого небольшого арабского государства, дабы завоевать симпатии египтян, распространяла слухи о своем египетском происхождении (она-де потомок Клеопатры и даже пишет историю Египта). Во всяком случае, все историки сходятся на том, что она в совершенстве владела египетским языком.

Уже после того, как войскам императора Аврелиана удалось разгромить пальмирцев, почти одновременно произошли антиримские восстания в Пальмире и Александрии. Этот, хотя и краткий эпизод истории свидетельствует об общности интересов египтян и арабов в борьбе против иноземных захватчиков.

Естественно, нередко были случаи, когда арабы жили среди египтян, а египтяне среди арабов. Так, арабские историки сообщают, что египтянин Бакум еще до появления ислама восстановил храм Каабы в Мекке, разрушенный сильнейшим селем, а Джабр бен Абдаллах аль-Кибты (т.е. копт), один из ближайших сподвижников пророка Мухаммеда, был египтянином. На отношения арабов с египтянами несомненно повлиял сам пророк Мухаммед; по преданию, он пожелал добра коптам, когда его жена коптка Мария родила сына, которого нарекли Ибрахимом.

Амр ибн аль-Ас, предводитель арабского войска, завоевавшего Египет, ранее был купцом и неоднократно приезжал в эту страну со своими товарами. Ему приписываются слова: «Население Египта благороднее всех неарабов, щедрее, предпочтительнее по происхождению и ближе всех по родству к арабам, а особенно к курейшитам». К этому стоит добавить, что Египет упоминается в Коране четыре раза и, кроме того, по мнению комментаторов, подразумевается без прямого упоминания еще двадцать раз.

Из всего этого неопровержимо следует, что вступление в

Египет под знаменами ислама арабской армии в 640 году не явилось вторжением неведомого, сугубо враждебного народа. Уже с древнейших времен арабы знали египтян, а египтяне — арабов. Были между ними и вооруженные столкновения, и длительные периоды мирных торговых, культурных и религиозных связей.

Само завоевание прошло довольно мирно лишь благодаря тому, что глава коптской церкви, подвергавшейся жестоким гонениям со стороны византийцев, призвал всех египтян не оказывать сопротивления новым завоевателям, чье число не превышало 12 тысяч (через несколько десятилетий в Египте насчитывалось уже более 80 тысяч воинов-арабов). Каждый наместник, назначаемый халифом в Египет, приводил с собой войско в несколько тысяч человек, а порой даже в десять-двадцать тысяч. Многие воины женились на коптских женщинах и навсегда оставались в Нильской долине. Особенно охотно арабы селились в Верхнем Египте, где их привлекали жаркий сухой климат и, конечно, сказочное плодородие земель.

Завоевав Египет, арабы не поселились в существовавших уже городах, жизнь в которых была для них непривычна, а разбили вблизи крепости Вавилон свой военный лагерь — аль-Фустат (от латинского «фоссатум»), постепенно превратившийся в столицу. Он оставался ею до 969 года, когда Фатимиды основали Каир.

Первый шаг в египтизации арабов и арабизации египтян, очевидно, сыграла ежегодная весенняя отправка арабских военных отрядов в различные районы страны для выпаса лошадей. Каждый год определенный отряд отправлялся в определенный район, что приводило к установлению прочных связей с местным населением. Воины приживались в этих районах и постепенно смешивались с местным населением. Интересно отметить, что араб иногда брал в жены египтянку, но обратного никогда не происходило. Современный египетский историк замечает, что араб предпочтет отдать свою дочь на съедение крокодилу, чем выдать ее замуж за феллаха.

Смешению арабов и египтян-коптов содействовало и то, что на большинстве государственных должностей, кроме самых высоких, занимаемых арабами, находились египтяне. Арабские племена, поселившись в Египте, переходили к оседлому образу жизни и перенимали у своих соседей, коренных жителей, их жизненный опыт, обычаи и привычки. Уже спустя несколько веков большинство

египтян приняло ислам, забыло свой древний язык и переняло арабский. В настоящее время на коптском языке, давно уже непонятном для коптов, совершается лишь часть богослужений в церкви, но и здесь преобладает арабский. Копты, составляющие небольшую часть населения — несколько миллионов, — не являются национальным меньшинством в стране, как иногда доводится слышать. В этническом отношении они принадлежат к египетскому народу, отличаясь от остальных египтян лишь религией.

ЕГИПТЯНЕ И ИХ ХАРАКТЕР

Современное население Египта, таким образом, ведет свое начало от древних египтян, в значительной степени смешавшихся с арабами-завоевателями. Греко-македонское население давно смешалось с местным населением, и лишь в городской среде еще кое-где проглядывают его следы. Английский историк Артур Вейгалл в своем труде «Жизнь и времена Клеопатры — царицы Египта» о последнем периоде правления Птолемеев писал, что, так как с египтянами заключалось много браков, в большом числе семей кровь была смешанной. Большинство образованных людей теперь умели говорить как по-гречески, так и по-египетски, и все официальные декреты и объявления обнародовались на двух языках. Многие греки к своим именам добавляли еще египетские.

Не привели к изменению этнического типа египтян и последующие пришельцы — мамлюки, турки и европейские колонизаторы, которые составляли ничтожную прослойку населения в крупнейших городах.

Внешнее сходство современных египтян с древними, отмеченное многими исследователями, говорит о близком их родстве и преемственности этнического типа. Известный советский египтолог, академик М.А. Коростовцев писал, что он, «прожив несколько лет в Египте и побывав в разных частях страны, имел возможность неоднократно убедиться в том, что этнический тип древнего и современного египтянина, особенно сельского жителя Верхнего Египта, очень близки друг другу. Сравнивая лица, изображенные в древних храмах и гробницах, с проходящими мимо крестьянами, автор не мог не прийти к заключению,

что древние египтяне предки современных. Порой он испытывал впечатление, что те египтяне, с которыми он разговаривал и общался, сошли со стен храмов и гробниц»*.

А вот что писал в начале XX века известный немецкий ботаник и африканист Г. Швейнфурт: «В течение тысячелетий египтяне, обитающие на берегах Нила, несмотря на бесконечные вторжения народов в их страну, о которых повествует история, сохранили свой физический облик неизменным. Эта стабильность типа — исключительное явление... Эта устойчивость, встречающаяся и у некоторых других народов Востока, опровергает представления об упадке и вырождении народов Востока. Напротив, эти народы обладают способностью, полностью отсутствующей у наших цивилизованных народов, сохранять свой первоначальный тип... Сила сопротивления египтян внешним влияниям проявлялась в течение веков, и, несмотря на то что они подверглись вторжениям, тирании, угнетению и принуждены были к смешению с гиксосами, эфиопами, ассирийцами, персами, греками, римлянами, арабами и турками, их первоначальный тип отлично сохранился до наших дней... Всякая иностранная иммиграция в Египте неизбежно поглощалась и ассимилировалась массами местного населения».

Египтяне не без основания гордятся этой способностью, называя ее «аль-ихтива» («охватывание»).

Широко известна история открытия одной деревянной статуи времени Древнего царства. Знаменитый американский египтолог Джеймс Генри Брэстед писал, что «одним из поразительнейших портретов Древнего царства является лоснящийся, упитанный, довольный собой старый надсмотрщик, чья деревянная статуя... находится в Каирском музее. Всем, конечно, известно, что его называют "Шейх эль-баляд", "деревенский староста", вследствие того что местные жители, вырывшие его из земли, обнаружили такое поразительное сходство его с шейхом своей деревни, что все в один голос закричали "Шейх эль-баляд". Современного шейха и его прототип разделяли более чем четыре тысячелетия!»**

По поводу этой статуи Гастон Масперо заметил, что

* Коростовцев М. А. Египтяне древние и современные. - Вестник древней истории. 1966, N 1, с. 40—46.

** История Египта. Т. I. М., 1915.

Шейх эль-балад является венцом мемфисского творчества и, если бы где-нибудь устроили выставку собранных со всего мира шедевров, он послал бы туда и его для прославления египетского искусства. В нем совершенна не одна только голова: весь рельеф тела смодулирован с большой любовью и исполнение доведено до такого совершенства, какого достигли те из современных нам ваятелей, которые больше всего стремились к реализму.

По мнению многих наблюдателей, сохранился не только физический облик, но и жесты. Посетивший Египет в начале века Андрей Белый писал, что египетская старина прорастала в Египте двадцатого века. Сами жесты, с которыми полицейские подымают белую палочку, напоминали жесты египетских человечков на фресках; так старый Египет врывался в каирский проспект из разрытой в песках усыпальницы.

Египтяне вообще куда больше жестикулируют, чем европейцы, за исключением, пожалуй, итальянцев. И действительно, многие из этих жестов напоминают сохранные на древних рельефах положения рук. Известный русский врач С. Елпатьевский, посетивший Египет в начале века, писал в своей книге, что, предлагая откусить, староста деревни «вдруг вытянул руки ладонями к нам характерным жестом, которого я никогда ни у одного народа не видал, тем самым жестом, каким на рельефах храмов подданные и приближенные обращались к фараону...»

Несомненные черты сходства между древними и современными жителями долины Нила прослеживаются и в национальном характере. Вот какое мнение о древних египтянах высказал крупнейший знаток египетского языка и литературы А. Гардинер: «Мы остаемся с впечатлением, что имеем дело с народом, любящим удовольствия, веселым, артистичным и остроумным». Египтолог Г. Брэдфорд отмечал, что в любви египтян к природе, их трезвом и ясном взгляде на жизнь, их неизменной жизнерадостности, вопреки их постоянным и тщательным приготовлениям к смерти, выражены преобладающие черты их натуры, столь ясно запечатлевшиеся в их искусстве, что это последнее стоит значительно выше мрачной тяжеловесности, которая характерна для искусства Азии того времени.

Другой знаменитый египтолог, Флиндерс Питри, разбирая древнюю «Сказку о двух братьях», писал о главном ее герое Бате, что образ Баты является одним из

самых прекрасных характеров, описанных в древности. Трогательно выражены самоотрицание и невинность юноши, его любовь к животным. И кто знает Египет, согласится, что Бата еще живет там. Несколько Бат я знал сам. Нежность его характера, его набожность, его работоспособность, его честность, его спокойствие делают Бату одним из самых очаровательных друзей. Я встречал Бату во многих местах, Бату я любил как один из цветков человеческой природы и все время надеюсь вновь встретить Бату среди юношей-феллахов.

Другой египтолог разрешил долгий спор в научном мире о датах, проставленных в рукописи «Путешествия Ун-Амуна» и никак не согласующихся друг с другом, заметив, что это произведение написано представителем «любезного и небрежного» египетского народа — черты характера, донесенные до наших дней.

Конечно, Л.Н. Толстой был прав, заметив, что одно из величайших заблуждений при суждении о человеке в том, что мы называем, определяем человека умным, глупым, добрым, злым, сильным, слабым, а человек есть все: все возможности, есть текучее вещество.

Пожалуй, в еще большей степени эта мысль относится к целым народам. Но, естественно, это не означает, что все люди или все народы одинаковы. Вероятно, отличия между ними лежат в сочетании перечисленных великим писателем возможностей, в превалировании того или иного склада характера, темперамента, вкусов, понятий, которые образуются под влиянием социальных условий, исторического опыта и даже климата. Среди египтян далеко не все Бата, на египетской земле можно встретить и его вспыльчивого старшего брата Анупу. И, конечно, не все традиции и обычаи, коренящиеся в веках и тысячелетиях, полезны и благотворны. Есть среди них даже варварские. К таким обычаям относится, например, кровная месть, широко распространенная в Верхнем Египте и идущая от арабов. Ежегодно этот обычай уносит жизни нескольких сот людей, в том числе женщин и детей.

Порой стычки между семейными кланами перерастают в ожесточенные бои, требующие вмешательства не только полиции, но и армейских подразделений. Причем острота вражды редко смягчается даже таким общепризнанным целителем всяческих невзгод, как время. В печати нередко сообщения такого типа, как появившееся в «Аль-Ахрам» 1 августа 1987 года. В нем говорится, что в 1945 году

в деревне близ районного центра Дейрута началась вражда между семьями Азакля и Галяль. Пять человек из последней семьи были убиты. Прошло сорок два года, казалось, старая вражда забыта, но снова звучат выстрелы — убиты два человека из семьи Азакля. Преступники арестованы, однако в таких случаях они обычно и не собираются скрываться. Как бы сурово ни было наказание, они остаются полны сознания исполненного долга.

Вовсе не обязательно, что убийца неграмотный, темный человек. Он может иметь высшее образование, даже ученую степень, полученную за границей. Отмечались случаи, когда кровную месть совершали профессора университетов. Мститель идет на убийство с открытыми глазами, прекрасно сознавая всю серьезность своего поступка. Его воля полностью парализована, она подчинена древнему обычаю, которому местное население придает ореол священного долга. Ведь иначе его ждет презрение окружающих, в том числе самых близких людей. Сами обычаи заставляют не забывать о мести, необходимости кровью смыть позор неотомщенного убийства. В семействе убитого до отмщения не принимаются соболезнования, а женщины не надевают траурных одежд. В некоторых районах могилу убитого красят в черный цвет, и только после совершения кровной мести ее перекрашивают в принятый здесь, на Востоке, белый.

Счет ведется по головам: голова за голову, причем объектом мести может быть только взрослый мужчина, способный носить оружие. Убить женщину или ребенка считается позором. Но если все же убита женщина, то в кровавом счете она числится лишь как полголова. Как правило, попытки властей добиться примирения между враждующими семьями путем выплаты выкупа оканчиваются неудачей. Примирение возможно лишь в том случае, когда число убитых с обеих сторон одинаково.

Другой обычай, против которого пока тщетно борются многие врачи, — женское обрезание. Оно производится над девочками 9—11 лет простыми ножницами в бане или же в небольшом павильоне, построенном где-нибудь на рынке; люди побогаче обращаются в этом случае к врачам.

Обычай продолжает жить до сих пор. Какие родители хотят, чтобы их дочь осталась незамужем? А в день свадьбы мать жениха обязательно проверит, обрезана ли невеста, и если нет, то свадьба просто отменяется. Этот

обычай, как свидетельствуют исследования мумий, идет еще из древнего Египта, хотя, судя по имеющимся данным, тогда он не носил такого обязательного характера.

Одно из наиболее ценных качеств национального характера египтян — их жизнерадостность и склонность к юмору. Это тоже наследие прошлых поколений. Например, древние историки писали, что смешанное население Александрии легко бросало свои труды ради развлечений. Историк Дион Хрисостом (I век) писал: «Вся Александрия совершенно сходила с ума во время музыкальных представлений и конных ристалищ. Когда они занимались своим обычным делом, они были явно в своем уме, но стоило им оказаться в театре или на ипподроме, как они, казалось, становились невменяемыми, они больше не знали и не хотели знать, что они говорят или делают. И это относилось даже к женщинам и детям, так что когда зрелище заканчивалось и первое сумасшествие проходило, еще несколько дней все улицы бурлили от возбуждения, как волны после бури».

Император Адриан писал об александрийцах, что они весьма легкомысленны, их настроение изменчиво и они падки на любые слухи. Кроме того, по его мнению, они склонны к бунтарству, самодовольны и язвительны.

Цари да и государственные деятели получали от местных остряков унижительные прозвища, от которых не могли избавиться порой даже после смерти. Так, Птолемей IX был прозван «оплывшим», Птолемей X — «викой», Птолемей XIII — «дудочником». Селевка они прозвали «уличным торговцем соленой рыбы», а императора Веспасиана — «кухонным мужиком». Когда марионеточный царь Иудеи Агриппа проезжал через город, александрийцы, представители «золотой молодежи», водрузили на голову одного из уличных сумасшедших подобие короны, сунули ему в руки тростинку и провели по улицам города, приветствуя его как «царя евреев», хотя они прекрасно знали, что Агриппа — друг Калигулы, их императора. Про императора Веспасиана, известного своей скупостью, они сочинили веселую песенку о том, как император настойчиво требует, чтобы его друг вернул ему ничтожный долг в шесть оболов. Подобным же образом они высмеяли Каракаллу, подражавшего в одежде Александру Македонскому. Однако на этот раз острословам это с рук не сошло: под благовидным предлогом «золотая молодежь» была собрана в одном месте и затем хладнокровно перебита.

Высмеивание правителей стало традицией египтян. Нередко их шутки и анекдоты метко характеризуют те или иные акции правительства. Задолго до того, как профессиональные политики и дипломаты разобрались, куда ведет дело Садат, народ уже оценил способности Садата: появился анекдот об осле. Осел пришел в бюро эмиграции, там его спросили, по какой причине он решил уехать из страны. Осел ответил: «Или он, или я».

Египтяне — жизнерадостный народ. Известна их приветливость, склонность к шуткам, прибауткам, игре слов. Стоит кому-то остановиться посреди улицы, запеть веселую ритмичную песню, и вокруг быстро собирается толпа, которая тут же начинает подпевать и пританцовывать, хлопая в ладоши. Конечно, при поверхностном знакомстве со страной, особенно во время туристической поездки, порой складывается впечатление несколько другое, и прежде всего что египтяне назойливые вымогатели, надоедливые приставапы. Но таких людей, кормящихся вокруг туристов и вообще иностранцев, ничтожно мало, хотя в Египте их, видимо, больше, чем в других арабских странах, по той причине, что Египет — одна из них и здесь куда больше людей, которым приходится добывать хлеб насущный собственной предприимчивостью, а то и нахальством. Однако и от этих надоедливых людей очень легко отделаться шуткой; если же вы серьезно будете повторять, что вам не нужен «палец мумии РамсесаII» или «подлинный» кусок рельефа из древнеегипетской гробницы, то вы рискуете потерять терпение. Ваш преследователь проявит завидную настойчивость и будет сопровождать вас много километров. Он ничего не теряет, ведь другого дела у него все равно нет.

Не стоит забывать, что во всех странах, где развит туризм, появляются и паразитирующие на нем ловкачи. Племя египетских торговцев может вывести из терпения неопытного покупателя. Но будем справедливы, вспомним из русской классики, каковы были купцы в Охотном ряду. Они считали неотъемлемой частью своего профессионального умения подсунуть залежалый товар, да еще содрать втридорога. Лучше всего во всех случаях сохранять доброжелательность, тогда вам обеспечен лучший товар, а также чай, кофе или прохладительный напиток по вашему выбору. Опять-таки оговорюсь, что среди египетских торговцев, особенно крупных, подчас образующих своего рода мафии, много настоящих хищников. По мере роста капи-

талистических отношений число таких хищников неуклонно возрастает, а патриархальная приветливость исчезает.

Египтяне, как правило, не очень-то склонны задумываться о завтрашнем дне. Возможно, причина — благодатный климат страны. Больше или меньше, но уж что-нибудь да взрастит плодоносная, орошаемая Нилом земля.

Римский поэт Тибулл (I век до нашей эры) писал: «Отче Нил... благодаря тебе Египет никогда не сеет в жертву ливням и иссохшая былинка не склоняется там в ожидании милостей Юпитера Дождетворца».

Встреча с Египтом, с Нилом всегда несет в себе радость, вселяет особый заряд бодрости и оптимизма, которые, кажется, различны в прозрачном и прохладном утреннем ветерке, колышавшем веера финиковых пальм, в чистом, светло-голубом небе, так редко застилаемом облаками. Но порой воздух из прозрачного становится бурым и тяжелым, не пропускающим даже лучи ослепительного египетского солнца. Резкий горячий ветер миллионами мельчайших песчинок покалывает лицо, сбивает краску с автомашин, крошечными рябинками покрывает стекла. Трудно дышать, голова тяжелая и ватная, как после тяжелой болезни. Такие песчаные бури, хамсины, бывают только весной и случаются, видимо, лишь для того, чтобы еще острее почувствовать благодатность египетского климата. Наши метеорологи, на долю которых приходится столько едких шуток, могут позавидовать своим египетским коллегам. Они редко ошибаются: называй среднюю для этого времени года температуру, предвещай ясную, солнечную погоду, возможность появления к утру легкой облачности, добавь «Иншалла» — «Если пожелает Аллах» — и не ошибешься.

Климат прекрасный, но, конечно, главное в Египте — сами египтяне; среди них довольно редко встретишь мрачных, замкнутых людей. Почти все если не прирожденные ораторы, то по крайней мере за словом в карман не полезут. Удивительно, как бойко, складно, образно изъясняются перед микрофоном случайно выбранные на улице для интервью прохожие: люди самых различных занятий, социального положения и культурного уровня.

«Дай жить сегодня, а завтра хоть убей» — типично египетская поговорка. Эта черта была подмечена давно. Еще знаменитый арабский историк Абд ар-Рахман Ибн Халдун (XIV век), значительную часть своей жизни проведший в Каире, писал: «Жители Египта кажутся как

будто закончившими расчеты с жизнью», имея в виду, что они не очень-то задумываются о будущем и о последствиях своих действий. Его ученик Таки эд-Дин Ахмед аль-Макризи продолжил его мысль: «У них нет привычки делать припасы, как это принято в других странах, они покупают продукты ежедневно, утром и вечером, на рынках». Он же отмечал, что для египтян характерно проводить время в удовольствиях, заниматься безделицами.

Несомненно, именно эти кажущиеся беззаботность и легкомыслие помогают большинству египтян выживать даже в тяжелейших условиях. Ахмед Амин, составивший любопытный «Словарь египетских обычаев и традиций», пишет: «Странно, но как раз люди самые несчастные, хуже всех живущие, менее всего имеющие, больше всего любят шутку. В кофейнях, где собираются ремесленники и рабочие и те, у кого нет ни профессии, ни работы, шутка ценится весьма высоко. Остроумного человека здесь любят и уважают: сожалеют, когда его нет, и радуются его приходу. Будто бы сама природа, считая бедность болезнью, исцеляет ее шуткой как лекарством».

Собственно, ту же мысль, только несколько иначе и, пожалуй, сгущая при этом краски, высказывает современный известный египетский писатель Юсуф Идрис: «Мы — народ, почти не способный принимать решения. Волны и ветры делают с нами что хотят. Жизнь нас берет, ставит на место. Судьба на наших глазах разбивает наше будущее или устилает наш путь розами. Мы же воспринимаем все происходящее так, как будто какие-то демоны или ифриты, таинственные силы определяют нашу жизнь и наши действия, а мы во всей этой называемой жизнью комедии не более чем зрители... Радость — радуемся, печаль — печалимся. Но мы сами никогда не создаем ни радостей, ни печалей, а значит, не определяем самого главного — течения жизни. Для нас наша жизнь уже кем-то заранее сделана. Она преподносится нам в готовом виде семьей, классом, обстоятельствами, и мы принимаем ее как предопределение, рок. Мы никогда не отвергаем ее, нам даже не приходит в голову ее изменить».

Вероятно, подобные настроения, в какой-то степени принижающие роль личности, индивидуальности, вызывают подчас трудно понимаемые нами явления. Так, например, во время военных действий в октябре 1973 года египетская армия проявила себя с самой лучшей стороны.

И если бы не капитулянтские маневры Садата за спиной армии, то вряд ли военные действия двух сторон были бы сведены к ничейному результату. Но, несмотря на проявленный солдатами и офицерами героизм, в сводках главного командования никогда не сообщалось о том, что такой-то совершил такой-то подвиг. С точки зрения египтян, не следует кого-то выделять из общей массы, когда вся армия совершает подвиг. Просто одному повезло: он уничтожил три танка противника, другой — один, а третьему не удалось подбить ни одного танка. Но он был готов уничтожить и три и четыре. Зачем же выделять первого? Несправедливо. Конечно, он получит за это орден, но и только. Нужно признаться, что в этом есть своя логика, хотя нам она кажется странной.

Подводя итог, можно привести слова современного египетского ученого, доктора Абдель Азиза Рифаи, о том, что современные обычаи в большинстве представляют собой причудливую смесь фараоновского и арабского наследия, а их живучесть объясняется в целом сохранением окружающей природы и климата и медленным изменением социальных условий. При этом фараоновские черты он называет дедовскими, а арабские — отцовскими.

В РАЗРЕЗЕ ВРЕМЕНИ

Взглянем на карту современного Египта. Она хранит неоспоримые следы древности. Когда арабы завоевали Египет, они наняли большое число коптов и греков для проведения переписи всех населенных пунктов в стране. При этой работе одна часть названий была оставлена без изменений, другая изменена с тем, чтобы они звучали более удобно для арабов, третья, звучавшая по-египетски близко к арабскому, была арабизирована. В свое время завоевавшие Египет греко-македонцы в противоположность арабам усиленно заменяли египетские названия греческими. Однако они не привились и употреблялись только в официальных документах. Население же продолжало пользоваться традиционными названиями городов и сел.

Таким образом, многие современные названия ведут свое происхождение еще от времен фараонов, как бы перепрыгивая через греко-римский период. Так, например, центральный город Среднего Египта сейчас носит название Асьют, при греках он назывался Ликополис, а вот в глубокой

древности — Сиут. То же можно сказать о городе Ахмиме — (Панополис), Хеммис, Ашмунейне (Гермополь — Шмун) и т.д. От греко-римской эпохи осталось все же нередко встречающееся перед названием населенных пунктов слово «ком» (например, Ком-Омбо) — вероятно, от греческого «кома» — селение, деревня. В оазисе Фаюм, который был заселен преимущественно греческими и македонскими переселенцами и даже получил название Новая Македония, можно и сейчас встретить явные греческие названия, например Сеннурис.

Конечно, арабские правители давали населенным пунктам арабские названия, но местное население, как правило, придерживалось старых. В XII веке знаменитый султан Салах ад-Дин аль-Айюби постановил вернуть исконные названия переименованным селениям, где новые, арабские, не прижились. Так, например, деревне Мальяллах было возвращено ее коптское название Санданхур. Арабские названия остались только за теми поселениями, которые были основаны арабами. Сохранившиеся до наших дней древние названия стали серьезным подспорьем для историков и археологов. Конечно, нелегко сейчас обнаружить тождество современного названия и упомянутого в древних источниках. С течением времени, часто благодаря народной этимологии, а нередко и не без помощи полуграмотных чиновников, многие названия стали почти неузнаваемыми. Например, Пер-Бастит превратился в Телль-Баста, Хат-тут-Ра — в Дахтура, Сентенти — в Сидмант.

ПРАЗДНИКИ В ЕГИПТЕ

В египетских празднествах можно проследить преемственность разных эпох.

Еще «отец истории» Геродот отмечал любовь египтян к шумным и многолюдным празднествам. Такими же они остались по сей день. В праздники на улицы высыпают целые толпы людей, одетых в свои лучшие одежды. Повсюду слышны музыка и пение, призывные крики торговцев сластями и различными побрякушками.

Сразу нужно сказать, что само наше понятие праздника сильно отличается от египетского. Официальные, нерелигиозные праздники почти совсем не отмечаются. Нет ни шествий, ни гуляний, ни встреч за дружеским столом. Это просто нерабочие дни. Раньше, правда, в национальный

праздник годовщину революции 23 июля 1952 года — устраивался на одной из площадей Каира многотысячный митинг, на котором выступал президент Гамаль Абдель Насер. Такой же митинг устраивался 26 июля в Александрии — в годовщину изгнания последнего египетского короля. Впоследствии эти официальные торжества стали ограничиваться выступлением президента в Народном собрании и проведением официального приема во дворце Абдин. 6 октября отмечалась годовщина начала октябрьской войны 1973 года. Ранее, до убийства в этот день в 1981 году президента Садата, на самой окраине города, вблизи напоминающего пирамиду каменного шатра — монумента в честь Неизвестного солдата, проходил военный парад. День единства арабских стран — 22 февраля — вообще ничем не примечателен. разве что в газетах появится статья-другая на эту тему.

В Новый год по мусульманскому летосчислению, 1 мухаррама, в мечетях читается проповедь, посвященная бегству пророка Мухаммеда из Мекки в Медину в 622 году — отправной точке мусульманского календаря. Рождество и Новый год по христианскому календарю проходят чуть заметнее. Во всяком случае, в столице и крупных городах витрины магазинов украшаются елками (разумеется, искусственными), разноцветными шарами и хлопьями ваты. В ресторанах устраиваются подходящие событию вечера. Однако участие во всем этом принимают лишь европейцы да подражающая им элита египетского общества, которой, естественно, безразлично, какие праздники отмечать, лишь бы продемонстрировать свои сногшибательные наряды и великолепные драгоценности.

Зато многие религиозные праздники отмечает весь народ. На праздник лейлят аль-кадр — «ночь предопределения» — веселые, нарядные толпы до утра гуляют по площадям и улицам у наиболее почитаемых в Каире мечетей Хасана и Аль-Азхар. Поперек улиц и на фасадах домов развешаны гирлянды цветных лампочек, всю ночь открыты многочисленные рестораны, харчевни и кафе, идет бойкая торговля сладостями и семечками. Это проводимое из года в год на протяжении столетий гулянье на фоне мрачноватых, потемневших от времени мечетей оставляет чувство бесконечности бытия, почти физическое ощущение преемственности поколений.

Еще один праздник — маулид ан-наби — день рождения пророка. Если не считать проповедей в мечети, это в

основном праздник для детей. Повсюду появляются украшенные флажками деревянные павильончики, где продаются разнообразные по величине сахарные фигурки «арусат ан-наби» — «невесты пророка» — с бумажным пестрым веером за спиной. Другая популярная сахарная фигурка — всадник с саблей в руке.

Но самый любимый и характерный для Египта праздник — шамм ан-насим — дуновение ветерка, — корни которого уходят во времена фараонов. Этот весенний праздник справляют все — и мусульмане, и христиане. Отмечается он на следующий день после окончания пасхи, т.е. всегда в понедельник. Это единственный праздник, когда прекращается всякая деятельность: закрыты не только государственные учреждения, но и все магазины и лавочки. В этот день принято отправляться всей семьей за город, на свежий воздух. Конечно, далеко не все могут позволить себе выезд за город, и поэтому все скверы и парки заполнены людьми.

В шамм ан-насим матери будят своих детей еще до восхода солнца и дают им понюхать разрезанную луковицу. Считается, что если в этот день рассвет застанет человека в постели, а он не понюхал лука, то целый год он будет чувствовать себя вялым, расслабленным. В древнем Египте новорожденному тоже давали нюхать лук: считалось, что острый луковый запах помогает младенцам прийти в себя. Этот обычай сохранился у части населения страны. Так же как на пасху, в праздник шамм ан-насим красят яйца; кроме того, принято есть *хасс* — салат-латук и *малян* — вид зеленого горошка. Их зеленый цвет свидетельствует о вечности жизненных сил. В древнем Египте *хасс* был одним из атрибутов бога плодородия Мина и нередко изображался рядом с последним.

Наконец, главная традиционная еда в этот праздник — *фасих*, — рыба, которую солят, зарывают в песок и извлекают оттуда уже сильно разложившуюся.

Ритуальное поедание *фасиха* означает: мертвое превращается в живое. В последнее время в печати регулярно появляются призывы врачей отказаться от употребления *фасиха*, поскольку отмечено немало случаев серьезного отравления. Но пока что эти призывы остаются тщетными.

Среди египетских мусульман и коптов широко распространены культы местных святых, многие из которых, очевидно, берут свое начало в верованиях древних егип-

тян. Мулид — празднество по случаю дня рождения местного святого шейха — отмечается всеми жителями окрестных деревень. В такой день дома остаются лишь самые малые дети да дряхлые старики. Особого почитания удостоивается гробница святого — обычно небольшое кирпичное строение с куполообразной крышей. Всеегипетской популярностью пользуется культ шейха аль-Бадави в Танте, над могилой которого построена огромная мечеть. На его мулид собираются сотни тысяч людей. Естественно, во время этих празднеств идет бойкая торговля восточными сладостями и прохладительными напитками, а нередко устраиваются и настоящие ярмарки. Явно благодаря шейху аль-Бадави в Танте процветает целая промышленность восточных лакомств, считающихся лучшими в Египте. В интервью каирской газете великий шейх Аль-Азхара, высший религиозный авторитет для всех мусульман-суннитов мира, заявил, что мулиды вообще-то противоречат официальному исламу, а участие в них мусульманского духовенства, в том числе и свое собственное, объяснил тем, что эти верования слишком глубоко укоренились в сознании народа и духовенству приходится считаться с этим, дабы не отдавать мулиды на откуп шарлатанам.

Нередко культ святых шейхов уходит в глубину веков. Знарок Арабского Востока О'Лири писал, что было бы весьма заманчиво предположить, будто языческое божество, христианин-мученик и шейх — одно и то же лицо под разными именами и титулами. Исследователями действительно установлено, что в ряде случаев христианский святой или мученик занял место языческого божества времен фараонов, а теперь его место занимает мусульманский шейх. Наподобие того как изображение Хора, поражающего копьём крокодила, стало прототипом св. Георгия, пронзающего копьём дракона. Может быть, именно эта древность традиции обеспечила особую популярность св. Георгия не только среди египетских христиан, но и среди мусульман.

Святые, как и положено, совершают различные чудеса, излечивают от любых болезней. Но порой некоторые их деяния вызывают улыбку. Эдвард Лэйн, чья книга об обычаях египтян вот уже на протяжении почти полутора столетий остается наиболее полным и исчерпывающим трудом по этому вопросу*, приводит следующую исто-

* Лэйн Э. Нравы и обычаи современных египтян. М., 1986.

рию о похоронах в Каире одного святого человека *вали*. Когда похоронная процессия приблизилась к воротам кладбища Баб ан-Наср, где было приготовлено место для *вали*, несущие носилки внезапно почувствовали, как что-то не дает им идти. Один из них сказал: «Кажется, шейх не хочет, чтобы его похоронили на кладбище Баб ан-Наср. Что же делать?». Все забеспокоились, но, будучи такими же упрямыми, как сам святой, решили не считаться с его капризами. Они отошли на несколько шагов назад и попытались с ходу пронести шейха через ворота. Но не тут-то было. Несколько раз они возобновляли свои попытки и наконец опустили носилки на землю. Один из носильщиков отозвал своих друзей в сторону и прошептал, чтобы не услышал *вали*: «Давайте возьмем носилки и начнем их быстро вертеть, пока голова у шейха не закружится и он не перестанет понимать, в каком направлении мы идем. Тогда мы легко пронесем его через ворота». Как они и рассчитывали, шейх растерялся, и его похоронили там, где ему так не хотелось.

ДОЛИНА И ПУСТЫНЯ

Сохранил ли Египет на протяжении тысячелетий свой облик?

Основные черты безусловно, остались неизменными. Все так же пересекает страну великая полноводная река Нил, по берегам которой живет почти все население. Только в дельте Нил распадается не на семь рукавов, как это было в древности, а всего на два — Розеттский и Дамьеттский. Ландшафт долины реки довольно однообразен — пологие берега, круглый год зеленеющие поля, кущи финиковых пальм, вдали невысокая возвышенность или небольшие горы. В районе Асуана картина меняется и Нил течет среди живописных нагромождений гранитных скал. После строительства при содействии Советского Союза Высотной Асуанской плотины за ней образовалось огромное озеро Насер.

Наиболее ценные памятники древности, попавшие в зону затопления, были бережно перенесены на новые места. Это прежде всего два вырубленных в скалах храма Абу-Симбела, храм Калабша и целый архитектурный ансамбль острова Филе, перенесенный на соседний, более высокий остров. Своеобразный уголок Египта — Фаюм — единственное место в долине Нила (хотя Фаюм нередко назы-

вают оазисом, это не совсем точно, поскольку он питается нильской водой), где местность неровная и возделываемые земли имеют заметный уклон. Примечателен Фаюм еще и тем, что он является памятником древнейших крупномасштабных ирригационных работ, проведенных во время правления фараона Аменемхета I почти четыре тысячи лет назад. Древние ирригаторы использовали то обстоятельство, что Фаюм представлял собой естественную впадину. Были проведены работы по углублению и расширению небольшого потока, пробивавшегося через гряду, отделявшую долину Нила от Фаюмской впадины. В результате благодаря Нилу повысился уровень имевшегося здесь небольшого озера. Во время паводка вода направлялась в озеро, а затем часть ее снова уходила в Нил. Озеро служило своего рода регулятором реки, понижая максимальный ее уровень во время половодья и замедляя спад после него.

В древнем Египте вдоль Нила еще оставались незаселенные места, где в зарослях папируса можно было охотиться, и естественные пастбища, где пасся скот. Теперь же во всем Египте нельзя найти ни естественной роши (не говоря уже о лесах), ни лужка. Поэтому обычный способ выпаса скота довольно своеобразен. Животное привязывают к колышку на поле, засеянном египетским клевером — *бирсимом*. Когда оно съедает весь клевер вокруг себя, колышек переставляется в другое место. В Египте все культивируется, засеяны даже склоны каналов и дорожных дамб. Гиппопотамов и крокодилов в стране уже нет, если не считать озера Насер, где, по слухам, развелись крокодилы. Некоторые авторитеты считают, что крокодилы — существа очень нежные и перекочевали из Египта на юг континента потому, что их раздражал шум, производимый человеком и его неуемной деятельностью на берегах Нила.

Конечно, климат Египта на протяжении даже обозримой истории изменился. Найденные археологами на месте нынешних пустынь многочисленные кремневые орудия свидетельствуют о том, что в ту эпоху климат был более влажным и здесь существовали благоприятные условия для охоты на диких зверей и птиц. Как можно судить по сохранившимся в гробницах вельмож Древнего царства сценам охоты, тогдашняя пустыня представляла собой скорее саванну с отдельными группами деревьев и кустарников. Среди изображенных животных львы, леопарды, дикие буйволы, жирафы, страусы и несколько видов антилоп, давно уже исчезнувших с египетской земли. Там же изображены неко-

торые виды растений, уже не встречающихся в Египте. Теперь, чтобы увидеть прежнюю флору и фауну, нужно отправиться далеко на юг, в Экваториальную Африку.

Общеизвестна любовь древних египтян к цветам и другим растениям. Редкие растения привозились из далеких стран. На стенах храма фараона-женщины Хатшепсут (XVIII династия) в Дейр-эль-Бахри сохранился целый рассказ в рельефах о морской экспедиции в далекую страну Пунт (возможно, современные Эфиопия и Сомали). Среди различных диковин путешественники доставили в египетскую столицу немало экзотических деревьев и пальм. Эти растения были высажены перед храмом. Археологам удалось найти остатки их корневищ. Известно также, что любимым цветком в те времена был лотос; им обязательно украшали себя дамы на пирах, бесчисленное число раз он изображен на рельефах и фресках. Лотос занимал первое место среди цветов. Интересно, что роза, давно уже занимающая место царицы цветов, воспетая поэтами разных народов и времен, в древнем Египте не была известна. Полагают, что роза появилась там только в IV веке до нашей эры, когда страну завоевали персы, до сих пор считающиеся на Востоке искуснейшими садовниками.

Теперь лотос, так же как и папирус, уже не встретишь в Египте. Исчезли болота, заросли тростника, а вместе с ними исчез и этот прекрасный цветок.

Сейчас, пожалуй, первое впечатление, остающееся у любого, побывавшего в Египте, это — теснота, скученность. По улицам городов с утра до поздней ночи снуют толпы народа, а торговые ряды захватили такую большую часть египетского города, что на первый взгляд может показаться, будто египтяне ничем не занимаются, кроме как куплей-продажей; с трудом можно протиснуться сквозь плотные толпы людей, тележек, запряженных ослиами или толкаемых вручную. То и дело слышишь: «Хасиб!» («Осторожно!»), «Дахрак!» («Береги спину!»). Самое удивительное, что в этой несусветной толчее умудряются ездить на велосипедах и даже мотоциклах, причем на приличной скорости.

В сельской местности тоже нет привычных для нашего глаза просторов. Везде и всюду, ограниченные кущами деревьев и пальм, небольшие поля. Горизонт закрыт невысокой грядой. И всегда в поле зрения — люди. Даже если вы долго выбирали укромное местечко для отдыха и, казалось бы, нашли его, будьте уверены, через несколько мгновений как из-под земли появятся

целые ватаги мальчишек с неизменным «бакшиш, господин».

Ощущение тесноты усиливается и узкими улицами бедных кварталов городов и сел, застроенных сплошными рядами высоких домов (даже в деревнях большинство домов двух- и трехэтажные).

Плодородная долина Нила составляет всего 4 процента территории страны, остальное занимает пустыня — бескрайние просторы желтого песка и бездонное бледно-голубое небо. Нигде никаких следов человека и его деятельности, если только на горизонте не бросают свой вызов безжизненной и однообразной пустыне великие пирамиды (может быть, так и было задумано?), которые видны за несколько десятков километров. Здесь — величие природы в ее чистом, первозданном виде. В лесу или поле еще можно как-то себя «проявить»: сломать ветку, сорвать цветок, помять траву.

Отчужденность пустыни нарушить нелегко. Даже следы человека или машины тут же засыпаются песком. И опять вечная гармония песка и неба. Пустыня всегда была противопоставлена человеку, его труду на плодородных землях Долины. Недаром в Долине царствовал добрый бог Осирис, а в пустыне — злой бог Сет.

До сих пор подавляющее большинство египтян жили и работали в Долине и только некрополи располагались на кромке пустыни. Но в наше время перед египтянами встает жестокая и неумолимая необходимость освоения пустынных пространств. Гостеприимные берега Нила уже перенаселены. В древнем Египте, по данным ученых, проживало не более 4,5 миллиона человек, в 1950 году в стране уже насчитывалось 23 миллиона, а сейчас население перевалило за 50 миллионов. В Египте одна из самых высоких в мире рождаемость. К 2000 году по самым скромным подсчетам, население Египта превысит 60 миллионов. Египтянам предстоит освоить обширные территории в Западной и Восточной пустынях, а также на побережьях Средиземного и Красного морей.

После июльской революции 1952 года начались работы по освоению пустыни западнее Дельты. На освоенных землях была образована новая провинция, получившая название «Ат-Тахрир» («Освобождение»). Здесь при содействии Советского Союза построены большой ирригационный канал, механизированная сельскохозяйственная ферма «Дружба». Еще совсем недавно автомобильная магистраль Каир —

Александрия проходила по пустыне, теперь же примерно половину ее окружают зеленые поля и рощи провинции Ат-Тахрир. Употребляемое до сих пор название дороги «Пустынная» в отличие от Зеленой дороги, проходящей по Дельте, стало в значительной мере условным.

В печати обсуждаются планы перенесения столицы страны в район пустыни, примерно на полпути между Каиром и Александрией. Подобные планы возникли по двум причинам: во-первых, чтобы разрешить многочисленные проблемы Каира и, во-вторых, чтобы разгрузить перенаселенную долину Нила, начав освоение новых районов. Проведение каналов, рытье колодцев, разравнивание земли, строительство дорог, мостов и многого другого потребует колоссальных средств. Без коренного изменения социально-экономической политики, часть проблем которой унаследована от прошлого, а другая — благоприобретена в результате бездумной попытки правителей опереться на империалистические монополии для решения задач развития страны, мало чего можно достигнуть. Между тем проблемы стучатся в дверь, и с каждым годом все настойчивее.

ОТКРЫТИЕ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА

Интерес к искусству древних египтян на протяжении последних двух столетий неуклонно возрастал. Еще во второй половине XVIII века распространяется мода на «египетский стиль», ставший неотъемлемой частью декоративного оформления дворцовых зданий. мода эта проникла и в Россию. Оформление в египетском, вернее сказать ложноегипетском, стиле появляется в Зимнем дворце, императорских дворцах Царского Села, Петергофа, Гатчины и Ораниенбаума. Крупные вельможи также стремятся не отставать. Пример этому можно видеть в Москве, во дворце графов Шереметевых в Останкино.

Огромный интерес к изучению искусства древнего Египта пробудили работы французских ученых и художников, сопровождавших военную экспедицию Наполеона Бонапарта в Египет (1798—1801) и составивших прославленное много-томное «Описание Египта». Но тем не менее египетская культура долгое время остается для европейцев эдакой экзотикой, пожалуй даже несколько ошеломляющей вкусы общества, воспитанного на непререкаемых образцах классического искусства Греции и Рима.

Французский ученый Гастон Масперо, знаток древне-египетской цивилизации, посвятивший ее изучению всю свою жизнь, писал о древнем искусстве Египта: «В продолжение пятнадцати веков о нем ничего не знали, разве лишь классические писатели рассказывали о нем чудеса да редкие путешественники встречали огромные обломки по соседству с Каиром и в пустынях Фиваиды. Вот уже более ста лет (слова эти написаны в начале XX века. — *О.К.*) прошло с тех пор, как художники и ученые французской экспедиции извлекли его из забвения; наше поколение отвело египетскому искусству то почетное место, которого оно лишилось из-за небрежности предыдущих поколений. Правду сказать, это искусство не принадлежит к числу тех, которыми увлекаются с первого взгляда. Ряд произведений, завещанных нам, с первого же момента возбуждают восторг; их не труднее понять, чем лучшие творения греков и римлян. Достоинства других не сразу бросаются в глаза: их постигаешь лишь после внимательного изучения, на них нужно указывать тем, кто не имеет времени разыскивать».

Знаменитый русский египтолог В.С. Голенищев писал в одной из работ: «...человеку, не посвященному во все тайны египетского искусства, многое в этих фигурах (речь идет об изображениях на стеле. — *О.К.*) должно показаться странным и непонятным, и лишь когда он ознакомится с теми основными положениями египетского искусства, которые в течение всей египетской истории свято соблюдались во всем Египте, он, быть может, оценит всю тонкость работы древнего художника».

Более глубокое проникновение в древнеегипетское искусство стало возможным только с постепенным накоплением наших знаний о древнем Египте, о повседневной жизни, труде, мировосприятии древних египтян, выраженном главным образом в религиозных представлениях. Мощный толчок научному изучению древнего Египта дала дешифровка египетского иероглифического письма французским ученым Жаном Франсуа Шампольоном в 1822 году. Сейчас благодаря кропотливому труду ученых многих национальностей, в том числе русских и советских, египетский язык можно изучать, как и всякий другой, пользуясь учебниками, словарями и грамматиками. Египетский язык представляет особый интерес для науки: это единственный язык, эволюцию которого можно проследить на протяжении примерно 5 тысяч лет, вплоть до его последней стадии — коптского

языка, все еще употребляющегося в коптском богослужении.

Не менее важно, пожалуй, и то, что благодаря умножению наших знаний и новым археологическим открытиям примерно с середины прошлого века начинают подвергаться переоценке традиционные эталоны классического искусства и унаследованные вместе с ними представления о других цивилизациях как «варварских», с неразвитым, «дурным» вкусом. Оказалось, что другие цивилизации, просто иначе смотря на мир, по-своему толковали его и поэтому их эстетические и духовные задачи были несколько иными. Спор о том, какое из искусств выше, не имеет никакого смысла: каждое из них обогащает наше представление о мире и о человеке. Европейцы ощущают вдохновение в японской гравюре, африканской и ацтекской скульптуре. В этом, вероятно, и следует искать истоки и причины появления такого множества и разнообразия художественных течений и индивидуальных творческих манер, характерных для XX века.

БОГАТЕЙШИЙ В МИРЕ «СКЛАД»

Однако вернемся в современный Египет. Здесь в Египетском музее собрана величайшая коллекция египетского искусства. Желто-серое здание музея в ложноклассическом стиле, с большим куполом над центральным входом, расположено на главной площади Каира — Ат-Тахрир. Перед музеем всегда стоят туристические автобусы, звучит разноязыкая речь. Среди посетителей музея, к сожалению, совсем мало египтян. Во дворе музея рядом с большими древними статуями возвышается скульптура прославленного французского египтолога, первого руководителя египетской Службы древностей, Огюста Мариета, единственного иностранца, удостоенного захоронения в древнеегипетском саркофаге.

Египетский музей основан в середине прошлого века и долгое время назывался по каирскому району, в котором располагался, — Булакский. Затем его перевели в Гизу, где поместили в ныне не сохранившемся дворце в садах Эль-Урман. Наконец, в 1903 году построили специальное здание для музея. Но каждый год приносил новые археологические открытия, музей пополнялся новыми экспонатами и целыми коллекциями, подчас такими огромными,

как сокровища гробницы Тутанхамона, занявшими почти половину второго этажа музея. В результате сейчас он буквально забит всякого рода редкостями, которых хватило бы на добрый десяток музеев. Посетителю, а тем паче туристу, чье время строго ограничено, очень трудно что-либо выделить из той лавины диковинных предметов, которая обрушивается на него с первых же шагов по музейным залам. Недаром в одном из номеров популярного египетского журнала «Роз эль-Юсеф» была напечатана карикатура: рабочий с ведром краски и кистью поднимается по стремянке к вывеске «Египетский музей», зачеркивает слово «музей» и пишет вместо него: «склад».

Сквозь пыльные стекла подчас трудно разглядеть пожелтевшие бумажки с объяснениями, написанные от руки явно еще в начале века. Интересный случай произошел в музее в 60-х годах. Известный советский египтолог Н.С. Петровский, впервые осматривавший коллекцию Тутанхамона, обратил внимание на отсутствие в витрине одного из посохов фараона, известных ему по научным публикациям. Всполошившаяся администрация так и не смогла установить, когда и как произошла пропажа. Только через несколько лет, когда наконец решили вымыть полы, пропавший посох нашли — он валялся за стоявшим у стены диваном. С ручки посоха был содран покрывавший ее тонкий слой золота. Как произошла кража (печати на витрине были в целости) и сколько лет пролежал посох за диваном — осталось неизвестным.

Но все это, так сказать, технические мелочи, вызванные не столько нерадивостью администрации, сколько мизерностью средств, отпускаемых на содержание музея. Но, по правде говоря, в этом хаотическом беспорядке есть и своя прелесть: можно самому сделать самое настоящее археологическое открытие. Так, например, в июле 1977 года каирская пресса сообщила, что директор Египетского музея д-р Али Хусни случайно обнаружил голову мумии одной из цариц Египта, жившей примерно три тысячи лет назад. Голова хранилась в ящике в запертом на ключ помещении, которое не открывалось в течение 50 лет. По распоряжению директора уже через два часа после находки голова мумии демонстрировалась в одной из музейных витрин.

В Египетском музее представлены не только каменные стелы, рельефы и скульптуры, но и предметы из дерева, папируса и тростника, на удивление прекрасно сохранив-

шиеся. На втором этаже музея находится небольшой зал, редко посещаемый. В его первой половине выставлены малоинтересные для неспециалиста каменные скребки и глиняная посуда додинастического периода. Во второй — представлены мумифицированные животные, в том числе нильская рыба, напоминающая огромного копченого окуня, вид которой, пожалуй, и сейчас способен вызвать аппетит. Здесь же в небольшой витрине хранятся самые удивительные вещи: различного рода хлеба и пирожки. Один из таких пирожков до сих пор находится в оплетке из стеблей какого-то растения. Формы их самые разнообразные, а на одном из хлебов выдавлена голова богини Хатхор с коровьими рогами. Эти образцы кулинарного искусства древнего Египта, чей возраст превышает несколько тысячелетий, право же, выглядят не хуже, чем знаменитый кулич, которым Плюшкин собирался потчевать Чичикова и который еще «Александра Степановна привезла...».

Не меньшее впечатление производят представленные в музее многочисленные образцы деревянных стульев, табуреток, кроватей, шкапулок, плетеных корзин и коробов. Все эти предметы найдены в захоронениях, где были созданы все условия для их «вечной» сохранности.

До нас дошли и еще более хрупкие вещи — венки из цветов. Они во множестве клались в захоронения. Ученые с легкостью опознают и классифицируют высохшие, но не потерявшие своей формы листки и цветы, по большей части еще держащиеся на своих стеблях.

Множество таких древних венков и букетов хранится в Египетском сельскохозяйственном музее. Они служат подсобным материалом для археологических исследований. При вскрытии гробницы Тутанхамона было найдено большое количество роскошных венков, а на крышке последнего саркофага лежал небольшой, скромный букетик простых полевых цветов. По всей видимости, этот букетик как последнюю дань рано умершему супругу собрала на берегу Нила молодая вдова. Пусть эти цветы не идут ни в какое сравнение с другими ценнейшими находками, с которыми соседствовали в течение тысячелетий, но в одном они их превосходят: они дают почти реально почувствовать теплоту человеческих отношений. Кроме того, зная время цветения растений, собранных в этом букетике, специалисты-ботаники помогли археологам определить время захоронения с точностью до месяца.

В последнее время сделано многое для улучшения музея и его охраны. Но тем не менее в октябре 1987 года была обнаружена пропажа 11 экспонатов в одной из витрин музея. В их числе 25-сантиметровая статуэтка из алебаstra знаменитого фараона XIX династии Сети I. Полиция начала расследование, и менее чем через неделю похитители были задержаны. Ими оказались безработный и мелкий торговец. При обыске полицию ждал сюрприз: кроме 11 предметов, о которых было заявлено администрацией музея, обнаружили еще 32 музейных экспоната!

Как же могла произойти эта кража, если днем в музее полно служителей и посетителей, а ночью он охраняется военными? Очень просто. Один из преступников входил в музей вместе с другими посетителями незадолго до его закрытия и прятался в туалете. Ночью он открывал одну из витрин и прятал на себе небольшие экспонаты. После открытия музея он смешивался с толпой посетителей и выходил. И так преступники «работали» в течение трех ночей!

Естественно, этот случай дал богатый материал карикатуристам. На одном из рисунков кассир музея спрашивает очередного посетителя: «Вам какой билет — для осмотра или спальный?».

Будем надеяться, что меры, принятые после этого скорбного случая генеральным директором Службы древностей Ахмедом Кадри, всемирно известным египтологом, обеспечат безопасность Египетского музея, сокровища которого, насчитывающие 120 тысяч экспонатов, дороги всему человечеству.

ДРУГОЙ МИР — ДРУГИЕ ПОНЯТИЯ

Религиозные представления древних египтян запечатлены в бесчисленных статуях, рельефах, надписях на стенах храмов и свитках папируса. Проходя по залам Египетского музея, знакомишься со сложнейшим египетским пантеоном. На первый взгляд это набор каких-то чудищ. Боги в виде человека, но с головой то павиана, то барана, то ибиса, то сокола, то шакала. Боги в образе коровы, жука-скарабея, кошки, лягушки и тому подобного. Как тут не вспомнить прочитанную когда-то в «Сатириконе» «Всеобщую историю», где о египетской религии говори-

лось примерно так: египтяне не были разборчивы в том, чему поклоняться. Они обожествляли все, что попадалось под руку: солнце, корову, Нил, птицу, собаку, луну, кошку, ветер, гиппопотама, мышь, крокодила, змею и многих других домашних и диких зверей. Ввиду этой многочисленности богов самому осторожному и набожному египтянину ежеминутно приходилось совершать различные кощунства: то наступит на хвост священной собаке, то съест в супе священную муху.

Трудно себе представить, чтобы египетские понятия, вкусы и традиции на протяжении тысячелетий оставались неизменными. Конечно, они менялись, но эти изменения касались скорее частных, чем сути самих представлений.

Мы привыкли к тому, что в любой религии существует своя «священная» книга, излагающая основы религиозного учения, какую-то «конечную истину», естественно метафизического порядка. Но в египетской религии мы находим целый ряд доктрин, которые, с нашей точки зрения, исключают одна другую. В одном из гимнов говорится, что бог Ра породил сам себя, а заодно и всех богов и весь мир. Несколько ниже в том же гимне говорится, что Ра был рожден богиней неба Нут. Ежедневное восхождение солнца-Ра представляется то как его рождение богиней Нут, то как победный выход после еженощно повторяющейся битвы сил света с силами тьмы, олицетворяемыми гигантским змеем Апопи. Согласно одному мифу, человека вылепил из глины Хнум, бог с бараньей головой, согласно другому — он появился от магического слова, произнесенного богом Птахом. Список подобных противоречий можно было бы продолжить до бесконечности.

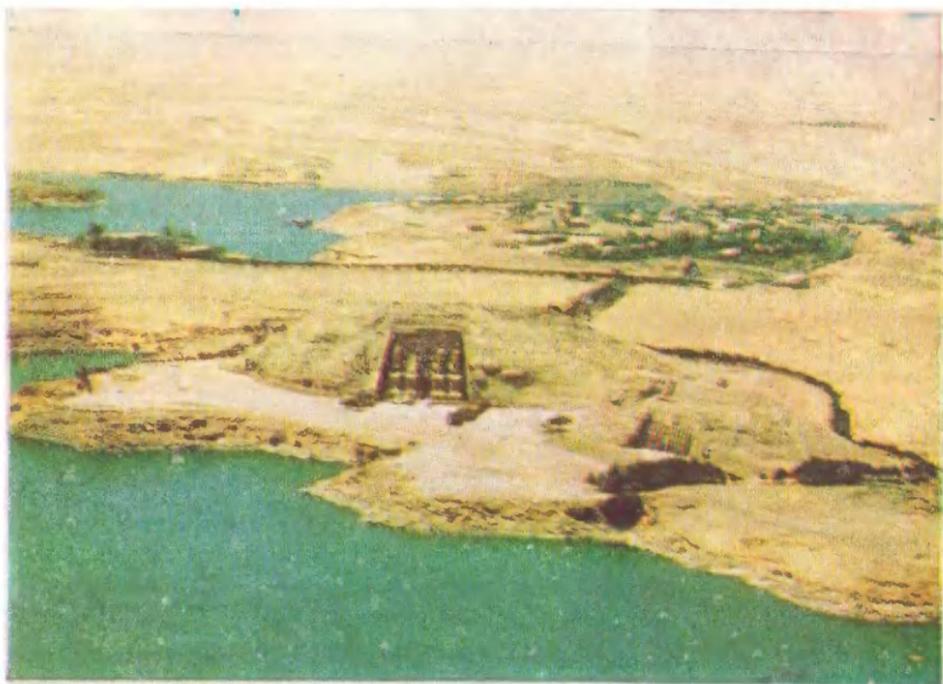
Но сами египтяне никаких противоречий и нелепостей во всем этом не видели. Просто у них процесс проникновения в «истину» был иной, чем у нас: для них характерна «множественность подходов» для объяснения тех или иных явлений. Каждое такое «тактическое» проникновение имело вес и значение само по себе, как бы соприкасаясь с другими и, уж конечно, не противореча одно другому. Это можно назвать буйством фантазии. Так тоже может быть, и нечего все сводить к одному-единственному, одностороннему объяснению! Благочестивый мусульманин непременно добавит, завершая свой рассказ: «Аллах лучше знает».

Крупнейшие школы религиозной мысли — Мемфис, Гелиополь, Фивы давали разные объяснения происхождения мира и человека, но тем не менее не воспринимались египтянами как враждебные друг другу. В этом смысле характерно типичное для египетских религиозных представлений слияние, отождествление различных богов в единое божество, для нас подчас мало понятное. Объясняется же это довольно просто: возвеличивается, скажем, правящая в Фивах династия, возвеличивается и главное божество Фив — Амон, а для придания ему еще большего авторитета его сливают с популярным в Гелиополе богом солнца Ра. Да и политические мотивы ясны: благодаря слиянию божеств, южное, фиванское, получает прописку на севере — как известно, древний Египет состоял из двух царств — Южного (Верхнего) и Северного (Нижнего).

Но, как представляется, это явление было сложнее. Играло свою, хотя и неглавную роль развитие религиозной мысли. С незапамятных времен фиванцы поклонялись «Амону»-скрытому, проявлявшемуся в ветре: «Ты слышишь его звук, но не можешь сказать, откуда он идет и куда уходит». Жители Гелиополя считали верховным богом Ра и тоже воспринимали его как источник жизни всего сущего.

Конечно, жрецы крупных религиозных центров пытались как-то упорядочить религиозные воззрения, создать какую-то систему, естественно на основе возвеличивания собственных концепций, однако это им не удалось. Советский академик М.А. Коростовцев писал, что отсутствие последовательности, психологическая невозможность отказаться от древних религиозных взглядов, даже если они противоречат новым плодам теологического творчества, глубокая приверженность традициям, по-видимому, в высшей степени характерны для религии вообще и египетской в частности.

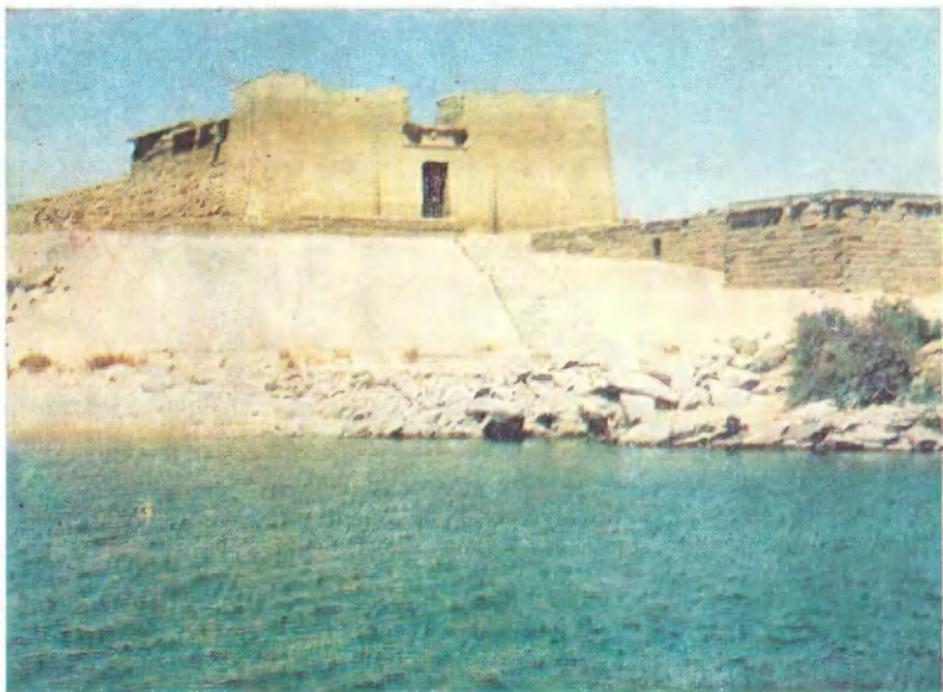
Говоря о мышлении древних египтян, нельзя обойти их представления о мире и о времени. По их мнению, никаких перемен, никакого «развития» на земле не происходит, да и не должно происходить. Мир всегда остается таким, каким его создали боги. Но ночь сменяет день, жизнь — смерть, после разлива Нила следует спад уровня воды и т.д. В представлении египтян, это просто извечный ритм жизни. Именно этот богами заданный

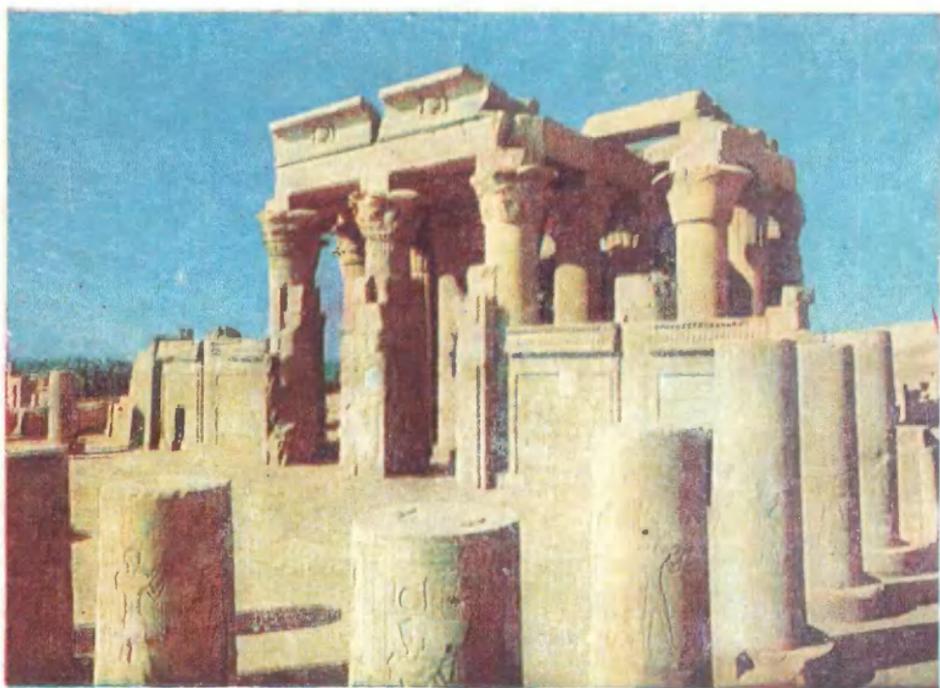
Абу Симбел. Вид сверху на храмы

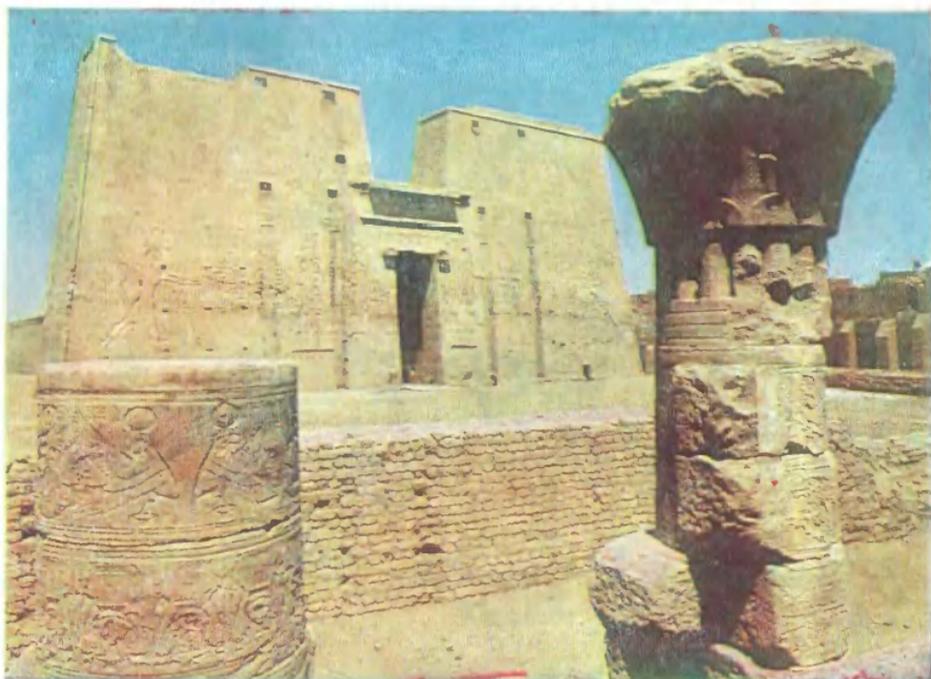
Асуан. Остров Филе

Асуан. Храм на озере Насер

Ком-Омбо. Храм

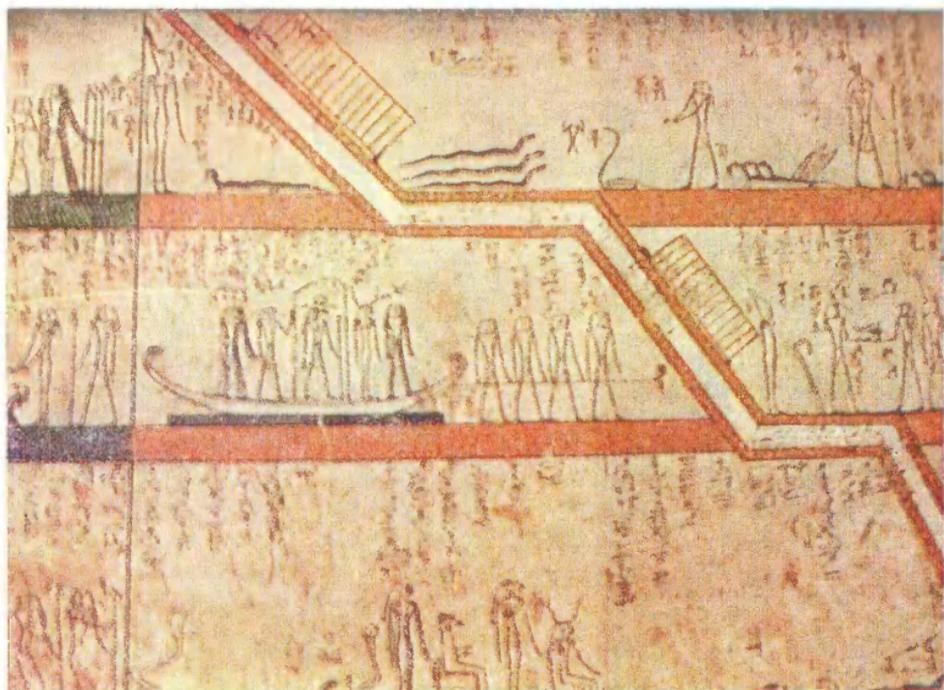
Эдфу. Большой пилон храма Хора

Эспа. Храм богини Хнум

Каир. Египетский музей

Фивы. Долина царей (Роспись в гробнице Тутмоса III)

Луксор. Аллея сфинксов у Луксорского храма

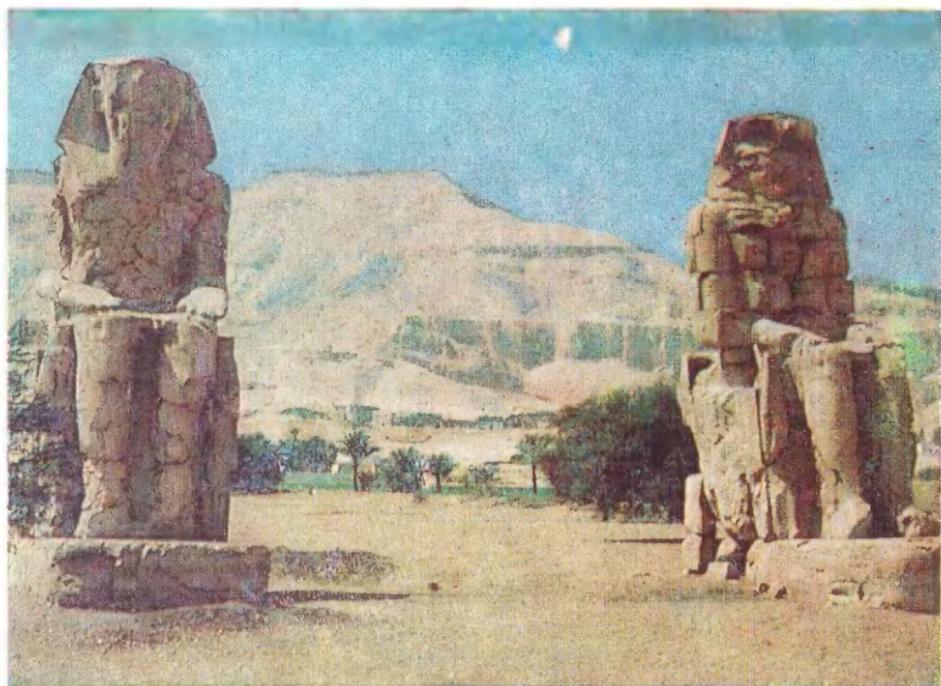
Карнак. Рельефы из храма Амона

Западные Фивы. Храм Хатшепсут

Абидос Храм Сети I.
(Фараон Сети I делает подношение богине Хатхор)

Фивы. Колоссы Мемнона

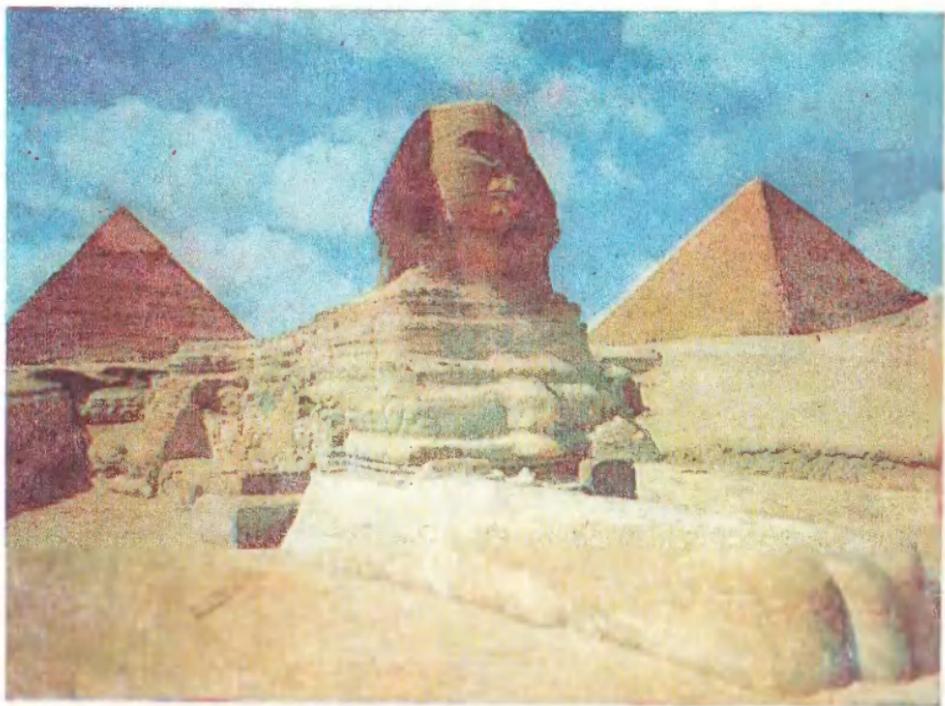

Гиза. Нил ночью

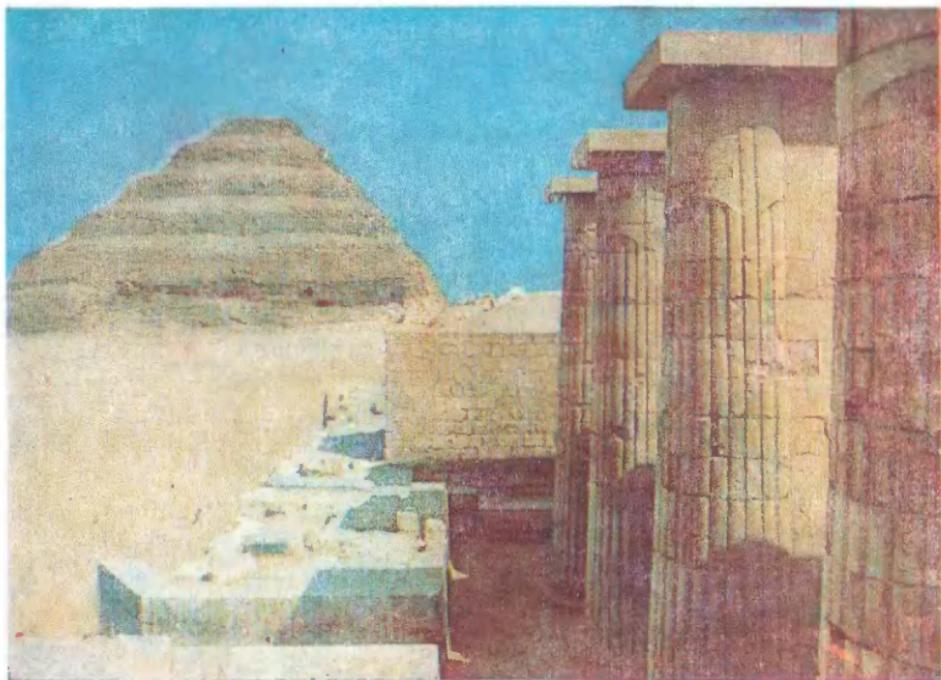

Дендера. Храм Хатхор

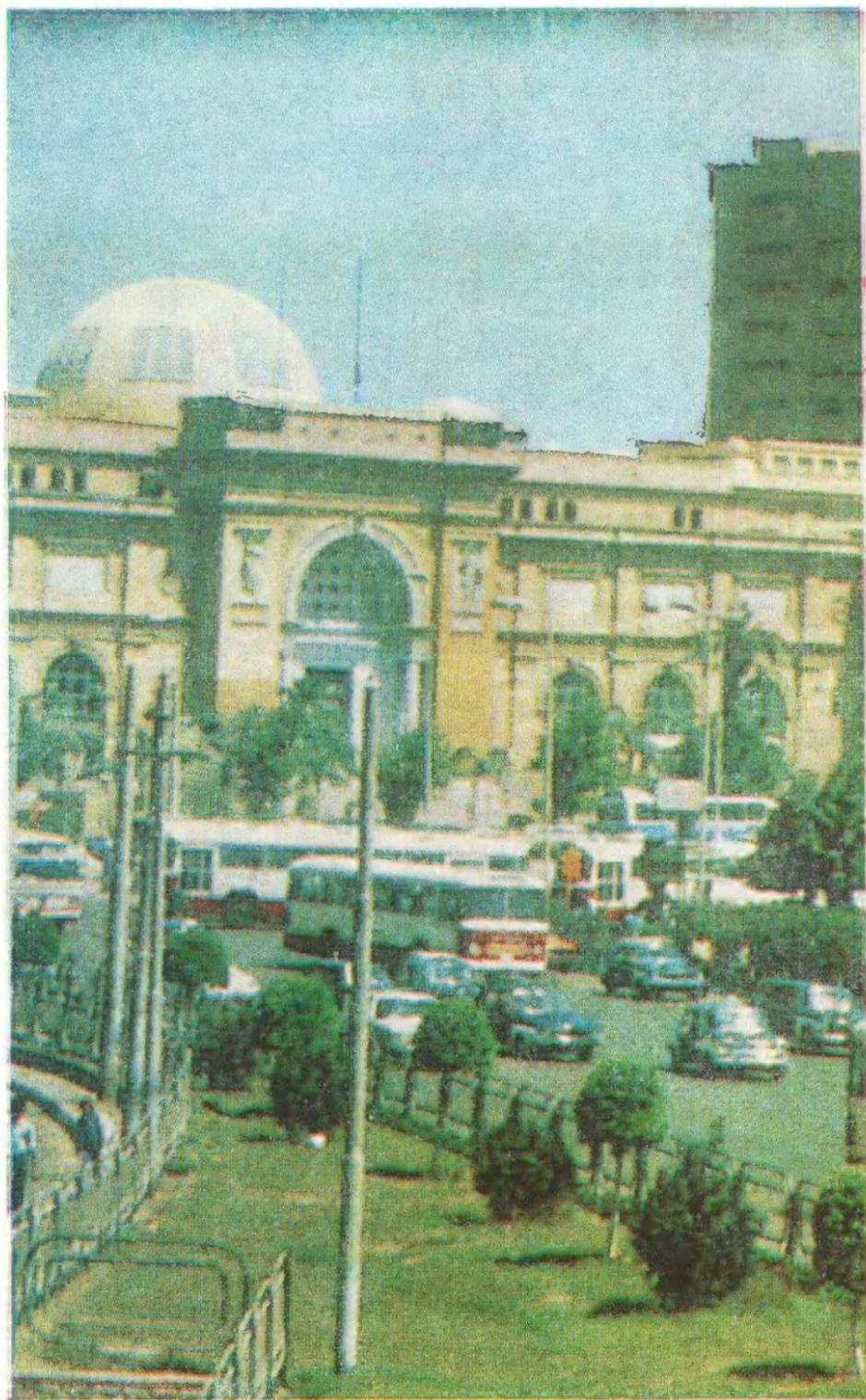
Каир — Гиза. Сфинкс

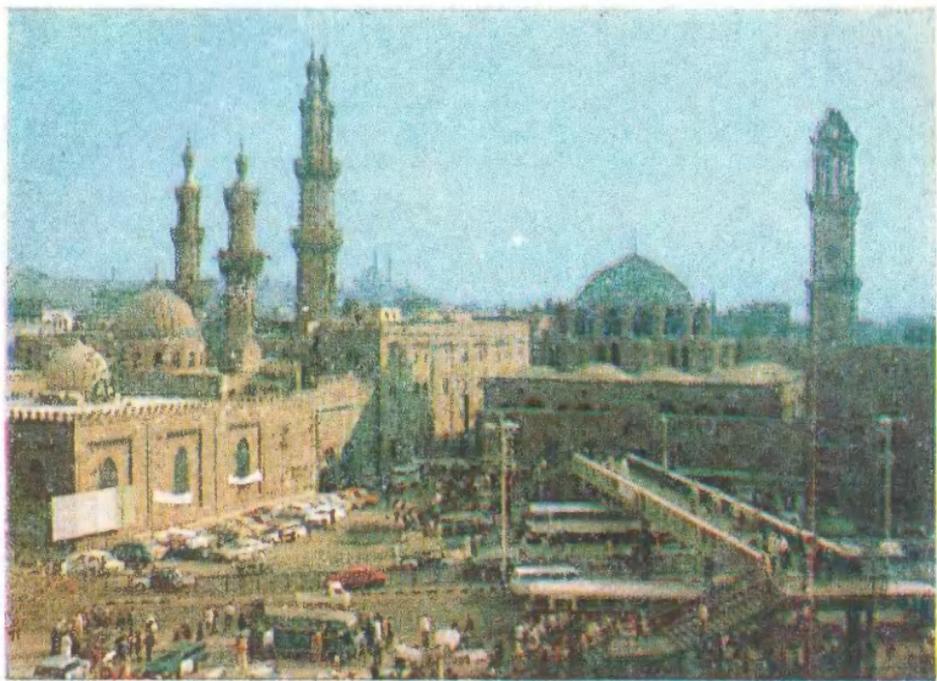
Саккара. Ступенчатая пирамида Джосера
и колонны с каннелюрами

Каир. Вид на Нил

Каир. Египетский музей

Каир. Мечеть Аль-Азхар. (Старый университет)

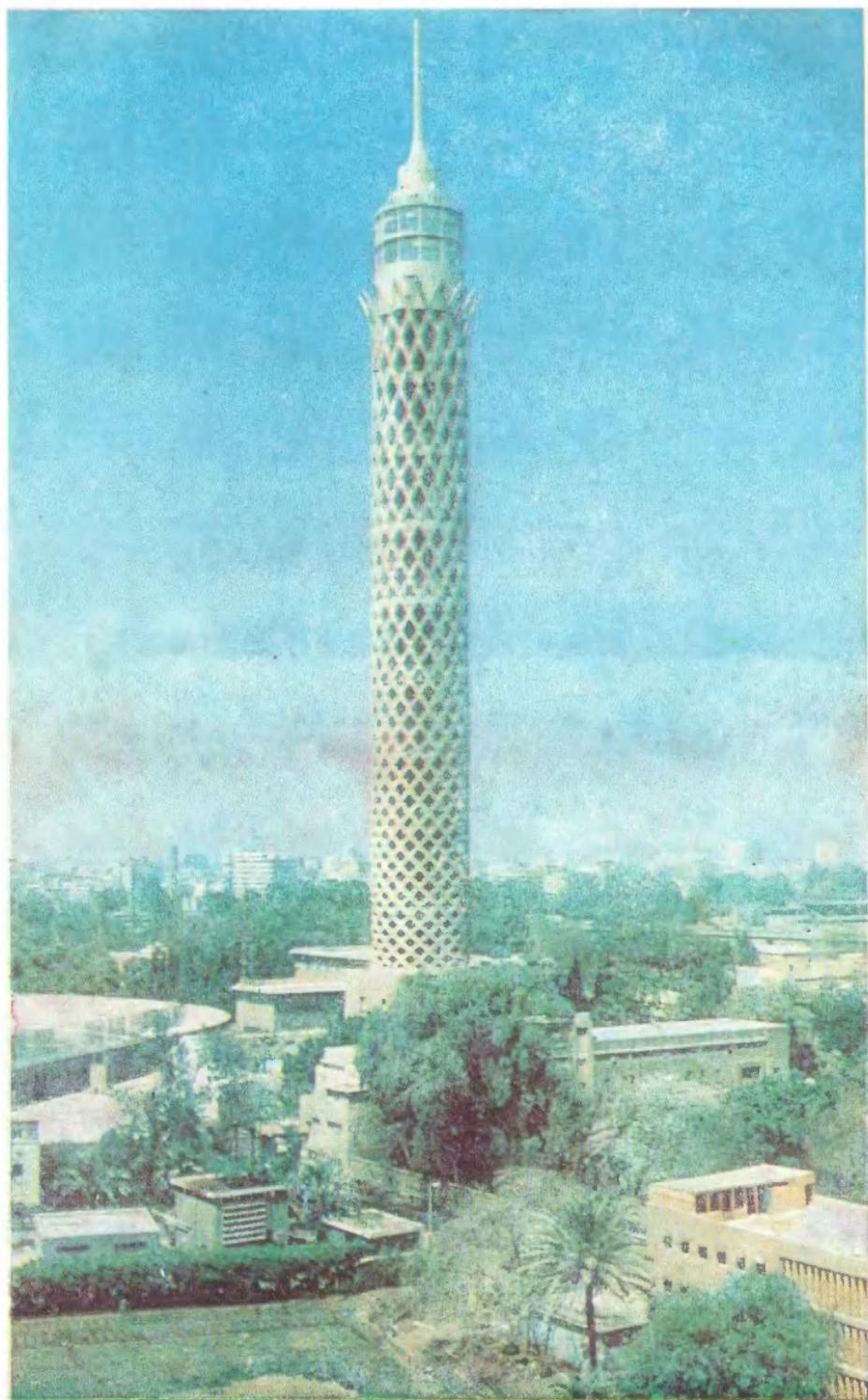
Каир. Внутренний двор Алибастровой мечети

Каир. Разрисованный папирус из Египетского музея

Каир. Площадь Рамсесов

Каир. Каирская башня

Суэцкий канал

Александрия. Форт Клод-бся и морской музей

ритм и есть залог процветания человечества. Собственно, ту же мысль прекрасно выразил русский поэт прошлого века Аполлон Григорьев в одном из своих стихотворений:

Неразрывна цепь творенья;
Все что было — будет снова;
Все одно лишь измененье;
Смерть — бессмысленное слово.
Каждый вечер дня светило
Перед нами исчезает,
А наутро снова светом
Миру юному сияет.
Но времен круговращенье
Бесконечней звезд небесных,
Нынче — кукла в заточеньи,
Завтра — бабочкой порхает,
И ничто не умирает.

.....

Древние египтяне называли изначальный порядок, установленный при мироздании, Маат. В современном языке нет эквивалента этому понятию, и мы переводим его по-разному, в зависимости от контекста, — правда, порядок, справедливость. «Маат, — писал академик М. Коростовцев, — во всех своих аспектах символизирует божественное установление, правильность жизненных устоев и нравственных принципов».

Хотя Маат изображалась обычно в виде женщины с пером на голове или даже просто как перо, есть все основания полагать, что это скорее абстрактное понятие, чем божество с определенными функциями. Древние египтяне построили на концепции Маат целую этическую систему, которая была закреплена не столько в религиозной литературе, сколько в так называемых «поучениях»; их авторы делятся своим опытом с потомками.

Главная мысль этих «поучений» состоит в том, что человек в своей жизни должен добиваться гармонии с раз и навсегда заведенным на земле порядком (что, несомненно, полностью отвечало интересам правящих слоев общества) и что правильной, добродетельной жизни можно научить; в них давались советы, как «вписаться» в общество и природу. Первооснова успеха — это честность и справедливость при любых обстоятельствах.

Большое место уделялось проповеди терпения, подавлению «бури в сердце». «Страстный» человек, как несдержанный, готовый на необдуманные поступки, противопоставляется «молчаливому», который в присутствии старших не

поднимет голоса и говорит, только когда к нему обращаются, смеется, только когда засмеется старший, и т.п. Да и вообще следует производить как можно меньше шума. Аменемопет в своем «Поучении» говорит: «Поистине, крокодил, не издающий звуков, вызывает самый законенный страх».

Подобные «поучения» могут вызвать у нас улыбку: мол, древние египтяне проповедовали молчалинский подход к жизни. Однако проповедуемое ими «молчание» не имеет в виду маленького, униженного человека. Наоборот, неболтливый человек знает себе цену, никогда не теряет чувства собственного достоинства, умеет владеть собой. Одним словом, «учитесь властвовать собою». Проповедь терпения и сдержанности остается и поныне одной из самых распространенных в Египте и на всем Арабском Востоке. Повсюду можно видеть каллиграфически выписанные слова: «терпение — благо», а однажды в маленькой лавочке зеленщика в каирском районе Замалек я увидел и такую, более сложную сентенцию: «Я буду терпеть до тех пор, пока само терпение не потеряет своего терпения».

Из дошедших до нас произведений дидактической и художественной литературы древнего Египта, пожалуй, можно сделать вывод, что по крайней мере образованная часть населения считала, что боги не вмешиваются в жизнь людей. Они создали лишь предвечный, гармоничный порядок — Маат, а люди сами, своей волей призваны его поддерживать. В те времена не существовало понятия греха и человек, совершавший дурной поступок, просто-напросто был глуп, неразумен, так как бросил вызов вечной, всегда торжествующей справедливости — Маат.

Но созданный богами порядок на земле вовсе не означает вечного мира и спокойствия. Силы хаоса и мрака постоянно угрожают божественным предначертаниям. Академик М. Коростовцев замечает: «...бытие мира — это извечная, непрекращающаяся борьба между силами хаоса и порядка, тьмой и светом».

Концепция Маат была призвана способствовать распространению спокойного, уверенного отношения к жизни с ее заранее заданным ритмом. Появление этой концепции вызвали своеобразные социальные и природные условия жизни в долине Нила. Благодаря периодическим разливам реки египтяне не знали голода. Географическая изолированность Египта, окруженного со всех сторон пустынями, делала вторжения чужеземных войск довольно редким

явлением. По крайней мере более редким, чем, например, в Месопотамии.

Достигнутое в древнейшие времена политическое и хозяйственное единство страны под двойной короной фараонов обеспечивало нормальное функционирование ирригационной системы, определенный порядок в Египте и безопасность населения. Основа экономики страны — земледелие, в ту пору неизбежно зависевшее от ритмов подъема и спада вод Нила, содействовало сохранению консервативных представлений о природе и обществе. Консервативность, в свою очередь, способствовала относительной устойчивости древнего общества.

В Египте, конечно, случались периоды внутренних распрей и чужеземных вторжений. И тогда, казалось, извечный порядок рушился и появлялись такие полные отчаяния и драматизма произведения, как знаменитый «Разговор разочарованного со своей душой». Но подобные периоды были сравнительно редки в истории Египта, и Маат в конце концов снова торжествовала. Древних египтян нелегко было поколебать в их убеждениях. Они, например, считали, что поскольку Нил течет на север, то и все реки мира должны течь в том же направлении.

Во времена Нового царства начались завоевательные походы египтян. Пока они завоевывали Палестину и Сирию, встречавшиеся им на пути реки, впадавшие в Средиземное море, почти не противоречили их представлениям. Однако когда войска фараона дошли до Евфрата, они, казалось бы, волей-неволей должны были признать свои взгляды ошибочными. Но этого не произошло, и фараону была направлена депеша, где сообщалось, что войско дошло до реки, которая в своем стремлении на север течет на юг!

Консервативность египтян часто играла негативную роль. Французский историк Пьер Монтэ, говоря о несомненных достижениях древних египтян, замечает, что достичь подлинно научных результатов на любом поприще им мешало слепое следование традициям. Впрочем, он добавляет, что это явление не полностью исчезло и в современном Египте.

Когда египтяне изобрели алфавитное письмо (один знак обозначал один звук) и вполне могли бы перейти на него как на простое и удобное, они этого не сделали и наряду с алфавитными иероглифическими знаками продолжали пользоваться иероглифами, обозначавшими слоги либо целые слова или же служившие детерминативами. Согласно

одной из гипотез, чужеземцы-финикийцы, ознакомившись с египетской письменностью, на основе фонетических знаков создали алфавитное письмо, от которого пошло великое множество современных алфавитов.

В бассейне рек Тигра и Евфрата, где также сложились древнейшие цивилизации, представлений о справедливом порядке во вселенной не возникло, вероятно, в связи с существованием здесь враждующих между собой городов-государств, а кроме того частыми иноземными вторжениями. В месопотамских обществах господствовали настроения неопределенности, страха перед будущим. Тамошние боги каждый год вносили изменения в судьбы человечества по законам, недоступным человеческому пониманию. Именно здесь возникла библейская легенда о потопе.

ФАРАОНЫ И ИСТОРИЯ

Особое положение в древнеегипетском обществе занимал фараон. Вернее, фараон стоял над обществом. Это был представитель богов, правивших Египтом сразу же после создания мира. Он унаследовал от них свой престол. Фараон играл роль связующего звена между богами и народом и тем самым обеспечивал его благосостояние. Именно из-за особого отношения египтян к своим правителям мало что известно о их характере, личных качествах, даже о таких знаменитых, как великий строитель и долгожитель Рамсес II или полководец Тутмос III.

Многочисленные скульптурные портреты фараона хотя и передают его индивидуальные черты, но тем не менее это не живой конкретный человек с собственным характером, а идеализированный правитель — мудрый, строгий и справедливый. В длинных торжественных надписях, восхваляющих деяния фараонов, порой очень трудно выудить какие-либо полезные исторические сведения. Если вспомнить при этом представления египтян о неизменности ритма жизни, отсутствии какого-либо поступательного движения, то станет ясно, почему дошедшие до нас надписи древних египтян даже о крупных событиях содержат сравнительно мало информации, а подчас просто ставят в тупик. Ведь отдельные события, в том числе и исторические, эфемерны. Они лишь случайно нарушают установленный ритм жизни. Достоин же внимания лишь то, что всегда было и всегда будет.

Фараон Пепи II подробно описал свою победу над ливийцами и поместил в собственном храме изображения плененных ливийских вождей. Но затем было обнаружено, что те же племена ливийцев названы в надписи фараона Сахура за двести лет до Пепи II. Рамсес III перечислил в своих победных надписях захваченные им местности в Азии, фактически лишь добросовестно скопировав их со стен храма Рамсеса II, а тот заимствовал этот список у Тутмоса III.

Как правило, всех врагов Египта условно называли народами «девяти луков». Конечно, они были различного происхождения, но египтянам было неважно, кто они. Важно только то, что фараон всегда одерживал над ними победу (иначе и быть не может), восстанавливая порядок — «поднимая Маат». Победа — лишь часть ритмичного существования мира, поэтому с кем и как велась война, для древних египтян было не столь важно, и если об этом упоминается, то только для оживления текста.

Естественно, такой подход к истории не мог быть универсальным. Жизнь не умещалась в узкие рамки «божественной концепции мира». Этот подход затрудняет понимание исторических текстов, требует от ученых огромной эрудиции, чтобы отделить подлинно ценные исторические сведения от традиционной придворной болтовни. Ничто человеческое не было чуждо и фараонам. Не мог Рамсес II не похвастаться своей храбростью в битве с опаснейшим противником — хеттами, вторгшимися в северные владения Египта. Битва при Кадеше не принесла победы ни одной из сторон, но она воспрепятствовала дальнейшему продвижению хеттских войск и преподносилась официальной пропагандой как великая победа.

Сам Рамсес II имел все основания помнить это событие: оно чуть не стоило ему жизни. Молодой и пылкий фараон с небольшим отрядом колесниц оторвался от основного войска — четырех полков — Ра-Харахте, Амона, Птаха и Сетха. Видимо, подвела разведка, и отряд оказался окруженным хеттским войском. Благодаря личной храбрости фараону удалось вырваться из окружения и соединиться со спешившими ему на помощь главными силами. Как свидетельствует дошедший до нас текст заключенного после битвы при Кадеше мирного договора между Рамсесом II и хеттским царем Хаттусилисом III около 1280 года до нашей эры, стороны, говоря современным языком, разделили между собой сферы влияния.

Знаменательное событие было воспето в так называемой «Поэме о Кадешской битве» — одном из древнейших поэтических произведений. По своему стилю — торжественному, с гиперболическими эпитетами и сравнениями — поэма вполне соответствует величию тех храмов, на стенах которых она написана и тщательно проиллюстрирована, очевидно, одним из участников похода: так точно изображены особенности вооружения и одежды воинов двух сторон. «Я хватаю правой и стреляю левой. Я поверг их в воду, как крокодилов. Ни один из поверженных не поднялся». Поэма, состоящая из 343 строк, так понравилась Рамсесу, что он повелел высечь ее на стенах храмов в Абу-Симбеле, Карнаке, Луксоре и Рамессеуме.

На крутом склоне высокой скалы севернее Асуана находится гробница наместника эфептинского нома Египта Хуфхора (XXIV век до нашей эры). На четырех стенах гробницы ее владелец повелел запечатлеть один из наиболее трогательных документов древности — письмо, полученное им от фараона Пепи II, которому было тогда лет семь-восемь. Оно было послано Хуфхору, возвращавшемуся из далекой экспедиции в Куш. Экспедиция везла с собой много диковин, благовония, черное дерево, шкуры экзотических животных, слоновьи бивни и всякие другие «прекрасные ценности». Письмо-указ фараона доставил Хуфхору, плывшему с юга в Мемфис, тогдашнюю столицу Египта, вельможа Хуни, носивший один из высших придворных титулов «друга единственного». Корабли Хуни везли с собой угощение для Хуфхора и членов его экспедиции: лучшие вина, пироги, хлеба и пиво из дворцовых запасов.

В царском указе фараон благодарит Хуфхора за то, что он «дневал и ночевал, заботясь обо мне, делая то, что постоянно любит, хвалит и приказывает владыка». Он обещает ему, что выполнит все его «желания многочисленные и отменные, чтобы было хорошо для сына сына твоего внука вовеки, чтобы все люди говорили, когда они услышат о том, что сделал для тебя мое величество: «Не подобно ли сделанное для него тому, что сделал для "друга единственного" Хуфхора...».

Но больше всех ценностей мальчика-фараона интересует карлик: «Да доставишь ты с собой этого карлика, которого ты привез из страны Ахтиу, живым, целым и здоровым для плясок бога, для увеселения, для развлечения царя Верхнего и Нижнего Египта Неферкара (Пепи II)».

Фараон приказывает тщательно оберегать карлика. Если он поплывет на лодке, то нужно назначить «отменных людей, которые будут постоянно находиться позади него на обоих бортах. Берегись, если он упадет в воду». Ночью сон карлика также должны охранять специально выделенные люди, а кроме того, Хуфхор должен сам проверять, как выполняется его распоряжение, «десять раз за ночь». Фараон добавляет: «Мое величество желает видеть этого карлика более, чем дары рудников и Пунта».

Это, пожалуй, единственный дошедший до нас официальный документ, в котором отразились простые человеческие чувства.

ЕГИПЕТСКИЙ ПАНТЕОН

По сравнению с «веселым роем» древнегреческих богов древнеегипетские боги на первый взгляд абстрактны и холодны. У греков Зевс — грозный и любвеобильный, Гера — ревнивая и мстительная и т.д. Египетские же боги скорее напоминают условные понятия. Каждый из них выполняет, подобно чиновнику фараона, различные функции, но нам не известны ни их чувства, ни тем более страсти. Египетский пантеон кажется неким бездушным механизмом, который руководит вселенной по извечно заведенному порядку*. Единственное исключение, пожалуй, Исида; она так по-человечески оплакивает трагическую смерть своего брата и супруга Осириса и так нежно прижимает к себе сына Хора, впоследствии отомстившего за отца. Выдающийся русский египтолог Б. Тураев назвал легенду об Осирисе и Исиде «главным мифом египетской религии, занимающим центральное место во всей культуре египтян». Недаром в более поздние времена их культ получил широкое распространение во всем древнем мире и даже на первых порах являлся одним из главных конкурентов набравшего силу христианства. Ведь в культе Исиды были заложены основы высокой нравственности, поисками которых отмечен период поздней древности.

Вряд ли египтяне действительно думали, что боги были такими, как их изображали в храмах: людьми, животными или причудливыми симбиозами того и другого. Это

* Здесь автор ошибается. См.: *Матые М.Э.* Древнеегипетские мифы. М., 1956. — *Примеч. ред.*

скорее пиктограммы, обозначавшие бога. Недаром мы то и дело встречаем в религиозных гимнах: «Никто не знает, как он выглядит в действительности... Он слишком загадочен, чтобы обнаружить свою славу, слишком велик, чтобы о нем задавались вопросы, слишком могуществен, чтобы быть познанным». Трудно изобразить такого бога. Например, Птаха, который повсюду — в людях, животных, растениях и камнях!

Нил, земля, солнце — вот основа египетской жизни. Боги были порождены попытками людей объяснить эти явления и найти способы влияния на них. Не обладая достаточными знаниями об окружающем мире, людям ничего не оставалось, как находить для этого мира фантастическое объяснение. Да и как можно было не верить в сверхъестественное, когда Нил, например, ни с того ни с сего*, среди летней, иссушающей жары, когда уже много месяцев нет дождей, вдруг переполняется водой и поит землю живительной влагой?

С Осирисом связывали все изменения в природе. Благодаря ему зеленеют и плодоносят растения, правда, потом они вянут и умирают, но это не вечная, не настоящая смерть. Семя попадает в землю, окропляется живительной влагой Нила-Хапи, и снова возникает жизнь. Отсюда у древних египтян появилось понятие о вечной ритмичной изменемости жизни. Спад и подъем вод Нила, свет и мрак, жизнь и смерть противостоят друг другу, но установленная богами их взаимозависимость, взаимосменяемость снимает остроту этого противостояния и обеспечивает равновесие в природе.

Эти представления переносились и на человеческое общество, возглавляемое фараоном — своего рода связным с богами; его задача — бдительно следить за сохранением вечного порядка на земле, от которого зависело благосостояние страны. Такие представления насаждались в народе сверху, и, нужно сказать, довольно успешно. Мятежи и восстания были нечастым явлением в египетской истории, поэтому государственная система страны просуществовала без принципиальных изменений на протяжении нескольких тысячелетий.

По всей стране возводились монументальные храмы.

* Первым, кто правильно указал, что причина ежегодного подъема Нила — выпадающие в горах Абиссинии (Эфиопии) летние дожди, был, по всей вероятности, древнегреческий географ и историк Страбон. — *Примеч. ред.*

Они посвящались различным богам и были призваны продемонстрировать особые, «интимные» связи с ними царствующего фараона. Пользуясь современным языком, можно сказать, что храмы строились с целью официальной пропаганды. В храмах нередко изображались победоносные походы в чужеземные страны египетских войск под предводительством фараона, пользовавшегося неограниченной поддержкой богов. С первых династий установилась традиция изображать фараона в виде гигантской фигуры, держащей за волосы коленопреклоненного врага и занесшей над его головой булаву для ритуального убийства. Изображения войска появляются только во времена XIX династии. Фараон возвышается над небольшими фигурками своих военачальников и воинов, как сказочный великан.

ТОРГОВАЯ МЕРКА — ПРОЧНОСТЬ

Представления о вечности и неизменности существующих на земле порядков нашли свое отражение и в искусстве древнего Египта. Все строилось и ваялось с расчетом на вечность. Храмы, пирамиды, статуи и рельефы, безусловно, имели религиозное значение, но они выражали величие страны и народа, его талант и вкус. Вернее сказать, эти понятия сливались для египтян в одно.

В то же время восприятие мира как неизменяемого, заранее данного «на веки веков» обусловило беспримерную, пожалуй, в истории консервативность египетского искусства. Конечно, специалист или человек, хорошо знакомый с памятниками древнего Египта, может в большинстве случаев отличить суровое и выразительное в своей простоте произведение искусства Древнего царства от более изящного и тонкого произведения Нового царства. Но подчас это сделать очень трудно. Между этими двумя отдаленными эпохами намного больше того, что их соединяет, чем отличает. В так называемый Поздний период независимого развития древнего Египта особенно заметно стремление быть как можно ближе к наиболее древним образцам искусства и архитектуры.

Египетское искусство уже с первых династий приобрело характерные черты, выработало особый, только ему присущий стиль. Оно, несомненно, связано с развитием письменности: ведь иероглифы — это изображения.

В противоположность европейскому искусству египет-

ский художник не пользовался перспективой, которая была осознана во всех странах благодаря прямому или косвенному влиянию древнегреческого искусства. Он рисовал что-то вроде диаграмм, цель которых — передать максимум информации об объекте изображения. Поэтому он стремился изобразить все характернейшие черты объекта, ничуть не смущаясь тем, что в действительности их нельзя видеть одновременно. Так, например, на рисунке может быть изображена передняя часть ларца, а рядом его боковая стенка, т.е. вид в профиль и анфас одновременно. Таким же образом изображалась корзина: ее содержимое или рисовалось отдельно сверху, или же прямо в корзине, которой придается «ложная прозрачность».

Традиция изображения человеческой фигуры сохранилась с первых известных нам древнеегипетских рельефов и до последних, сделанных уже в начале нашей эры при римском владычестве. Согласно этой традиции, голова изображается в профиль, а вот глаз и бровь — анфас. Плечи и грудь — тоже анфас, а нижняя часть тела — в профиль. Во все времена существует обычай, общий для мужчин и женщин, — носить парик, а для фараона — искусственную длинную и узкую бородку, которая привязывалась двумя ремешками. Остается традиционной и поза статуй: правая нога немного впереди, руки вытянуты «по швам».

Рельефы, а также статуи из светлых пород камня раскрашивались без учета светотеней. Фигуры людей, богов или животных располагались на рельефах на заранее прочерченных линиях, обозначающих поверхность. Подчас таких линий с фигурами — регистров было несколько. «Читались» эти картинки слева направо и сверху вниз. Размер фигуры нес социальную информацию о значительности изображенного лица. На рельефах в гробницах владелец захоронения нередко изображен ростом во всю стену. Он во много раз больше других лиц, расположенных перед ним на нескольких регистрах. Основные объекты изображения показаны не такими как они есть на самом деле. Мужчины — всегда в расцвете сил, женщины — всегда молоды и стройны. Только среди второстепенных лиц могут быть и толстые, и старые, и увечные. Список подобных условностей, сохранявшихся на всем протяжении существования древнеегипетской цивилизации и составлявших отличительный, неповторимый стиль, особенность древнеегипетского искусства, можно было бы продолжить.

Во времена греко-римского господства делаются попытки создавать произведения, синтезирующие древнеегипетский и классический стиль. Появляются статуи, изображающие человека или бога в застывшей традиционной позе, с вытянутыми вдоль тела руками и слегка выдвинутой вперед левой ногой, с неожиданно романтическим лицом молодого греческого красавца и греческой же реалистической трактовкой торса. Их несколько напоминают статуи того ложно-египетского стиля, который вошел в моду в Европе в конце XVIII века.

Это была попытка, энергично проводившаяся Птолемеями, создать сплав двух искусств, двух цивилизаций с целью упрочить в Египте чужеземное владычество. Появляются такие божества, как Серапис, соединяющий в себе черты Осириса, Аписа и Зевса. Хор превращается в Харпократа. Греки находят среди египетских богов аналоги со своими богами: Хатхор — Афродита, Осирис — Дионис* и т.д.

Немалую роль в формировании этого стиля сыграло стремление египтян к тому, чтобы их произведения наиболее точно передавали сущность изображаемого и одновременно были предельно прочны, «вечны». Собственно, в этом выражается их столь упорное стремление к грандиозности и монументальности. Для египетских культовых сооружений характерны каменные блоки весом в несколько тонн, а то и в несколько десятков и даже сотен тонн. Так, в пирамиде Менкаура некоторые блоки из местного известняка весят до 220 тонн, а глыбы облицовочного тесаного гранита, привезенного из Асуана, т.е. за 800 километров, превышают 30 тонн. Максимальная компактность материала и уменьшение риска разрушения статуй достигались изображением скульптур в застывшей позе. Положительные результаты этой заботы можно видеть во многих музеях мира, где собраны сотни и тысячи предметов искусства и просто домашнего быта древних египтян, большинство из которых на удивление прекрасно сохранились. Конечно, здесь сыграл свою роль и исключительный климат Египта, где не слишком велики перепады

* Хатхор почиталась в качестве богини любви и веселья — это одна из причин отождествления ее с Афродитой. Что касается Осириса с Дионисом, они были сопоставлены как боги умирающей и воскрешающей природы, Харпократ — одна из ипостасей Хора — Хор-младенец (в греко-римский период известны и другие). — *Примеч. ред.*

температуры, а дожди — явление весьма редкое (за исключением Дельты); влага же, как известно, главный — после человека — враг любых древностей.

«ЕГИПЕТСКАЯ НАДЕЖДА»

Здесь мы подходим к еще одной особенности, отличавшей мышление древних египтян, — так называемому культу мертвых, который один из египтологов назвал «египетской надеждой». Академик М. Коростовцев уточняет, что «культ умершего — это не обожествление умерших, а забота живых о потусторонней жизни умерших. Культ умерших был для египтян не отвлеченной религиозной обязанностью, а практической необходимостью, обусловленной переходом близких в иной мир. По сути дела, это была борьба против смерти, за вечную жизнь. Этим объясняется первостепенное значение культа умерших в жизни египтян на протяжении всей истории египетского общества — от времени неолита вплоть до полного уничтожения египетской культуры». Этот культ возник еще из особого представления египтян об устройстве мироздания, которое, как мы уже отмечали, они рассматривали как равновесие противоположностей. Любое изменение должно иметь регулярный характер. Только в таком случае оно вписывается в общую схему неизменяющегося мира. Исчезновение одних особей и народение других ни в коей мере не влияет на существование того или иного вида животных, тем более что животные лишены индивидуальности. Дети крокодила ни по внешнему облику, ни по образу жизни, ни по характеру не отличаются от своих родителей, а если и есть между ними какие-то отличия, то они несущественны.

Но как же обстоит дело со смертью человека? В общей картине вселенского равновесия, вечной ритмичной смены явлений для нее нет места. Человек слишком индивидуален, чтобы его смерть считать чем-то несущественным, неважным, не нарушающим баланса противоречий. Кроме того, смерть человека может сильно повлиять на жизнь тех людей, которые связаны с ним.

Следовало найти какой-то выход из этого явного противоречия. Он был найден: смерть — не окончание жизни, а лишь переходный этап к ее новой форме. Более того, умерший не теряет полностью связей с живущими. Так, нам известны письма, которые древние писали своим умер-

шим родственникам, где делились с ними своими заботами и взывали о помощи. В Лейденском папирусе содержится интересное письмо высокопоставленного мемфисского сановника к своей умершей жене, где он просит избавить его от ее преследований, ибо вот уже три года, как она умерла, а он не может ни забыть ее, ни излечиться от снедающей его тоски.

Говорят, этот обычай сохранился кое-где и у современных египтян. Во всяком случае, о нем я вспомнил при посещении каирской мечети, где похоронен знаменитый мусульманский богослов-законовед имам аш-Шафии. Подошедший служитель мечети предложил написать на клочке бумаги какое-нибудь пожелание, которое имам, мол, не замедлит исполнить: достаточно свернуть бумажку с просьбой в трубочку и положить за кованую решетку, окружающую могилу. Служитель при этом утверждал, что писать можно на любом языке. Покойный имам оказался полиглотом. Судя по количеству лежавших у могилы бумажек, многие пытаются решить свои проблемы таким странным, но зато малообременительным способом.

В популярном каирском журнале «Роз эль-Юсеф» была напечатана любопытная статья, где сообщалось, что доктор Сайид Увейс из Национального центра социальных исследований и криминалистики посвятил специальную работу письмам к «жителям могил», главным образом на примере посланий к имаму аш-Шафии. Доктор Увейс пишет, что идея о проведении такого исследования пришла ему в голову на основе личного опыта. В детстве он жил в квартале Аль-Халифа и часто посещал мечеть имама. Он учился в начальной школе, готовился к экзаменам и, конечно, надеялся сдать их успешно. Тогда-то он и услышал совет написать, как это делают другие, свое желание на маленьком листке бумаги и положить его за ограду могилы имама. Тридцать лет спустя он решил заняться изучением таких записочек. А вдруг они помогут раскрыть преступления, о которых не было заявлено? Ведь подчас люди доверяют бумаге самые сокровенные мысли и чувства. Когда он начал изучать эти записочки, то обнаружил, что письма в адрес имама аш-Шафии приходят даже по почте!

Ему удалось прочесть 163 таких письма. Большинство оказалось из деревенской глубинки, здесь было письмо от учителя и от полицейского. В одних письмах содержались просьбы о помощи в связи с кражей денег, порчей

урожая, падежом скота или разрушением дома, в других — жалобы на жестокое обращение или просьбы избавить от колдовских чар. По большей части кражи, о которых сообщалось, были мелкие: трех килограммов бирсима или домашней птицы, но для крестьян это вовсе не пустяки. Конечно, много было просьб о замужестве и об избавлении от болезней.

Изучение этих писем показало, что, по мнению их авторов, имам воистину всемогущ. Он выполняет многочисленные функции, входящие в компетенцию министерства внутренних дел, юстиции, социальных дел, труда и здравоохранения. Не говоря уж о его непререкаемом авторитете в делах колдовства. Доктор Увейс делает из этого вывод, что, видимо, авторы писем на находили другого способа высказать то, что накопилось у них на душе. Эти письма выявляют недостатки в работе соответствующих государственных органов, которые могли бы разрешить проблемы просителей. Письма позволили также установить, что о немалом числе преступлений население в полицию не сообщает. В большинстве случаев причина этого лежит в вере в сверхъестественное.

Доктор Увейс задается вопросом: почему же ислам, который египтяне приняли около 1325 лет назад, не изменил древних представлений их о смерти? Некоторые исследователи объясняют это тем, что подобные обычаи возникли на египетской земле, а не были привнесены извне. Но означает ли это, что египтяне должны продолжать их придерживаться? Нужно, чтобы люди оставили святых Аллаху, а жалобы писали в государственные учреждения или прокуратуру, заключает автор.

ЧТО НУЖНО НА ТОМ СВЕТЕ?

Додинастические захоронения в Египте, как и древнейшие захоронения в других странах, свидетельствуют о том, что умершего старались снабдить всем тем, чем он пользовался при жизни: украшениями, иногда орудиями труда или оружием и всегда набором кувшинов и блюд с пищей и напитками. Во времена Древнего царства развился обычай мумификации умершего, однако он первоначально распространялся только на фараона и ближайших к нему вельмож. П. Монте пишет: «Египтяне были неутомимы, служа умершим, и прежде всего своим скончавшимся

царям. Уже недостаточно было сохранить их тела; надо было, чтобы и память об их деяниях никогда не умерла... Даже в ранний период боги и мертвые претендовали на большую часть ресурсов Египта. Целый народ должен был трудиться для них в шахтах и каменоломнях, и дорогой материал привозился из дальних стран. Может быть, это было безумством, но благодаря ему Египет получил место среди великих цивилизаций мира». Затем во времена Среднего царства произошла «демократизация» заупокойного культа. Любой человек после смерти становился Осирисом и мог рассчитывать на новую жизнь.

В дошедших до нас папирусах и надписях на саркофагах говорится преимущественно о тех мерах, которые необходимо предпринять, дабы обеспечить существование после смерти. Однако из этого еще не следует, что египтяне представляли себе саму загробную жизнь, они лишь стремились удовлетворить те потребности умершего, которые он имел на земле.

Для представлений египтян о загробном мире характерен также метод «множественности подходов»; о нем мы уже упоминали. Одно из таких представлений — умерший продолжает жить в гробнице — очевидно, самое стойкое и распространенное. Некоторые высеченные в скалах гробницы II династии настолько копируют обычные жилища, что даже снабжены туалетом. Древние египтяне заботились и о сохранении тела, так как не могли себе вообразить, как человек, пусть и в потустороннем мире, сможет жить без тела. Существование «души» без тела казалось чем-то ущербным, поскольку именно тело есть основа всякой личности. Оно неповторимо, как и душа. Отсюда идет распространение мумификации и принятие тщательных мер против грабителей.

Но, несмотря на все ухищрения, даже набальзамированное, плотно забинтованное узкими льняными полосами тело все же оставалось бранным, легко поддающимся уничтожению. Предусматривали и это. В гробницах помещают призванные сохранять внешний облик умерших их статуи. После совершения над ними магического обряда «отверзания уст и очей», производившегося также над мумией, статуи становились — в случае уничтожения мумии — пристанищем души. Английский археолог Флиндерс Питри в начале этого века открыл вблизи города Ихнасия эль-Медина гробницу вельможи Мерира-Хашетефа, «единственного друга» фараона времен VI династии.

В ней были найдены три статуи покойного из эбенового дерева. Одна из них представляла владельца гробницы юношей, другая изображала его в расцвете сил, а третья — в более зрелую пору. Таким образом, перед Ка — «душой» владельца был выбор, в кого переселяться.

Во времена IV и V династий в гробницу было принято класть каменные, в натуральную величину головы-портреты, получившие в науке довольно курьезное, но, вероятно, передающее суть явления название — «запасные головы». Очевидно, появился этот обычай благодаря одному из важнейших достижений древнеегипетского искусства — скульптурному портрету.

Считалось, что умерший продолжал общаться с живыми. Его статую помещали в небольшую камеру и замуровывали. Однако на уровне глаз статуи (в более ранний период таким же образом ставилась мумия) оставлялась узкая щель. Через нее покойник «видел», кто посещает его место упокоения, какие приношения ему приносят, и как бы лично участвовал в церемониальных трапезах, устраивавшихся в дни празднеств его родственниками и друзьями. Обычай такого «общения» во многом сохранился до нашего времени.

Той же цели — возможности общения с внешним миром — служила и «ложная дверь» — выбитое на каменном блоке изображение двери, за которой находилась шахта, ведущая в подземное помещение, где стоял саркофаг. В правление фараонов VI династии перед этой дверью часто помещалась статуя умершего в полный рост, как это можно до сих пор видеть в Саккара в гробнице Мерерука (правда, это копия — подлинник находится в Египетском музее). Через эту «дверь» душа умершего могла выходить из гробницы для общения с внешним миром.

Конечно, принять все возможные меры для обеспечения «вечной жизни» в потустороннем мире могли лишь вельможи, окружавшие фараона и одновременно выполнявшие функции высшего жречества, да чиновничья знать в провинциях. Стремясь обеспечить в будущем обслуживание своих гробниц, они передавали жрецам часть земель. Жрецы же брали на себя обязательство «вечно» совершать в гробнице заупокойную службу и снабжать покойного продовольствием и напитками.

Захоронения простых людей были весьма скромны. Труп после мумификации, выполненной по самому низ-

шему «разряду», тщательно заворачивали в льняные полосы-бинты и зарывали вместе с несколькими кувшинами и дешевыми амулетами. Бедняки могли рассчитывать только на свою семью. Что же касается самых несчастных и обездоленных, умиравших от непосильной работы в каменоломнях, на стройках и на полях, то их просто зарывали в песках пустыни. Вопиющее неравенство между ними и высшими классами, может быть, смягчалось лишь тем, что в гробницах кроме владельцев изображались и прислуживавшие им простые люди. Эти труженики могли рассчитывать на то же самое место в «потустороннем хозяйстве», которое они занимали на земле.

Но предусмотрительные египтяне предвидели и то время, когда приношения перестанут поступать. Поэтому все стены гробниц покрываются тщательно выполненными рельефами; сейчас они представляют для нас один из основных источников познания того, как жили и трудились древние египтяне. Особенного расцвета искусство рельефа достигло при фараонах V династии. Немецкий археолог Людвиг Борхардт, проводивший раскопки в Абусире в 1902—1908 годах, подсчитал, что в заупокойном комплексе пирамиды фараона Сахура рельефами было покрыто примерно 20 тысяч квадратных метров стен.

Между прочим, вряд ли верно широко распространенное представление о том, что все эти изображения были обречены пребывать в вечном мраке после того, как покойный помещался в гробницу, а вход в нее наглухо замуровывался, и таким образом живые лишались возможности любоваться мастерством живописцев. Наглухо замуровывалась только шахта, где помещался саркофаг с частью погребальной утвари. Помещения же на поверхности земли (например, в гробнице Мерерука — везира фараона VI династии Тети — насчитывалась 31 комната) были предназначены для посетителей, ритуальных трапез и т.д. То же относилось и к заупокойным храмам фараонов. Только часть этих помещений, «священные», была недоступна для простых людей, а посещалась жрецами. Но вот, например, захоронения фараонов и «картинные галереи» при них в Долине царей действительно видеть запрещалось.

С рельефами лучше всего ознакомиться в древнем некрополе Мемфиса — Саккара. Кстати, это современное арабское название некрополя происходит от имени древнего местного божества, покровителя мертвых — Сокара. Это совсем недалеко от Каира, всего километрах в двадцати.

Здесь сохранились гробницы, открытые археологами еще в прошлом веке и принадлежавшие крупным государственным деятелям Древнего царства. Расположены они по соседству с пирамидами их владык — фараонов. В некоторых пирамидах времен V—VIII династий в погребальных камерах найдены так называемые «Тексты пирамид», магические заклинания, составившие основу более поздних текстов саркофагов и затем «Книги мертвых».

Многочисленные залы, комнаты и коридоры гробниц вельмож покрыты рельефами с пояснительными надписями. Первое впечатление — если осматривать все подряд — однообразие и монотонность. Может даже показаться, что рельефы одной гробницы повторяют рельефы другой. Однако, если присмотреться повнимательнее, видишь, что это совсем не так. Конечно, их объединяет многое, и прежде всего желание передать изображаемое как можно точнее. Постепенно начинаешь воспринимать эти, расположенные ярусами изображения как своего рода кинодокументальные кадры, рассказывающие, как жили и трудились люди того времени.

Перед нами кинолента, медленно и подробно воспроизводящая далекую от нас жизнь, жизнь устоявшуюся, обстоятельную, патриархальную. В ней есть и свои радости, и свои печали. Есть и нехитрый, довольно точно передающий душевный настрой юмор древних египтян. Вот длинная вереница людей несет свои дары умершему. У одного в руке две утки, у другого — корзина, откуда высовываются два теленка, третий ведет на веревке телят постарше, а те, играя, пытаются перепрыгнуть друг через друга.

Здесь земледельцы заняты сбором урожая, жнут деревянными серпами с кремневыми зубьями тучные колосья, связывают их в снопы. Один из них утомился и отдыхает в тени дерева, другой подошел напиться воды из меха, висящего на дереве. Прямо за работающими крестьянами нагие девчонки-малолетки со смешными косичками затеяли драку из-за нескольких колосьев зерна. Очевидно, матери послали их на поле, чтобы подобрать оставшиеся после жатвы колосья для пополнения скудной домашней трапезы. Усопшему, надо полагать, предоставлялся выбор: либо просто посмеяться над этой потасовкой, либо проявить великодушие и отсыпать ссорившимся несколько горстей зерна из принесенных ему припасов.

Вот молодые, стройные парни гонят палками крупный

рогатый скот. Стадо переправляется через протоку Нила, и пастухи берут в лодку новорожденного теленка, он сидит на корме и жалобно (право, это можно услышать) мычит. За ним в воду бросается мать, видимо самая главная в стаде, призывно мыча, а за ней и все стадо.

В другом «кадре» рыбаки тянут тяжелые от богатого улова сети. Под лодками «проплывают» нильские рыбы, причем рыбы изображены настолько точно, что их вполне можно воспроизвести в современных учебниках ихтиологии. Но вот рыбаки двух больших лодок затеяли драку. Они пытаются веслами сбросить друг друга в воду. Впрочем, это скорее всего состязание, напоминающее те, которые сравнительно недавно происходили в русских городах и селах, когда устраивались удалые и опасные кулачные бои, «стенка на стенку». Большеголовый, толстый, короткорукий и кривоногий карлик, вероятно шут, ведет на поводке свору поджарых гончих. Кстати, эта древнейшая порода охотничьих собак сохранилась до наших дней.

Здесь же изображены сцены охоты. Свора собак преследует антилоп с красиво изогнутыми рогами. За кустом притаился, испуганно прижав уши, заяц, из своей норки выглядывает ежик. Над кустом порхает бабочка, на ветке сидит кузнечик, а под кустом — лягушка. В зарослях папируса ловкий ихневмон* подкрался к птичьему гнезду. Птенцы, почуяв опасность, отчаянно пищат, широко открыв клювы, и машут неоперившимися крылышками. Отец и мать отважно выются у самой морды зверька.

Как рисунок художника-анималиста выглядит рельеф с изображением уток. Здесь нет повторений: одна подняла лапу и чистит ею клюв, другая чистит клювом перья, третья энергично взмахнула крыльями и в следующее мгновение готова взлететь. Древний художник словно сам любит точность своего резца, безукоризненностью рисунка, способностью схватить и передать самые характерные и выразительные движения птиц.

На другой стороне гробницы изображены парусные суда. Одни уже скользят по воде с наполненными ветром парусами, на других матросы только еще поднимают паруса. На одной из рей, задрвав хвост, разгуливает ручная обезьяна — любимица команды.

Много изображений посвящено сельскохозяйственным и

* Египетский мангуст.

ремесленным работам, в том числе изготовлению ожерелий и других ювелирных изделий, которым в основном занимались карлики (карликов использовали в ювелирных мастерских, видимо, потому, что такая работа была им по силам и в случае хищения проворовавшемуся ювелиру практически нельзя было скрыться).

А вот и сам хозяин гробницы среди членов семьи на музыкальном празднике. Певец широко раскрыл рот.левой рукой он прикрыл ухо — так он слышит себя как бы со стороны. Интересно, что к этому жесту прибегают многие современные певцы и чтецы Корана. Певцу вторят музыканты-слепцы, играющие на арфе, тамбурине и флейте. В те времена, да и в наше время во многих африканских и азиатских странах музыка — почти единственный способ прожить для слепых. Девушки-танцовщицы изображены лишь в набедренных повязках. Здесь они запечатлены откинувшимися назад, с выброшенными вверх руками и отставленной левой ногой. По изображениям танцовщиц в разных позах многие балетмейстеры пытались воссоздать древнеегипетские танцы. Насколько их попытки успешны, конечно, судить трудно, вернее, просто некому, но наиболее характерные примеры танцев древних они, безусловно, передают.

На соседнем рисунке изображена мастерская скульптора и по соседству с ней мебельная мастерская, где изготавливают стулья, кресла и кровати с неизменными ножками в виде звериных лап.

Со временем, особенно после анархии и разрухи, воцарившихся в стране в так называемый Переходный период, богатые уже не надеются на патронаж их могил жрецами и полагаются лишь на магические заклинания и амулеты. В гробницу стали класть деревянные фигурки — ушебти, которым надлежало выполнять в потустороннем мире различные работы вместо умершего. Большая коллекция таких фигурок выставлена в одном из залов второго этажа Египетского музея. В выбитых на камнях гробниц молитвах содержатся просьбы к прохожим, «любящим жизнь и ненавидящим смерть», пожертвовать умершему то, что он держит в руке, а если у него ничего нет, то пусть просто выскажет пожелание «тысячи хлебов, пива, быков, гусей, алебастровых сосудов и тканей, тысячи всех чистых вещей почтенному такому-то».

Гробница была, таким образом, для египтянина средством сохранения его индивидуальности после смерти. Здесь

после совершения обрядов умерший превращался в «дух» — Ах* и сохранялся его физический облик — в мумии, статуях и рисунках. Подлинные или нарисованные приношения обеспечивали существование его Ка.

Но египтяне не ограничивались этими представлениями о формах существования после смерти. Умерший существовал еще в форме Ба — слово, которое мы тоже переводим как «душа». Египтяне, видимо, понимали его как проявление личности после смерти и изображали в виде птицы с человеческой головой, иногда еще с руками.

Ба посещала тело в гробнице. Ее главная функция состояла в том, чтобы позволить умершему выйти из темноты гробницы, насладиться свежим воздухом, утолить взор столь милыми сердцу каждого египтянина зелеными берегами и водной гладью Нила. Благодаря заклинаниям умерший в качестве Ба мог принимать различные формы, как это можно понять из нижеследующего текста, опубликованного А. Гардинером:

«Ты будешь входить и выходить, твое сердце радостно под покровительством бога, хорошее захоронение [тебе] после почтенного возраста, когда срок наступил, ты занимаешь свое место в гробу и достигаешь земли на вершине Запада.

Ты превратишься в живую Ба, и, несомненно, она будет иметь силу, чтобы добывать хлеб, воду и воздух, и ты сможешь принять вид цапли или ласточки, сокола или выпи — какой тебе понравится.

Ты будешь переплывать на пароме, будешь поворачивать обратно, ты будешь плыть по водам потока, и твоя жизнь начнется снова. Твоя Ба не отделится от твоего тела, и твоя Ба станет божественной вместе с благословенным умершим. Совершенные Ба будут беседовать с тобой, и ты будешь равным среди них, получая то, что дается на земле. Ты будешь иметь силу над водой, будешь вдыхать воздух и будешь пресыщаться желаниями твоего сердца. Тебе будут даны твои глаза, чтобы видеть, и твои уши, чтобы слышать. Твои уста говорят, и твои ноги ходят. Твои руки и твои плечи будут двигаться для тебя, твое тело будет плотным, твои мускулы будут расслаблены, и ты будешь ликовать всеми своими чле-

* Перевод понятия Ах «дух» — условен. Проблемы Ка, Ах и Ба пока еще нельзя считать разрешенными в египтологии. См. по этому поводу: *Коростовцев М. А.* Религия древнего Египта. М., 1977. — *Примеч. ред.*

нами. Ты осмотришь свое тело и найдешь его целым и здоровым, никакого зла не причинено тебе. С тобой будет твое собственное сердце, да, у тебя будет твое прежнее сердце. Ты направишься на небо, и ты проникнешь в подземный мир в любых обличьях, какие тебе понравятся».

С нашей точки зрения, эти представления древних египтян противоречивы, и в то же время для них самих никаких противоречий не было: они хотели обеспечить потустороннюю жизнь и в гробнице, и вне ее стен: на земле, на небе и под землей. Собственно, для этих противоречий они и разделили «душу» человека на несколько, каждая из которых выполняла свою функцию. Более того, для философски настроенных людей существовал еще свой особый вариант души: душа по своей воле могла странствовать среди небесных светил.

А ЕСТЬ ЛИ ЗАГРОБНАЯ ЖИЗНЬ?

Однако с самых древних времен среди египтян зародилось сомнение, что эти меры действительно способны обеспечить жизнь в загробном мире. На глазах у всех гробницы разрушались, их утварь расхищалась, гибли и сами мумии. Во время смут, последовавших после VI династии, были разграблены даже захоронения фараонов, погребенных в каменных пирамидах. Особенно широкий размах ограбление гробниц приняло во время правления Рамсеса IX (эпоха Нового царства). Грабители проникли в большинство царских гробниц: мумии когда-то всемогущих фараонов были «раздеты» и находившиеся на них драгоценности (а о них мы можем судить по тому, что найдено на мумии Тутанхамона*) похищены. Судя по сохранившимся текстам судебного разбирательства того времени, в организации разграблений оказались замешаны даже крупные государственные чиновники. Августейшие мумии пришлось класть в простые гробы и тайно перезахоранивать в тщательно засекреченных местах. Принятые тогда меры оказались эффективными, и только в 1881 году в горной расселине над храмом Хатшепсут были найдены останки египетских царей и цариц.

* Следует заметить, что этот юный фараон был похоронен довольно скромно. *Примеч. ред.*

«И каких царей! — восторженно писал Гастон Масперо. — Возможно, самых выдающихся в истории Египта: Тутмос III и Сети I, Яхмос Освободитель и Рамсес I Завоеватель... Я до сих пор не знаю, грежу ли я, когда вижу и дотрагиваюсь до того, что было когда-то людьми, о которых мы никогда не ожидали узнать больше, чем их имена». Масперо пишет, что, когда тела фараонов на специальном пароходе покидали родные Фивы, на берегу их провожали толпы плачущих женщин и мужчин, устроивших салют в честь древних монархов. Правда, скептики утверждали, что местные жители оплакивали потерю источника доходов.

Другая партия мумий, включавшая тринадцать царских, была найдена в 1898 году французским археологом Виктором Лорэ в гробнице Аменхотепа II, также в Долине царей. Все мумии отправили в Кари, кроме прекрасно сохранившейся мумии самого Аменхотепа II, которую оставили в саркофаге. У гробницы выставили вооруженную охрану, однако в ноябре 1901 года грабители напали на гробницу, открыли стрельбу, и охрана сбежала. Грабители сняли с мумии драгоценности и амулеты. Главным инспектором памятников Верхнего Египта и Нубии был в то время Говард Картер, прославившийся впоследствии открытием гробницы Тутанхамона, самой сенсационной археологической находки XX века. Только благодаря его энергичным действиям грабители были арестованы и похищенные ценности возвращены.

Сомнения относительно представлений о загробной жизни оставили след в египетских текстах. Примечательной в этом отношении является надпись Небнечеру, жреца Амона, времен XXII династии: «То, что происходит после конца жизни, — это страдание, оно лишает тебя того, что ты имел до этого, ты пребываешь в могиле без сознания, когда наступает утро, которое [для тебя] не наступает, ты ничего не знаешь и спишь, когда солнце поднимается на Востоке, ты испытываешь жажду, хотя рядом с тобой [жертвенное пиво]».

Характерно также обращение из загробного мира Таимхотеп, жены верховного жреца Мемфиса времен Птолемея VIII, к ее оставшемуся на земле мужу: «О брат, супруг, друг, не уставай пить и есть, напивайся, наслаждайся любовью, празднуй, следуй желанию сердца день и ночь. Ведь Запад — страна сна, тягостного мрака, это место спящих в своих мумиях, не пробуждающихся, чтобы видеть

своих братьев, своих отцов и матерей, забыло сердце и жен и детей. Вода жизни, что на земле для живущих, — для меня гниль. Я не знаю, где я, с тех пор как прибыла в эту юдоль... „Смерть всецелая, иди” — имя того, что всех связывает вместе, и идут к нему, трепеща от страха, — нет никого, на кого бы он не взирал, будь то бог или человек; он исторгает сына у матери... все боятся и молятся ему, он не слушает молитв, невзирая ни на какие дары».

Очень выразительна «Песнь из дома усопшего царя Антефа, начертанная перед певцом с арфой»:

Боги, бывшие некогда,
Покоятся в своих пирамидах.
Благородные и славные люди
Тоже погребены в своих пирамидах
Они строили дома —
Не сохранилось даже место, где они стояли,
Смотри, что случилось с ними.
.....

Никто еще не приходил оттуда,
Чтоб рассказать, что там,
Чтоб поведать, чего им нужно,
И наши сердца успокоить,
Пока мы сами не достигнем места,
Куда они удалились.
А потому утешь свое сердце...
...Причитания никого не спасают от могилы.
А потому праздной прекрасный день
И не изнурай себя.
Видишь, никто не взял с собой своего достоянья.
Видишь, никто из ушедших не вернулся обратно.

Перевод А. Ахматовой

Однако египтяне, несмотря на свои сомнения, не отказались от освященных веками традиций. Видимо, господствовали настроения, выраженные в следующих стихах:

Опьянения не чуждайся.
Пей и праздной день счастливый.
Проживешь свой век в довольстве.
В благоденствии, покуда
В Город Вечности не вступишь,
По себе оставив память.
Там родня пришельца встретит.
Примет с миром
И обнимет.

Перевод В. Потаповой

Интересно, что старая вера давно исчезла, а вот погребальные обычаи во многом остались неизменными до наших дней. Снова мы сталкиваемся с силой традиции.

ТЕЛЕФОН НА ТОТ СВЕТ

Согласно заповеди ислама, умершего необходимо как можно быстрее обмыть, завернуть в саван и нести (желательно даже бегом) на кладбище и опустить в могилу. Никаких памятников, кроме скромной плиты со стихом из Корана и именем покойного, на могиле не ставится. Желательно вообще сровнять могилу с землей.

Однако по дороге с аэродрома в Каир вы проезжаете Город мертвых. В этом городе правильные улицы и переулки, застроенные настоящими домами с обычными порядковыми номерами. Все есть для того, чтобы писать письма: улица такая-то, дом такой-то, покойному такому-то. Современный египетский этнограф М. Галяль пишет: «Во всем Египте считается долгом живых по отношению к умершим навещать гробницы последних, ибо существует убеждение, что душа умершего пребывает в гробнице или, во всяком случае, часто там появляется. Таким образом, гробница представляет собой как бы убежище для души, посредством которого она входит в контакт с живущими. Посещение гробницы живущими имеет целью успокоить тревогу об участи умершего в потустороннем мире. Солидарностью с умершими, жалостью к ним живущие стремятся как-то смягчить нарушение умершим норм поведения, установленных правилами нравственности».

М. Галяль сообщает, что до настоящего времени строго соблюдается обычай приносить на могилу пищу, что по всей стране широко распространена вера в воскрешение после смерти и что, по представлениям современных египтян, душа умершего может переселяться в некоторых животных, например в скарабея; в загробном же мире покойного ждет суд возмездия. Кроме того, по примеру древних на пороге дома усопшего принято приносить в жертву голубя, курицу или барана — смотря по достатку.

Как и во времена Древнего царства, зажиточный египтянин строит себе дом-гробницу загодя, еще при жизни. Собственно говоря, это окруженный забором «заупокойный комплекс», куда входит и открытый двор с могилами и домом, подчас со всеми удобствами. В праздники сюда приходят родственники умершего; они могут здесь и переночевать. Часть принесенной ими еды принято раздавать бедным. Для некоторых бедных семей такая ритуальная раздача — один из основных источников существования.

Иракский ученый и писатель, бывший президент Иракской

академии наук, доктор Юсеф Иззаддин, учившийся и долгое время живший в Каире, рассказывал, что один египетский профессор даже провел телефон в собственную, заранее построенную гробницу. Когда доктор Юсеф спросил его, зачем он это сделал, тот ответил: никто, мол, толком не знает, что творится на том свете, может быть, придется и позвонить кому надо.

В 70-х годах Город мертвых начал использоваться в новом качестве, что было вызвано резким понижением уровня жизни трудящихся масс, острой нехваткой жилья в египетской столице, население которой приближалось к 10 миллионам и продолжало быстро увеличиваться благодаря миграции из деревни. По признанию официальных лиц, для преодоления жилищного кризиса необходимо было строить ежегодно не менее 200 700 единиц жилья, а строится только 90 700. В результате почти полмиллиона каирцев живут на крышах, в самодельных «норах», 30 тысяч — живут на кладбищах, в парках, садах и прямо на улицах города. Да и для многих «счастливых», проживающих в домах, жизнь не очень-то сладка. Так, 40 процентов домов не имеют водопровода и канализации.

Порой житье на кладбище не так уж и плохо. Те, кому особенно повезло (обычно это семьи сторожей и их родственников), живут прямо-таки во дворцах, среди мебели и дорогого убранства, принадлежавших когда-то членам королевской семьи или богатому вельможе. Здесь есть все удобства, порой и телефон. Конечно, занимают только те дома-гробницы, которые уже никто не посещает. Но, естественно, такое жилье далеко не всем приходится по душе. Однажды газеты опубликовали письмо некоего Салаха Хусейна Салиха. Жилищный кризис заставил его с женой и детьми жить на кладбище Зейн аль-Абидин. Все, казалось бы, было хорошо, да вот жена так и не смогла привыкнуть к жизни среди мертвых: по ночам ей все мерещились призраки. Он пишет: «У меня нет никакой надежды поселиться среди живых людей, еще до того как дети сойдут с ума. Вам не понять, что такое жизнь в Городе мертвых!».

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В ДРЕВНЕМ ЕГИПТЕ

Уважение древних египтян к образованию, прежде всего к умевшим писать, было безграничным. Письменный прибор, а не меч, как во многих странах в то время, являлся основным средством, с помощью которого египтяне пробивали себе дорогу в жизни, вплоть до высших государственных должностей. Даже командующие армиями начинали карьеру с должности писца.

Письмо, «божественное слово», считалось даром бога мудрости Тота, и перед тем, как начать писать, полагалось совершить возлияние в его честь. Египтяне действительно могут гордиться изобретенным ими письмом. Несмотря на кажущуюся сложность, египетская письменность одна из легко читаемых среди когда-либо употреблявшихся в мире.

Выдающийся русский египтолог Б.А. Тураев писал, что египетский народ жил более или менее самостоятельной культурной жизнью и писал на родном языке иероглифами, курсивным шрифтом или коптскими буквами не менее пяти тысячелетий. За это, исключительное по своей продолжительности в истории время духовное творчество великой нации должно было выразиться в необычайно большом количестве памятников искусства и литературы, особенно если принять в соображение не только ее одаренность, но и всеми признанную особую склонность к художествам, ремеслам и письменности. То, что дошло до нас после многочисленных разгромов и переворотов, пережитых долиной Нила, действительно поражает, даже в своем настоящем виде, многочисленностью, разнообразием, грандиозностью.

Б.А. Тураев отмечал, что «благодаря этой любви писать и читать ни от одного народа не дошло до нас такого количества письменных и рисовальных приборов и произведений письма, которым покрыто все, что попадалось под руку, начиная от стен грандиозных храмов и папирусных свитков до осколков камня, черепков разбитых горшков и вещей домашнего обихода. Ни один народ, кроме того, не додумался до обожествления письменного прибора».

Русский путешественник, герой Бородинского сражения и будущий министр просвещения Авраам Норов, посетивший Египет в 1834—1835 годах, тоже был поражен любовью египтян к письменности. Он писал: «Нельзя не удивляться на каждом шагу глубокомыслию этого первобытного народа,

который из храмов, чертогов и других публичных зданий делал книги для изучения их в продолжение всей жизни и которых гранитные листы, пережив тысячелетия, могут быть еще прочтены будущими поколениями»*.

Действительно, попав в древнеегипетский храм, оказываешься окруженным со всех сторон изображениями, сопровождаемыми надписями и просто иероглифическими текстами, выбитыми на камне и нередко еще сохранившими яркие цвета раскраски. Только потолок обычно представлял собой голубое небо с золотыми звездами.

Любителю литературы в те далекие времена достаточно было побродить по храмам, чтобы ознакомиться со стихотворными гимнами богам, мифологией и крупными историческими событиями, описанными лучшими придворными поэтами.

Профессия писца высоко ценилась в Египте. В крупных хозяйствах они вели различные реестры, взвешивали урожай, мерили землю, подсчитывали недоимки. Писцы работали в храмах и административных учреждениях. Конечно, далеко не все из этих должностей хорошо оплачивались, но даже беднейшие считали свое положение более привилегированным, чем положение крестьянина, ремесленника и даже воина. Пожалуй, идеал писца передан в хранящейся в Лувре статуе. Кажется, что он не только ловит слова, но и читает мысли того, кто ему диктует. Писцы, говоря современным языком, составляли административно-бюрократический аппарат, а стремление стать писцом объяснялось вполне прозаическим желанием избежать занятий физическим трудом, тяжелым и неблагодарным.

Бедный, необразованный человек, «чье имя неизвестно», подобен тяжело нагруженному ослу, он «погоняется писцом». Куда в лучшем положении находится человек, который «настроил свое сердце на учение, он поставлен над работою и становится мудрым господином». Поэтому «возьмись за дело и стань писцом, ведь затем ты будешь руководить людьми». В папирусе Анастаси красноречиво говорится о выгодах этой профессии: «Будь писцом! Освободит она [эта должность] тебя от податей, защитит она тебя от работ всяких, удалит она тебя от мотыги... и не будешь ты носить корзину. Она отделит тебя от гребли и ясел, удалит она тебя от хлопот. Не будешь ты под владыками многими и под начальниками многочисленными».

* *Норов А. С.* Путешествие по Египту и Нубии в 1834—35 гг. СПб., 1840.

Но среди образованных были не только ограниченные чиновники. Уже тогда существовала интеллигенция, глубоко интересовавшаяся литературой, наукой и искусством. Иначе кто бы мог создавать и оценивать литературные произведения, шедевры изобразительного искусства? Эти писцы-интеллигенты считали, что художественное или научное произведение дает больше гарантии бессмертию, чем пирамиды. Так, еще в царствование фараона Рамсеса II были написаны следующие строки:

Мудрые писцы...
Они не строили себе пирамид из меди
И надгробий из бронзы.
Не оставили после себя наследников,
Детей, сохранивших их имена.
Но они оставили свое наследство в писаниях,
В Поучениях, сделанных ими...

Для того времени такие утверждения, безусловно, были чрезвычайно смелыми. Безвестный древний автор бросает вызов даже привычным, традиционным религиозным представлениям:

Человек угасает, тело его становится прахом,
Все близкие его исчезают с земли,
Но писания заставляют вспоминать его
Устами тех, кто передает это в уста других.
Книга нужнее построенного дома,
Лучше гробниц на Западе,
Лучше роскошного дворца,
Лучше памятника в храме.

Перевод А. Ахматовой

Не исключено, что впервые вера в бессмертие таланта была высказана в Египте. Этот мотив подхватили последующие поколения поэтов. Он вновь прозвучал через века в стихотворении Горация, затем был подхвачен Пушкиным в знаменитом «Памятнике». Вспоминается при этом и булгаковское: «Рукописи не горят».

ПОДВИЖНИКИ ДУХА

Без самоотверженных, одержимых какой-то идеей подвижников, или «прорабов духа» (как назвал их поэт А. Вознесенский), трудно представить себе созидание национальной культуры. Такие подвижники внесли свой вклад и в современную культуру Египта. Среди них можно назвать египетского Третьякова — Мухаммеда

Махмуда Халиля и его супругу, которые в первой половине XX века сумели собрать неплохую коллекцию произведений французских импрессионистов. В завещанном ими государству музее можно видеть полотна таких прославленных мастеров, как О. Ренуар, В. Ван Гог, П. Сезанн, и многих других. Это собрание живописи, подобранное энтузиастами с любовью и вкусом, значительно интереснее другого каирского собрания западноевропейских картин, которые ранее находились в королевских дворцах, а теперь экспонируются в музее Гезиры. В последнем преобладают тщательно выписанные, «холодные» произведения. Пожалуй, лучшее, что есть в этой коллекции, — картина Айвазовского, где на переднем плане изображены несколько пальм, за которыми сквозь дымку в лучах восходящего солнца возникают дома и минареты Каира.

Другим примером подвижничества может служить архитектор Хасан Фатхи. «Хорошее здание — своего рода дань уважения к своим согражданам, — говорит он, — а плохое — оскорбление. В то время как врач хоронит свои ошибки, архитектор воздвигает им монумент». Кредо Фатхи — использование в строительстве местных материалов, применение традиционных технических приемов и сохранение архитектурных форм. Он считает, что необходимо пересмотреть отношение к традиционной архитектуре, поскольку традиция есть не что иное, как аккумулированный опыт миллионов людей на протяжении многих веков, что напрасно многие сейчас говорят о международной архитектуре, ее не существует. Архитектура должна как бы «вытекать» из окружающей среды. Изданная им книга «Архитектура для бедных» приобрела известность во всем мире. Во время своей поездки с лекциями по южным штатам США Хасан Фатхи пользовался огромной популярностью у коренных жителей страны — индейцев, а также мексиканцев и пуэрториканцев. Один из его помощников заметил, что они относились к нему как к святому.

Однако добиться осуществления своих идей на практике ему почти не удастся, и главным образом потому, что строительство по его методу требует чрезвычайно мало расходов, а это не выгодно ни подрядным организациям, ни бюрократическому аппарату. Крупнейший его проект, осуществленный в Египте, потерпел крах. В начале 50-х годов напротив Луксора на западном берегу Нила была построена по его проекту деревня Новая Гурна в тысячу домов. Каждый дом, построенный из кирпича-сырца в

традициях нубийской архитектуры, обошелся всего в несколько десятков египетских фунтов. Предполагалось переселить сюда жителей старой деревни, расположившейся прямо на древнеегипетских захоронениях. Но жители отказались переселиться, предпочитая зарабатывать свой хлеб торговлей древностями, а чаще подделками, которые иностранные туристы покупают с большой охотой, когда узнают, что их дома стоят на вырубленных в скалах гробницах.

Х. Фатхи считает, что в жарком климате Египта нельзя строить здания из цемента и стекла, так как они дают эффект парника. В таких зданиях невозможно жить без дорогостоящих, недоступных бедному населению кондиционеров. Каир, полагает он, должен расширяться за счет пустыни, где силами самих бедняков жилища будут строиться кооперативно и в основном из местного материала. Строительным организациям в этом случае было бы нечего делать. Но в столице продолжают возводить бетонные гиганты с шикарными квартирами, а беднейшее население продолжает жить во все более ухудшающихся условиях в старых кварталах города.

Можно было бы назвать сотни талантливых энтузиастов, внесших серьезный вклад в современную культуру Египта, а в более широком плане и в общеарабскую культуру. В их числе композитор Сайид Дарвиш, надолго определивший пути развития современной арабской музыки, такие корифеи арабской литературы, как Таха Хусейн, Тауфик аль-Хаким, Юсеф Идрис и Нагиб Махфуз, «заггаяль» (поэт, пишущий на диалекте) и художник-карикатурист Салах Джахин, который получил признание только после своей преждевременной смерти в 1985 году.

Как тут не упомянуть выдающегося певца, выходца из феллахов, Абдель Халима Хафеза. Арабы хорошо помнят, что, когда после войны против Израиля в 1973 году президент Садат затеял сепаратистскую политическую игру с США и Израилем, Абдель Халим Хафез вдохновенно пел «Держи оружие наготове».

СТАРАЯ И НОВАЯ ЖИЗНЬ ПАПИРУСА

Папирус — вид тростника или камыша, произрастающего на болотах и по берегам рек в районах тропиков и субтропиков Африки. Он представляет собой длинные, в два с половиной—три метра трехгранные стебли, увенчанные шапкой мягких и гибких зеленых нитей. Папирусом называют и выделанный из стеблей этого растения писчий материал. Нам хорошо знаком близкий родственник папируса — *циперус*, ставший распространенным комнатным растением. Только *циперус* намного короче и его верхушка состоит из более грубых тонких листьев.

В античные времена папирус наряду с зерном и льняными тканями составлял одну из основных статей египетского экспорта. Самый древний папирус, найденный археологами, относится к началу III тысячелетия до нашей эры, но, очевидно, на нем писали еще в додинастический период. Последний известный нам документ, написанный на этом материале, датируется 1057 годом и происходит из канцелярии римского папы Виктора II. Пока трудно сказать, прослужит ли наша бумага в качестве основного писчего материала столь длительное время.

Изобретенный в Египте папирус имел существенные преимущества перед глиняными табличками, употреблявшимися древними цивилизациями Месопотамии. Пространное послание, написанное на табличке клинописью, весило несколько килограммов. Это было очень неудобно. В юмористической «Всеобщей истории», изданной в начале века журналом «Сатирикон», по этому поводу говорится: «Для того чтобы возлюбленный мог как следует изложить предмету своей любви волнующие его чувства, ему приходилось отправлять ей целую подводу кирпичей. Прочсть написанное представляло такую неблагодарную работу, что терпение девицы лопалось и она на десятом кирпиче выходила замуж за другого».

Равноценный текст на папирусе человек мог просто положить за пазуху. Этот удобный и легкий материал, на котором писали с помощью тростниковой палочки и краски, способствовал упрощению письменных знаков и тем самым развитию египетской письменности, а затем и появлению первого алфавита. Во многих музеях мира можно видеть папирусные свитки тысячелетней давности, иллюстрированные цветными рисунками, которые, несмотря на такой преклонный возраст, прекрасно сохранились.

Папирус явно имеет преимущества и перед бумагой. Краски и чернила на нем не расплываются, он значительно прочнее: лист папируса с большим трудом можно разорвать руками. В эллинистическую эпоху папирус становится наиболее распространенным писчим материалом в Средиземноморье.

Листы папируса четырехугольной формы прикладывались один к другому, склеивались, а затем сворачивались в трубку, образуя свиток. Науке известны свитки папируса длиной в несколько десятков метров. Так, знаменитый Большой папирус Харрис имеет длину 40,5 метра и ширину 64,25 сантиметра. Такие свитки, каллиграфически переписанные профессиональными писцами, заменяли нынешние книги. Большинство дошедших до нас произведений древних философов, историков, драматургов и поэтов, деловая и личная переписка того отдаленного времени сохранились именно благодаря папирусу. У него несомненные заслуги перед мировой культурой.

Но папирус использовался не только для письма. Из связанных пучков этого растения делали легкие челны и большие суда, способные совершать длительные плавания, что так блестяще доказал в наше время Тур Хейердал. Из стеблей папируса плели циновки, корзины, веревки, изготовляли сандалии. Молодые корневища шли в пищу.

С завоеванием Египта арабами в VII веке традиционные связи этой страны с Европой были нарушены. Производство папируса резко сократилось. Однако решающий удар по нему наносит распространение с VIII века еще более дешевого материала для письма — бумаги, изготовлению которой арабы научились у жителей Средней Азии. Бумага имела еще одно преимущество перед папирусом: ее можно было изготовлять на месте, а не везти издалека. Папирус с течением времени перестали выращивать, и к XX веку его уже нигде в пределах Египта не было. Только в верховьях Нила сохранились колоссальные заросли дикорастущего папируса.

Древние, прежде всего Теофраст, ученик и преемник Аристотеля, а также римский ученый-естествоиспытатель Плиний Старший оставили нам довольно подробное описание процесса изготовления папируса. Стебли его разрезались вдоль на узкие длинные ленты. Затем ленты одинаковой длины укладывались в два слоя — одни горизонтально, другие вертикально. Полагают, что для скрепления этих слоев употребляли какое-то клеящее вещество. После

высыхания «листов» их разглаживали гладким камнем или раковиной. Однако делавшиеся в наше время попытки изготовить таким образом папирус заканчивались неудачей; он не шел ни в какое сравнение с древними образцами: был слишком груб и сильно коробился.

Чтобы снова открыть тайну изготовления папируса, нужны были терпение, упорные поиски и прежде всего энтузиазм. Эту задачу взялся решить египтянин Хасан Рагаб, казалось бы, судя по его биографии, никакого отношения к данной проблеме не имевший. Получив инженерное образование, он много лет служил в армии. Член организации «Свободные офицеры», он под руководством Гамалья Абдель Насера принимал активное участие в антимонархической и антиимпериалистической революции 1952 года. После победы революции Х. Рагаб был направлен на дипломатическую работу и занимал пост посла в ряде стран. Но неожиданно для всех он оставляет так успешно развивавшуюся карьеру и посвящает все свое время возрождению папируса. Х. Рагаб приобретает участок земли на острове Якуба, едва выступающем над водами Нила. До строительства Асуанской плотины, понизившей в этом месте уровень воды, остров значительную часть года вообще был скрыт под водой. Расположен он напротив одного из южных предместий Каира.

На различного рода эксперименты ушло несколько лет. Не сразу привились на египетской земле саженцы папируса, которые с великим трудом Хасану Рагабу пришлось несколько раз привозить с юга Судана. Главный вопрос состоял в том, каким образом скреплялись друг с другом желтоватые, с густой сетью мельчайших прожилок полоски папируса. Никакие клеящие вещества не давали нужного эффекта.

Научные учреждения проявили полное равнодушие к начинанию Рагаба. Да и кто мог гарантировать успех? Ему пришлось вложить в эксперимент все свое довольно скромное состояние. Затем в ход пошли сбережения жены и брата. И ответ наконец был найден. Он оказался удивительно прост: никакого клея. Полоски — срезы сердцевины папируса — предварительно отмачиваются определенное время в нескольких сменах нильской воды. После каждой смены их осторожно отбивают деревянным молотком. Потом полосы укладывают уже известным нам способом и помещают под пресс. Оказалось, что полоски папируса,

несмотря на длительное отмачивание, сохраняют достаточно клейкого сока, чтобы намертво приклеиться друг к другу.

Теперь рискованное предприятие начало себя оправдывать. Сначала на листках возрожденного папируса рисовали жена и сестра Рагаба; они тщательно копировали древнеегипетские рисунки, которые сразу нашли спрос у туристов: еще бы, настоящий папирус. О нем все так много слышали, но мало кто держал в руках! Вскоре двухэтажный дом-поплавок на Ниле превратился в Институт папируса — одно из наиболее популярных мест, посещаемых туристами и гостями египетской столицы.

Папирус получил и официальное признание. На нем стали печатать приглашения на особо важные, престижные приемы на высшем уровне, дипломы египетских научных учреждений. Многие стали заказывать визитные карточки на папирусе.

Сейчас рисунки на папирусе выполняет целая группа художников, от начинающих до уже составивших себе громкое имя. Важно, что на этих рисунках с необычайной тщательностью воспроизводятся творения древнеегипетских мастеров. Египтолог может свободно прочесть иероглифические надписи, встречающиеся на них. Здесь нет места вольной и небрежной фантазии на «фараоновские» темы, к сожалению так характерной для египетских ремесленников.

Хасан Рагаб начал работу по копированию сохранившихся до нашего времени рукописей, написанных на различных древних языках: египетском, коптском, латинском, арамейском и ряде других. Воспроизводится не только сам текст, но и сопровождающие его иллюстрации. Рагаб питает честолюбивую мечту — превратить институт в хранилище копий со всех папирусных свитков, находящихся в музеях мира. Тогда институт станет научным центром по изучению древнего мира. Однако осуществлению этих замыслов может помешать коммерческий успех.

Сейчас Хасан Рагаб проводит исследования, связанные с возможностью промышленной переработки стеблей папируса для получения бумажной массы. Он полагает, что решение этой задачи могло бы обеспечить дешевой и высококачественной бумагой арабские и африканские страны, учитывая, что в центральноафриканских областях заросли папируса занимают много миллионов гектаров.

Хасан Рагаб создал на острове Якуба интереснейшую модель древнеегипетского поселения, окруженного типичной для того времени растительностью. Поездка на лодке

вокруг острова среди высоких, закрывающих вид на оживленные берега реки кустов папируса оставляет неизгладимое впечатление. На память невольно приходит излюбленный сюжет рельефов древнеегипетских гробниц: вельможа, окруженный домочадцами, прогуливается на лодке среди густых, кишящих птицами папирусных зарослей. Нередко он охотится на птиц, бросая небольшой бумеранг.

В этом поселении воспроизводятся не только жилища, домашняя утварь древних египтян, но и их занятия. Здесь можно видеть, как сеяли, пахали, ткали, строили, ваяли и, уж конечно, как изготовляли папирус. «Роли» древних египтян по большей части выполняют студенты каирских высших учебных заведений.

ТАЛАНТЫ РАСКРЫВАЮТСЯ В ХАРРАНИИ

Харрания — небольшая деревня, расположенная неподалеку от Каира, на берегу оросительного канала. Отсюда за зелеными полями и купами пальм у самого горизонта хорошо видны великие пирамиды Гизы. В египетских деревнях дома обычно с плоскими крышами, а в Харрании — с одним или несколькими куполами. Своеобразным обликом селение обязано Рамсису Виса Васефу — архитектору по профессии и энтузиасту по духу. Более тридцати лет назад он приобрел здесь участок земли и, не оставляя своей работы архитектора, стал обучать крестьянских детей изготовлению ковров на ткацких станках. Сейчас харранийские ковры известны во всем мире.

Рамсис Виса Васеф встретил нас во дворе своего двухэтажного дома, где вокруг бассейна, обсаженного египетским лотосом и папирусом (которые, кроме посадок Хаса Рагаба, можно увидеть разве что при входе в Национальный музей), растут фруктовые и декоративные деревья. Курчавые волосы Рамсиса наполовину седые, темно-карие глаза, прикрытые толстыми стеклами очков, смотрят устало и чуть грустно. Только временами, когда он рассказывает о своих идеях и их воплощении в жизнь, его спокойный голос теряет монотонность заученной лекции для посетителей, а в глазах зажигается огонек. Нам повезло: Рамсис, судя по всему, с нами был более разговорчив, чем с обычными, частыми теперь экскурсантами, ибо нас сопровождал его старинный друг. Повезло, если здесь уместно

это слово, вдвойне: несколько месяцев спустя Рамсиса Виса Васефа не стало...

Проходим в расположенные рядом мастерские. Там работают почти исключительно женщины. У каждой отдельная маленькая комната, где стоит ткацкий станок, и, как правило, кровать с грудным ребенком. Конечно, мы, как и все, кто впервые попадает в Харранию, не можем сдержать восхищения совершающимся на наших глазах чудом — превращением разноцветных шерстяных нитей, натянутых на примитивном деревянном станке, в прекрасную картину-гобелен, по тонкости оттенков, право, способную соперничать с творениями самых прославленных художников. Но, позвольте, по каким образцам ткут мастерицы? Что-то перед ними не видно даже самого общего наброска будущего ковра, хотя они делают сложнейшие композиции, часто занимающие несколько квадратных метров. Ответ прост и неожидан: никаких образцов, эскизов, предварительных рисунков. Весь замысел целиком в голове исполнителя.

— Эти мастерицы и мастера с десятилетнего возраста прошли мою школу, — говорит Рамсис, — но я учил их только технике ткачества, не давая уроков рисования, композиции и тому подобного. Так что они подлинные и единоличные творцы.

— Но, видимо, пришлось устраивать строгий конкурс для детей, пришедших к вам, чтобы отобрать самых одаренных?

— Нет, никакого отбора вообще не было. Любой ребенок, начавший заниматься у нас, проявляет способности, а иногда и талант. Но дети должны быть из деревни. Городские слишком рано поддаются под влияние кино, телевидения, журналов и книг, которые прививают им стандартный взгляд на мир. Рутинное образование способствует дальнейшему подавлению индивидуального мировосприятия.

Рамсис вспоминает, что еще в молодости, учась на архитектора, он был потрясен неповторимостью средневековой архитектуры Каира, особой красотой каждого отдельного дома. А старые деревни, так естественно вписывающиеся в окружающую природу, придавая ей завершенность, обогащая ее!

— Я не мог понять, — продолжает наш собеседник, — почему наша цивилизация строит такие уродливые жилища. Даже в любимых мною древних кварталах Каира там и

сям вырастают безликие «модерновые» здания. Еще более печально, когда такое же творится в деревне.

Годы не донесли до нас имен подавляющего большинства тех, кто строил и поныне ласкающие наш взгляд дома. Естественно, гении среди них попадались нечасто. Скорее всего они были скромными мастерами-ремесленниками и лишь сохраняли традиции своих отцов, дедов и прадедов. Но в их труде было ценнейшее качество, отсутствующее у многих нынешних зодчих с учеными степенями, — индивидуальность. Они учитывали местные особенности, вкусы и привычки, пожелания людей, которым предстояло жить в строящихся ими домах.

— Есть ли разница между теми, кого мы сегодня называем художником, и ремесленником, — продолжал рассуждать Рамсис. — Говорят, что художник творит, а ремесленник только повторяет. Однако если приглядеться внимательнее, то окажется, что большинство художников лишь имитирует кого-то из классиков, тогда как многие ремесленники настоящие творцы. Можно ли делить искусство на «великое» и «малое»? Думаю, что нет. Ведь еще древние говорили: искусство едино, образцы его бесчисленны. В древние времена различия между художником и ремесленником не существовало*. Гениальный, по нашим понятиям, скульптор, создавший диоритовую статую фараона Хефрена, или автор древнейшей деревянной статуи, известной под названием «Шейх эль-белед», ничем не отличались от других царских мастеров, изготавливавших алебастровые сосуды, деревянные ларцы, ювелирные украшения и другие предметы обихода для царя и его придворных. Этих мастеров нисколько не беспокоила безымянность их творчества**. «Подписные» работы впервые появляются, пожалуй, в Греции, и тогда же возникает слепое подражание их авторам.

Эти мысли привели Рамсиса к выводу, что художественное творчество — удел не только избранных, оно доступно практически каждому. Это весьма серьезная проблема в наши дни, когда машинное производство почти всюду

* По мнению Е.С. Богословского, отделение творческого труда от физического происходит на рубеже XIX—XX династий (*Богословский Е.С. Древнеегипетские мастера, по материалам из Дер эль-Медина. М., 1983*). — *Примеч. ред.*

** Это довольно распространенное мнение ошибочно. Исследования искусствоведов (например, М.Э. Матье) выявляют имена известных архитекторов и художников, положение которых, конечно, резко отличалось от положения простых ремесленников. — *Примеч. ред.*

вытесняет ремесло, что вызывает у современного человека протест, хотя чаще всего и неосознанный. Только этим можно объяснить тягу многих (к сожалению, подчас вырождающуюся в пустую моду) к старинным произведениям ремесла, которые, в противоположность стандартным изделиям, как бы хранят тепло человеческих рук.

Но как же возродить ремесло? Ведь исчезает-то оно потому, что ему все труднее удовлетворять потребности нашей повседневной жизни. Повторение старого никого не может устроить. Чтобы конкурировать с потоком дешевых, быстро меняющихся промышленных изделий, современное ремесло должно обладать собственной, только ему присущей эстетической ценностью.

Так родилась идея эксперимента в Харрании.

Поселившись в деревне, Рамсис и его жена стали приглашать к себе детей феллахов и показывать им приемы ткачества. Ребенку за каждую, пусть даже самую несовершенную сделанную им вещь платили небольшую сумму, чтобы малыш почувствовал ценность своей работы и не только он, но и его семья осознали, что это не игра, а серьезное дело, на которое можно положиться в будущем.

— Кроме того, — улыбается Рамсис, — это избавило меня от проверки «отбывания» учениками часов в мастерской — процедуры, по-моему, унижительной и для проверяющего, и для проверяемых.

Он решил не разделять творческий процесс на предварительный этап — подготовку эскиза ковра — и собственно ткачество. Ведь ученик при слабом еще владении техникой будет занят лишь тем, чтобы как можно добросовестнее перенести рисунок, который он не сможет сделать без помощи учителя, на ковер.

— Даже подражание великим мастерам, — замечает Рамсис, — редко кого излечивало от посредственности, а чаще становилось ее причиной.

Другой заботой Рамсиса было уберечь детей от профессиональных эстетических влияний. Он нередко возил их по красивейшим местам страны, к морю, в города, где они гуляли по улицам, паркам и площадям, заходили в зоосад, но в музеи — никогда.

— Неужели, — вырывается у нас вопрос, — вы вообще никак не пытались руководить своими учениками?

— Мое участие в их творчестве заключалось лишь в том, что я обсуждал с детьми их замыслы, давал —

но не навязывал — советы, предостерегал от подражания товарищам. Самое главное, что я стремился сделать, — это поддерживать в коллективе спокойную, веселую атмосферу, необходимую для творчества.

Итак, Рамсис утверждает, что не сыграл никакой роли в создании нового красочного и выразительного языка, которым говорят харранийские ковры. Он только обеспечил условия и возможности для раскрытия творческих задатков, имеющихся у каждого ребенка.

Большей частью мы видим на коврах сцены деревенской жизни — людей, животных, дома в окружении пальм. Встречаются и библейские сюжеты, но представленные так, будто дело происходит в современной египетской деревне. А вот отзвуки экскурсий по стране: изображения диких зверей, виденных в зоопарках, моря и морских рыб. Прелестны, бесчисленны в своих оттенках цвета этих ковров-картин. Все краски делаются тут же, из специальных растений. Когда закладывалась их плантация, Рамсису пришлось выписать кое-какие семена из самых отдаленных уголков земли. Для всех работ характерна какая-то особая раскованность, искренность. Ткачи из Харрании свободно, без претензий на «артистичность» передают свое видение мира — красочного и гармоничного.

Кроме изготовления ковров в Харрании занимаются «росписью» тканей в технике, напоминающей индонезийский батик. Мастера, часто дети, наносят на материал рисунок расплавленным воском, из лейки с узким носиком. После того как воск затвердеет, кусок ткани опускают в чан с краской, которая пропитывает открытые участки. Потом ткань высушивают, наносят следующий рисунок, вновь погружают в краску — уже другую. Эта операция повторяется столько раз, сколько цветов предусмотрено в композиции. Нужны большой талант, врожденное чувство цвета, воображение, чтобы представить себе, что получится от наложения одной краски на другую. Мастера из Харрании легко справляются с этой задачей. Напоследок ткань кипятят, воск с нее сходит — и перед вами сложные орнаменты, павлины, переливающиеся всеми цветами радуги, фантастические животные с оскаленной пастью и когтистыми лапами.

После кончины Рамсиса Виса Васефа дело продолжает его вдова, с самого начала принимавшая деятельное участие в эксперименте. Успех Харрании, в том числе и коммерческий (сделанные здесь ковры стоят очень дорого), вызвал

в Египте целую волну подражательства. Поблизости, в местечке Кирдаса, где испокон веку изготовляли ткани ручным способом, тоже стали ткать настенные ковры с рисунками, очень похожими на харранийские. Однако это уже явная имитация. Ковер из Харрании не спутаешь ни с чем.

В саду-дворике рядом с домом Рамсиса и мастерскими устроена постоянная выставка произведений харранийских мастеров. В нескольких комнатах на простых глинобитных стенах развешано десятка два ковров — ярких, излучающих радость картин, демонстрирующих свойственную молодым ткачам непосредственность мировосприятия, безукоризненный вкус, чувство цвета и гармонии, которым можно научиться только у природы.

ЖИВУЧИЙ ПРЕДРАССУДОК — КОЛДОВСТВО

Вера в сверхъестественное, черную магию и колдовство продолжает бытовать во многих странах мира. Но, вероятно, нигде вера в сверхъестественные силы не имеет таких глубоких корней, как в Египте. Тяга древних египтян ко всему таинственному, их попытки решать самые различные жизненные проблемы с помощью сверхъестественных сил или умерших предков общеизвестны. С распространением в стране христианства, а затем ислама мало что изменилось. Бывшие боги и духи превратились в джиннов и ифритов. Многие считают, что они обитают в древних храмах и гробницах. Почти все в Египте носят амулеты от болезней и дурного глаза. Особенно ценятся амулеты, которыми пользовались еще в древности.

Англичанин Эдвард Лэйн в своем интереснейшем труде «Нравы и обычаи современных египтян», недавно переизданном на русском языке (первое русское издание вышло в 40-х годах прошлого века), уделил немалое внимание суевериям и магии, распространенным среди египтян в его время (первая половина XIX столетия). Нимало не разделяя веры в сверхъестественное, Э. Лэйн приводит несколько слышанных им в Египте рассказов о «деяниях» магов. Но, пожалуй, самое удивительное, о чем он поведал, — это о его встречах с магом и попытках разгадать секрет его работы. «Маг, — рассказывает Э. Лэйн, — наливал в центр бумажного «магического» квадрата немного чернил и приказывал мальчику, выбранному из толпы уличных ребятишек, смотреть в чернила». Маг предложил

Лэйну призвать кого-нибудь в видение мальчика — человека отсутствующего или умершего. Лэйн выбрал лорда Нельсона. Мальчик сообщил, что видит в чернильном зеркале человека в европейской одежде. «У него нет левой руки, — сказал он, но, взглядевшись внимательнее, поправился: рука у него лежит на груди». Лэйн пишет, что поправка придала его описанию еще большую достоверность, так как пустой рукав лорда Нельсона всегда был приколот к груди. Правда, это был рукав не левой, а правой руки. Тогда Лэйн спросил мага, каким видит мальчик изображение — как в жизни или в зеркальном отражении. Маг ответил, что в зеркальном. Затем мальчик довольно верно описал знакомого Лэйна, проживавшего в Лондоне. Лэйн уверяет, что никаких контактов между магом и мальчиком не было. Он пишет, что пребывает по этому поводу в недоумении и даже считает нужным выразить надежду, что этот рассказ не вызовет у читателя недоверия к остальным главам его повествования. Во всяком случае, свидетельство Лэйна говорит о том, что египетские маги и кудесники хранят много секретов своего искусства и работают весьма «чисто».

Это ремесло процветает в Египте до сих пор, пользуясь большой популярностью среди значительной массы населения. По подсчетам египетских ученых, верят в колдовство 96 процентов жителей деревни и 62 процента — городов. Газета «Ахбар эль-йом» сделала однажды такой логический подсчет: в Египте 47 225 деревень, в каждой из них непременно есть свой маг. Следовательно, в стране такое же число магов плюс еще те, кто проживает в городах.

В книге советского ученого и публициста А.М. Васильева сообщается, что широко почитаемому в Египте Ахмеду аль-Бадави приписывается такое самовосхваление: «Еще до моего существования я был кутбом и имамом; я видел престол и что поверх небес, и я видел божество, когда оно явилось. Я не имею другого учителя и образца для подражания, кроме пророка Таха (Мухаммеда)... Никто ни до меня, ни после меня не получил даже горчичного семени от обилия моей учености»*.

Другой египетский святой, Ибрахим ад-Дасуки, якобы говорил о себе так: «Аллах показал мне, когда мне было семь лет, что находится в высях. Восемью лет от

* *Васильев А. М.* Египет и египтяне. М., 1987.

роду я прочел хорошо хранимую скрижаль. Девяти лет я раскрыл талисман неба и открыл в первой суре Корана букву, от которой люди и демоны приходят в смятение; четырнадцати лет от роду я был в состоянии двигать с помощью Аллаха находящееся в спокойствии, а движущееся приводить в состояние покоя.

Мухаммед дал мне власть над всей землей: над всеми летами и над дьяволами;

над Китаем и над всем Востоком, до границ стран Аллаха, мое господство правомочно;

я — буква, которую не всякий, кто ее видит, может читать; весь мир по приказу моего Аллаха подвластен мне;

все это я говорю не из хвастовства, а потому, что мне это дозволено, дабы не был неизвестен мой путь».

А.М. Васильев добавляет, что, возможно, эти хвастливые заявления были вложены в уста святых впоследствии составителями их житий и что не сами они предавались самовосхвалению. Однако верующие благоговейно повторяют эти слова.

К сожалению, предрассудки порой поддерживаются центральной печатью. Однажды известный египетский писатель и публицист опубликовал в одной из крупнейших газет страны описание происшествия, за достоверность которого он якобы полностью ручается. По его словам, двое молодых людей поздно вечером возвращались на автомашине в Каир с аэродрома. Недалеко от одного из кладбищ на окраине столицы их остановила молодая девушка и попросила подвести в город. Она была в легком белом и, как показалось молодым людям, влажном платье. Доехали до каирского района Гелиополис. Девушка попросила остановиться у виллы. Один из молодых людей предложил ей накинуть на плечи свой плащ — дело происходило холодным зимним вечером. Девушка сказала, что, как только войдет в дом, пришлет им плащ. Молодые люди остались ждать. Ожидание, однако, сильно затянулось, и они решили постучаться. В доме оказалось только двое пожилых людей — мужчина и женщина. Они утверждали, что в дом никто не входил. Тут один из юношей заметил на стене фотографию незнакомки и сказал, что именно она вошла в дом в его плаще. Слова эти произвели шоковое впечатление на пожилых людей. Они объяснили, что это невозможно, так как их дочь умерла несколько лет назад. На следующее утро они вместе поехали на кладбище. На могиле их дочери

лежал тот самый плащ. Конечно, это была шутка-розыгрыш со стороны писателя, но многие приняли историю за чистую монету, и весь Каир недели две только о ней и говорил.

В серьезной газете «Аль-Ахрам» не так давно появилось сообщение о странном судебном разбирательстве в связи с тем, что у одного египтянина, занимавшегося колдовством, дотла сгорела квартира. По единодушному утверждению членов его семьи, пожар возник ни с того ни с сего сразу в нескольких местах, что подтвердила и специально созданная для расследования комиссия. В суд был вызван другой, видимо, более опытный в таких делах колдун. Согласно его авторитетному заключению, пожар был «наколдован» каким-то человеком, враждебно относящимся к хозяину квартиры. Колдовскими действиями неизвестного объяснялось также и то, что в этой квартире не могли пользоваться электрическим освещением — все лампочки немедленно перегорали и приходилось зажигать свечи. Виновного найти не удалось.

А вот случай, которому я сам был свидетелем. Один мой знакомый каирец страстно влюбился в молодую замужнюю женщину, отвечавшую ему взаимностью. Муж был готов дать ей развод, благо для мусульман это не представляет больших затруднений: достаточно трижды произвести «ты разведена». Однако родители моего знакомого были решительно против этого брака. Тогда оба влюбленных пошли к пользовавшемуся широкой известностью магу-колдуну. Тот после соответствующей случаю процедуры письменно удостоверил, что их брак будет счастливым и первым их ребенком будет мальчик. Столь авторитетный документ сломал сопротивление родителей. Между прочим, через год после свадьбы у них действительно родился мальчик.

Еще случай из судебной практики. В 1980 году состоялся суд над неким Абдель Азизом Абу Кафом — лекарем-магом, обвинявшимся в шарлатанстве и нелегальной медицинской практике. Но после того, как он успешно поставил диагноз пяти присутствовавшим на суде адвокатам, суд признал его невиновным и действующим под влиянием «неизвестной силы». Один из пациентов Абу Кафа заявил на суде: «Я отдал бы ему все свое состояние, если бы он попросил. Он вылечил меня от рака и взял с меня всего 25 пиастров. Если вы думаете, что он шарлатан, я расскажу вам о дипломированных докторам, которые не

могли толком поставить диагноз, не говоря уже о лечении, и все же обошлись мне в целом состоянии».

На суде Абу Каф уверял, что лечит не он, а джинния. Дело в том, что лет десять назад ему, по его словам, явилась джинния и обещала излечить его от паралича, если он согласится жениться на ее дочери. Он согласился, сразу выздоровел и теперь лечит других, пользуясь услугами тещи.

Вряд ли в какой другой стране может появиться в печати сообщение, подобное следующему (газета «Аль-Ахбар»): «Вчера Ахмед Радван, бывший директор департамента национальной ориентации министерства высшего образования, снова высказал желание использовать джиннов для обнаружения знаменитого натюрморта Ван Гога, похищенного из музея Мухаммеда Махмуда Халиля в Замалике. Он обратился к первому заместителю министра культуры с просьбой разрешить ему провести "сеанс" в музее. Однако директор музея отверг эту идею и заявил, что не верит в то, что джинны способны сообщить о судьбе украденной картины». Картина была найдена полицией без помощи джиннов.

Малоимущие египтяне очень часто обращаются за медицинской помощью к колдунам (визит к частному врачу слишком дорого стоит, а государственные бесплатные лечебницы пользуются плохой репутацией). Вот один из способов, рекомендуемых для лечения больного ребенка: вылепить восковую куклу и проткнуть ее иголкой; болезнь уйдет через это отверстие. Особое внимание уделяется бесплодию. Средств для борьбы с ним — бесчисленное множество. Один феллах, промышлявший на досуге добычей древностей, неплохо подрабатывал тем, что предоставлял в своем доме страдавшим от бесплодия женщинам возможность семь раз перешагнуть через хранившуюся у него руку древней мумии.

Магические «рецепты» бывают довольно странными. Например, чтобы исполнилось какое-либо желание, необходимо написать его на спине живой рыбы и снова бросить ее в реку. Имя ненавистного человека следует написать на листке дерева, и тогда всякий раз, как лист затрепещет от ветра, у этого человека «голова пойдет кругом».

Порой к магии прибегают даже элитарные правящие круги. Известный египетский публицист Мухаммед Хасанейн Хейкал писал, что после смерти Гамалья Абдель Насера

в сентябре 1970 года высшее военное командование Египта устраивало сеансы, на которых вызывался дух Насера, чтобы «согласовать» с ним важнейшие военные планы египетской армии.

Но все же основной питательной средой для всякого рода суеверий остается задавленная нуждой, необразованная масса тружеников, отчаявшихся найти в реальной жизни решения своих проблем.

ПРОКЛЯТИЕ ФАРАОНОВ

Не все суеверия и предрассудки имеют тысячелетнюю давность. Миф о «проклятии фараонов» появился совсем недавно, после открытия в ноябре 1922 года английским археологом Говардом Картером гробницы Тутанхамона. На Западе обычно называют в качестве первооткрывателя также лорда Карнарвона. На самом деле он никакого участия в открытии не принимал, а лишь финансировал ведшиеся Картером в луввурской Долине царей раскопки. Однако нужно признать, что он нашел не худший способ тратить деньги. Как раз с именем Карнарвона и связано появление мифа о «проклятии фараонов».

17 февраля 1923 года Картер в присутствии двадцати приглашенных вскрыл помещение, где покоился саркофаг фараона. Перед ними сказочным блеском засверкала золотая стена. Впрочем, сейчас нас интересует другое. В начале апреля лорд Карнарвон заболел. Во время бритья он порезался в том месте, где у него был шрам, оставшийся от автомобильной катастрофы. Через двенадцать дней он скончался в каирской гостинице «Континенталь» на 57-м году жизни. Утверждают, что в момент его смерти во всем Каире на несколько минут погас свет. Работники каирской электростанции якобы ничем не могли объяснить это явление. Но это еще не все. Сын и наследник Карнарвона рассказывал, что в то время, когда в Каире умер его отец, в Англии, в Хайклере, родовом имении семьи, любимый фокстерьер лорда вдруг начал выть, поднялся на задние лапы и повалился замертво. Журналисты быстро подхватили эти «факты».

Утверждают также, что из двадцати присутствовавших при вскрытии погребальной камеры Тутанхамона тринадцать вскоре умерли. Смерть настигла и двух врачей-патологоанатомов, исследовавших мумию фараона. Гово-

рят, что в первой комнате гробницы якобы нашли глиняную табличку, на которой было написано: «Смерть сразит своими крыльями каждого, кто нарушит покой фараона». Правда, сообщающие об этом признают, что Картер ничего не говорил и не писал об этой табличке, не включил ее в реестр находок и не сфотографировал, как все прочие найденные в гробнице предметы. Объясняют это тем, что Картер и его научные сотрудники не принимали всерьез подобные, впрочем довольно традиционные для египетских захоронений, заклинания, однако якобы утаили ее, опасаясь паники среди трудившихся вместе с ними египетских рабочих. Но тогда спрашивается: зачем такая предосторожность, поскольку ни один из них не мог прочитать древние иероглифы?

В этой связи еще вспоминали, что до открытия гробницы Тутанхамона генеральный инспектор египетской Службы древностей Энгельбах обнаружил в гробнице вблизи пирамиды в Мейдуме табличку с надписью: «Дух покойного свернет шею грабителю, как гусю». В табличке говорилось об одном покойном, а в гробнице нашли два трупа: один — набальзамированный, другой — нет. Второй труп принадлежал грабителю, который еще в древности проник в гробницу и уже протянул руку, чтобы сорвать находившиеся на мумии драгоценности, как с потолка упал камень и убил его. Таким образом, заклятие свершилось. Но при этом забывают, что падение камня для вора — своего рода западня, каких немало в египетских богатых захоронениях, заранее спланирована еще при строительстве гробницы.

Что же касается скончавшихся людей, присутствовавших при открытии погребального помещения Тутанхамона, то и здесь аргументация сторонников «теории проклятия» не очень-то убедительна. Что значит «вскоре»? При ближайшем рассмотрении оказывается, что «несколько лет», а при уточнении — лет десять. Не принимается во внимание ни сколько им было лет, ни какими болезнями они страдали до своей «роковой» встречи в Долине царей. Убедительнее всего против приверженцев «демонической» версии свидетельствует то, что главный и в конце концов единственный «виновник» нарушения покоя фараона — Говард Картер скончался в 1937 году в возрасте 67 лет.

Правда, сторонники «теории проклятия» не собираются сдаваться. Они пытаются утверждать, что жрецы древнего Египта обладали обширными знаниями, многие из которых

нам до сих пор неизвестны. Так, им якобы были известны биоритмы, и они умели влиять на них вплоть до прекращения самой жизни. И это не только в то время, когда они жили, но даже через тысячелетия. Возможно также, утверждают они, что жрецы оставляли в гробницах для охраны мумии и погребенных с ней сокровищ какие-то стойкие яды и болезнетворные организмы. А быть может, они прибегали к неизвестным нам источникам смертельной радиации? Очень интересные и смелые предположения, но, к сожалению, наука ничем не может их подтвердить. Напротив, она располагает многими контраргументами. Например, нам достоверно известно, что захоронения фараонов подвергались ограблению еще в глубокой древности. У нас есть все основания полагать, что в этих разграблениях активное участие принимали и жрецы, и те из чиновников, в обязанность которых как раз входила охрана царских захоронений. Гробница Тутанхамона представляет собой единственное исключение, а ведь в древности страной правили 360 фараонов. Впрочем, спорить здесь, по-видимому, бесполезно.

Еще более фантастично звучат предположения о причастности древнеегипетской магии к гибели «Титаника», затонувшего 14 апреля 1912 года после столкновения с айсбергом. Это судно было самым крупным и быстроходным в мире. Считалось также, что оно непотопляемо. Западногерманский публицист Филипп Вандерберг в книге так и названной «Проклятие фараонов» пишет, что опытейший капитан парохода Эдвард Смит вел себя в день катастрофы весьма странно. Был нарушен заданный курс корабля, он шел с повышенной скоростью, сигнал о помощи запоздал, как и объявление команде и пассажирам плана эвакуации. На борту «Титаника» было 2200 пассажиров, 40 тонн картофеля, 12 тысяч бутылок минеральной воды, 7 тысяч мешков кофе, 35 тысяч яиц и... египетская мумия, которую лорд Кэнтервиль вез из Англии в Нью-Йорк.

Эта прекрасно сохранившаяся мумия принадлежала жрице-прорицательнице, весьма популярной во времена правления Аменхотепа IV, фараона-еретика, принявшего имя Эхнатон. Она была захоронена в Тель-эль-Амарне, где на месте ее погребения возвышался небольшой храм. Мумия, как обычно, была обложена разного рода амулетами, а главное, под ее головой лежал амулет — изображение Осириса со следующей надписью: «Очнись от своего обмо-

рочного состояния, в котором ты находишься, и один взгляд твоих глаз восторжествует над любыми кознями против тебя». Вандерберг полагает, что останки прорицательницы находились под особой, созданной жрецами изошренной защитой.

Мумия перевозилась в деревянном ящике и ввиду ее ценности была помещена не в грузовом трюме «Титаника», а рядом с капитанским мостиком. В связи с этим автор задается вопросом: а не взглянул ли несчастный капитан Смит в эти фатально сияющие очи?

Весной 1984 года сторонники «проклятия» получили новое доказательство правоты: находившаяся в погребальной камере пирамиды Хефрена группа туристов подверглась воздействию неизвестно каким образом проникших туда подземных газов, в результате чего часть из них потеряла сознание.

РАЗГРАБЛЕННЫЕ СОКРОВИЩА*

Грабежи захоронений происходят в Египте с тех незапамятных времен, когда появился обычай класть с умершим самые разнообразные вещи и утварь, в том числе и драгоценности. Для грабителей, а ими нередко оказывались сами жрецы и чиновники, которым была поручена охрана некрополей, соблазн был слишком велик. Ни страх перед богами, ни заклятия не могли заставить их отступить. Богатейшие царские пирамиды, защищенные десятками метров каменной толщи и ловушками в глубоких коридорах, вырубленных в скалах, — все были разграблены еще в древности. Даже в чудом сохранившейся гробнице Тутанхамона воры все же успели побывать дважды, пока ее следы, к счастью для египтологии, не были затеряны.

О самом древнем, зарегистрированном археологией ограблении свидетельствует, видимо, история с вторичным захоронением царицы Хетепхерес, матери могущественного фараона Хуфу, строителя высочайшей пирамиды, и супруги не менее могущественного фараона Снофру. В 1925 году американская экспедиция во главе с Г. Рейснером обнаружила глубокий (99 футов), тщательно замаскированный колодец к востоку от пирамиды Хуфу. Колодец вел к вы-

* См. об этом: *Эгельбрахт П.* Трагедия пирамид: 5000 лет разграбления египетских усыпальниц. М., 1984.

сеченной в скале камере, где находились деревянный остова балдахина, кровать, кресло, ларец для драгоценностей, деревянные носилки с великолепной надписью золотыми иероглифами на черном фоне, ряд мелких предметов, прекрасный саркофаг из алебаstra и четыре алебастровые каноны (сосуды, куда помещались вынутые в процессе мумификации внутренности покойного). На всех вещах стояло имя Хетепхерес. Сомнений не могло быть — здесь захоронение царицы. Но саркофаг оказался пуст. И никаких следов ограбления. Г. Рейснер высказал предположение, что первоначально жена фараона была погребена в некрополе Дахшура, вблизи пирамиды своего супруга. Но гробница была ограблена, с мумии сорваны драгоценности, а саму ее сожгли (что нередко делалось грабителями, дабы избежать мести покойного). Известие о проникновении воров в гробницу дошло, очевидно, до фараона, который и распорядился перенести гробницу поближе к собственной пирамиде, где охрана была поставлена лучше. Скорее всего приближенные побоялись сообщить Хуфу, что мумия его матери уничтожена, и перезахоронили пустой саркофаг.

От времен XX династии до нас дошел, к сожалению не полностью, папирус, где записан судебный процесс над грабителями царского некрополя в Фивах. Показания подсудимых напоминают высказывания английского археолога Картера при открытии мумии Тутанхамона: «Затем мы нашли августейшую мумию царя. На шее были многочисленные амулеты и золотые украшения, на голове — золотая маска и повсюду на самой мумии — золото...»*. В ходе процесса установили, что в этих ограблениях оказались замешаны высшие сановники государства. Приговор суда не сохранился, но можно не сомневаться, что грабители понесли суровое наказание. Однако любители сокровищ не переводились... Нас потрясают сокровища, найденные в гробнице Тутанхамона, а ведь его царствование было коротким и в истории страны почти незаметным. Никакого воображения не хватит, чтобы представить, какие богатства скрывались в вырубленных в скальных породах, тянущихся на десятки и даже сотни метров галереях и залах гробниц великих фараонов XVIII династии.

Не только гробницы, но и монументальные архитектурные сооружения подвергались актам вандализма и грабежа. Сами фараоны, возводя храмы для себя, не брезговали

* См.: Лурье И. М. Очерки древнеегипетского права XVI—X вв. Л., 1960.

разборкой и использованием в качестве строительного материала сооружений своих предшественников. Египетские христиане жестоко уничтожали следы великой цивилизации предков. Сменившие их мусульмане уже спокойно, без религиозных эмоций — язычество в Египте давно не существовало, — уничтожали древние руины. Английский путешественник Ричард Покок, посетивший Египет в 1737 году, писал: «Они каждодневно разрушают прекрасные образцы египетских древностей, и я видел, как пилят колонны на мельничные камни». «Залежи» прекрасного обработанного камня в развалинах Мемфиса, некрополях Саккара и Гизы энергично эксплуатировались при строительстве основанного в 968 году Каира. На массивных средневековых стенах и башнях Каира то и дело натыкаешься не только на надписи, оставленные наполеоновскими солдатами, но и на плиты с древними иероглифами и рельефами, о происхождении которых нетрудно догадаться.

Особенно широкий размах разрушение памятников старины приняло в начале прошлого века, когда правитель Египта Мухаммед Али приступил к строительству промышленных предприятий по европейскому образцу. Источником строительного материала часто служили близлежащие древние развалины. Но грандиозным планам Мухаммеда Али не суждено было осуществиться, и большинство этих предприятий так и не вступило в строй.

Объектом иностранного туризма Египет становится еще в греко-римскую эпоху. Богатые торговцы, правительственные чиновники, а подчас и римские императоры в окружении многочисленной свиты посещают эту страну, конечно, прежде всего для того, чтобы выжать побольше доходов из жестоко эксплуатируемых крестьян и ремесленников. Но заодно они проявляют интерес и к прославленным еще Геродотом египетским древностям. Каждый не прочь посмотреть три из семи чудес света, находящиеся в Египте: Великие пирамиды в Гизе, Александрийский маяк и лабиринт в Фаюме. Усиленно посещаются Фивы с их то ли бормочущим, то ли поющим колоссом Мемнона*, тамошние великолепные храмы и царские гробницы. Свое восторженное отношение к шедеврам египетской архитектуры и искусства греки и римляне отразили в многочисленных надписях-граффити, оставленных ими на древних памятниках.

* Оба колосса на самом деле статуи Аменхотепа III, но греки считали одного из них изображением Мемнона. — *Примеч. ред*

И тогда этих туристов сопровождали в гробницы Долины царей местные гиды, и можно безошибочно утверждать, что уже в то время велась бойкая торговля древностями, а заодно и подделками, тем более что египетские предметы культа обладали в глазах тогдашних путешественников не только эстетической, но еще и религиозной магической силой.

Находимые в Италии и других европейских странах египетские статуи и предметы культа по большей части связаны с распространившимся в Европе в первые века нашей эры поклонением Исиде. Два обелиска, до сих пор украшающие площади в Риме и Стамбуле, были привезены из Египта — первый, очевидно, при императоре Августе, а второй вывезен из фиванского храма Тутмоса III императором Константином, но водружен на ипподроме Константинополя только в 390 году.

В средние века процветала международная торговля египетскими мумиями, которая нанесла огромный ущерб древностям страны. На этот раз беспощадные грабежи были связаны с... медициной. Мумии стали использовать как высокоценное лекарство. Слово «мумия» происходит от персидского «мумиё», так называется особый род смолы, собираемой в горах и применяющейся для лечения ран, переломов, желудочных и целого ряда других заболеваний. Внутри египетских мумий находили похожие на вид смолы, употреблявшиеся при мумификации. В ход пошли также пропитанные смолами и сами мумии. Повсюду в стране началась охота за мумиями, которые доставлялись на рынки Каира и Александрии, откуда уже этот товар поступал на европейский рынок.

Арабский историк и врач Абдель Латиф писал в 1203 году, что на рынках Каира мумии стоили очень дешево: «За полдирхема я приобрел три головы, наполненные черным как смола веществом. Я заметил, что, будучи выставленным на палящее солнце, оно растапливается». Совершенно очевидно, что это был асфальт. Не обходилось и без мошенничества. Другой арабский писатель сообщил, что в Каире задержаны люди, хранившие у себя целую груду трупов. Под пыткой они показали, что похищали трупы из могил и кипятили в какой-то жидкости на очень сильном огне, пока мясо не отделялось от костей. Затем оно высушивалось и продавалось франкам, то есть европейцам, которые платили 25 монет за центнер.

Побывавший в Египте во второй половине XVI века

предприимчивый англичанин Джон Сандерсон вывез в Англию более 600 фунтов разрозненных частей мумий, по его выражению «разных голов, рук и ног», и одну мумию целиком. Французский врач Ги де ла Фонтен, посетивший Александрию в 1654 году, утверждает, что алчные купцы выдавали за мумии вполне современные трупы. Спрос на мумии был огромный. Французский король Франциск I носил с собой как амулет небольшой мешочек с мумией, переработанной в порошок.

Этот торговый бум к началу XIX века постепенно спал. Марк Твен упоминает мумии в своей книге «Простаки за границей» уже с юмором, утверждая, что на египетских железных дорогах топливом служат мумии трехтысячелетней давности, которые якобы покупаются на тонны или целыми кладбищами, и порой слышишь, как нечестивый машинист с досадой кричит: «Пропади они пропадом, эти плебеи, жару от них ни на грош! Подбрось-ка еще фараонов».

Как это ни удивительно, спрос на мумии существует до сих пор, правда в более скромных размерах. Его питает довольно распространенная в Соединенных Штатах вера в магию и оккультные науки. В Нью-Йорке можно купить унцию мумии за 40 долларов.

Однако в XIX веке охота за мумиями в качестве патентованного медицинского снадобья сменилась не менее разрушительной для древней цивилизации погоней за предметами древнеегипетского искусства. Толчок к этому дала египетская кампания Наполеона (1798—1801). Закончившись в военном отношении полным крахом, она положила блестящее начало подлинно научному изучению Египта. В состав военной экспедиции входило 167 французских ученых — ориенталистов, врачей, химиков, зоологов, математиков, географов, а также художники. Они были снабжены прекрасной библиотекой, различного рода лабораториями и инструментами. Наполеон Бонапарт проявлял живой интерес к работе основанной этой группой ученых в Каире Египетского института. За три года ученые составили первую подробную географическую карту Египта и первое научное описание его древних памятников: 24-томное «Описание Египта». Несмотря на то что прошло много времени с опубликования этого труда, его научная ценность не только не упала, но, пожалуй, значительно возросла, поскольку в нем зафиксированы многие памятники, с тех пор разрушенные или сильно изуродованные.

Кстати, мужество, проявленное французскими учеными во время кампании, ничем не уступает, если не превосходит храбрость наполеоновских войск. Свои работы они нередко проводили в самых опасных условиях. Это были одержимые люди. Художника Вивана Денона, например, когда он сопровождал военную экспедицию на юг Египта, буквально насильно по приказу генерала Дезе вытаскивали из-под обстрела неприятеля и спасали от опасности попасть в плен, настолько он бывал увлечен зарисовкой поразивших его величием и красотой египетских храмов. Правда, его увлеченность разделялась и войсками: когда перед французами предстали храмы Карнака и Луксора, войска без всякого приказа выстроились в боевой порядок и под звуки барабанов и труб отдали салют величественным сооружениям.

Генерал Мену, преемник убитого в Каире генерала Клебера, брошенный в Египте на произвол судьбы бежавшим во Францию Бонапартом, был вынужден подписать акт о капитуляции. Английский командующий генерал Хатчинсон предъявил права на собранные французскими учеными коллекции. Однако ученые во главе с зоологом Жоффруа Сент-Илером заявили, что последуют за своими коллекциями, куда бы их ни увезли. Мену с раздражением информировал победителей, что, «как мне только что сообщили, некоторые наши коллекционеры хотят последовать за своими семенами, минералами, птицами, бабочками и рептилиями, куда бы вы ни отправили корзины с ними. Не знаю, хотят ли они сами быть набитыми как чучела, но могу вас заверить, что, если эта идея им нравится, я не буду им мешать».

Но тут ученые стали угрожать сжечь собранные ими экспонаты, разбросать их в пустыне или утопить в море. Сент-Илер заявил англичанам, что если они хотят прославиться, то могут рассчитывать на долгую память истории, которая не забыла сожжение Александрийской библиотеки. Решимость ученых произвела впечатление на Хатчинсона, но все же венец коллекции — Розеттский камень англичане присвоили, и он до сих пор является гордостью Британского музея, а Шампольон сделал свое гениальное открытие по оставшемуся у французов восковому слепку.

Живой интерес к цивилизации древнего Египта, вызванный в Европе трудами французской экспедиции, привел — как ни парадоксально это звучит — к результатам, с одной

стороны, почти катастрофическим для древних памятников страны, а с другой — крайне плодотворным: наши знания об этой древней стране еще более расширились.

За капитуляцией французов последовал период смуты и неразберихи, пока власть не захватил Мухаммед Али (1769—1849). Новый правитель стремился преобразовать страну на европейский лад. Он всячески поощрял приезд в Египет иностранных специалистов и просто иностранных туристов, многие из которых проявили небескорыстный интерес к египетским древностям. Мухаммед Али щедро раздавал лицензии на проведение раскопок, ничуть не интересуясь, кто, как и с какой целью будет их проводить. Лицензии получали европейские коллекционеры, просто любопытствующие путешественники, а чаще всего профессиональные торговцы древностями. Ограничения на вывоз из страны древностей не было.

Повышенный интерес к египетским памятникам начинают проявлять крупнейшие европейские музеи*. Официальные представители европейских стран становятся основными поставщиками древностей для национальных музеев и частных коллекционеров. Вряд ли консул Франции, бывший полковник наполеоновских войск Бернардино Дроветти и консул Англии Генри Солт уделяли столько времени своим основным дипломатическим обязанностям, сколько погоне за обладание древностями. Пользуясь влиянием на Египет своих стран, они могли получить любое количество фирманов — разрешений на раскопки в любом месте Нильской долины. Соперничество между ними достигло такого накала, что им пришлось заключить джентльменское соглашение о разделе долины Нила на «сферы активности».

Примечательна также деятельность в этой области шведско-норвежского генерального консула Джованни Анастаси. Это было время неприкрытого грабежа. Нередко соперничавшие партии прибегали к оружию как наиболее убедительному аргументу в споре за обладание вожаделенными древностями. Несомненно, что самой колоритной фигурой этой первой эпохи археологических открытий был Джованни Бельцони.

Родившийся в итальянском городе Падуя в семье скромного цирюльника, он прожил жизнь, полную приключений. В молодости он вместе с братом обходит города и села

* См.: Керам К. Боги, гробницы, ученые. М., 1963.

Италии, а затем Голландии, занимаясь мелкой торговлей. В 1803 году он появляется в Лондоне. Пользуясь своим гигантским ростом и недюжинной силой, Бельцони выступает в Лондоне на сцене как «Патагонский Самсон». Его номер состоял в том, что сначала он поднимал различные тяжести, а затем железную раму, весившую 127 фунтов, на которой стояло 12 человек. С этим грузом он без видимых усилий передвигался по сцене, держа в руках два флага. В 1813 году Бельцони со своими цирковыми номерами выезжает из Англии в Испанию и Португалию. Затем, уже по пути в Константинополь, на Мальте он встречается с представителем Мухаммеда Али. Эта встреча круто повернула его жизнь. Используя в цирковых трюках некоторые водяные эффекты, Бельцони приобрел познания в гидравлике. Представителю египетского правителя, занимавшемуся вербовкой европейских специалистов для службы в Египте, он высказывает идею создания водочерпательного колеса новой конструкции, которое, мол, перевернет все сельское хозяйство страны.

В июне 1815 года Бельцони вместе с женой и помощником прибывает в Александрию. Его принимает Мухаммед Али и поручает построить изобретенное им приспособление для подъема воды. Через год Бельцони демонстрирует паше свое изобретение, и тот уже был готов поддержать его идею, но советники правителя воспротивились. К тому же в конце демонстрации приспособления с одним из местных рабочих произошел несчастный случай, и это предрешило судьбу изобретения.

Бельцони оказался в тяжелом положении. Но спасает его новая идея. По всей вероятности, от Буркхардта, известного впоследствии немецкого ориенталиста и путешественника, находившегося тогда в Египте, он узнает о виденной последним вблизи Луксора огромной, прекрасно выполненной голове колоссальной статуи. Бельцони предлагает английскому консулу Солту доставить ее в Англию. Тот немедленно получил от паши необходимый фирман. Бельцони прибыл в Луксор и, преодолев многочисленные трудности, доставил голову статуи к берегу Нила. В ожидании судна из Каира, на котором должны были перевезти ее в Александрию, он направился на юг Египта. Достигнув Абу-Симбела, Бельцони начал расчистку храма от завалившего его песка. На острове Филе он приобрел поразивший его своей красотой небольшой обелиск и рельеф с изображением Осириса на троне. Возвратившись в Луксор

и все еще ожидая судна из Каира, Бельцони не терял времени даром. Несмотря на прямые угрозы расправой, он начал раскопки в колоссальном Карнакском храме. Ему сразу же повезло: он нашел тайник с несколькими статуями из черного гранита богини Сахмет, львиноголовой супруги бога Птаха, и другие ценные предметы. С большими трудностями ему удалось доставить статуи и огромную голову «молодого Мемнона», как тогда ее называли, а на самом деле Рамсеса II в Каир и затем в Александрию.

Через некоторое время Бельцони снова в Луксоре. Агенты Дроветти с помощью подкупленных ими местных властей воспрепятствовали его раскопкам на восточном берегу, и он перенес свою активность на западный берег, где находился древний некрополь. Основной его целью стала охота за папирусами. С помощью местных жителей Бельцони проникает в скальные захоронения, тянувшиеся на многие десятки метров и буквально забитые древними саркофагами. Об окружавшей его обстановке свидетельствует следующий случай, описанный впоследствии самим Бельцони. Находясь в одной из гробниц, он искал место, чтобы передохнуть, наконец нашел и умудрился присесть. Оказывается, он присел на тело какого-то египтянина, и оно рухнуло, как пустая коробка. Естественно, чтобы сохранить равновесие, он прибег к помощи рук, но они не нашли надежной опоры, и он утонул в разломанных мумиях под треск костей, тканей и деревянных ящиков, которые подняли такую пыль, что он не мог пошевелиться с четверть часа, пока она не осела. Его целью было украсть у египтян их папирусы, которые он находил спрятанными на груди, в грудных клетках, под рукой, под коленями или на ногах, завернутыми в многочисленные складки тканей.

Затем Бельцони снова отправляется в Абу-Симбел, где ему наконец удастся первому за многие тысячелетия проникнуть в колоссальный пещерный храм Рамсеса II.

По возвращении в Луксор он переносит свое внимание на Долину царей, где, согласно сообщениям античных писателей, находилось по крайней мере восемнадцать царских гробниц. Ученые, сопровождавшие наполеоновские войска, зафиксировали одиннадцать. Еще одна была найдена за год до этого. Ранее, при мимолетном посещении долины, Бельцони случайно удалось открыть скромное захоронение фараона Эйе. И на этот раз ему повезло. Уже вскоре

после начала работ был обнаружен вход в гробницу Рамсеса II, вскрыв который Бельцони увидел уходящую вглубь, вырубленную в скале лестницу. В конце ее стояло восемь раскрашенных саркофагов с мумиями. В погребальной камере все еще находился великолепный саркофаг из красного гранита, правда пустой.

Интересно, что это открытие было сделано вблизи гробницы Тутанхамона, которую, к счастью для науки, Бельцони не нашел. Еще через какое-то время была обнаружена великолепная гробница Сети I с уникальным алебастровым саркофагом. Но самым ценным в гробнице оказались великолепные рельефы, украшавшие ее стены и сохранившие всю свежесть красок. Бельцони понял, что это и есть его крупнейшее открытие, и принялся снимать копии с рельефов. Его триумф в Долине царей превзошел все ожидания: в течение всего двенадцати дней он нашел четыре новые гробницы!

Возвратившись в Каир, Бельцони и здесь нашел себе занятие. Наняв восемьдесят рабочих, он приступил к поискам неизвестного доселе входа в пирамиду Хафра (Хефрена). Чутье снова не подвело его, и вход вскоре был найден. Правда, оказалось, что до него здесь уже побывали: на стене погребального покоя красовалась арабская надпись.

Бельцони предпринял третье путешествие в Луксор, где завершил снятие копий с рельефов гробницы Сети I. Между делом он совершил труднейшее по тем временам путешествие: от Нила до Красного моря и наткнулся на руины крупного египетского порта, основанного Птолемеем II и названного им в честь своей супруги и сестры Береникой.

Кем же был Бельцони? Авантюристом, грабителем или археологом? По всей видимости, и тем, и другим, и третьим. В его оправдание можно сказать, что в те времена археологии как науки исследования прошлого еще не существовало. Раскопки производились только с целью найти эффектные вещи, которые могли бы вызвать восхищение или просто любопытство. Тем не менее и в этот ранний период египтологии уже зарождался чисто научный интерес к памятникам древности. Это отразилось и на деятельности Бельцони, о чем говорит проявленный им интерес к открытиям новых памятников древности, без особых расчетов на «выгодные» находки, а также его стремление зарисовать, зафиксировать открытые им рельефы и иероглифические, пока нечитаемые надписи. К его чести,

нужно еще сказать, он умел ладить с местным населением, что во многом объясняет его успехи, вызвавшие ярость у конкурента — французского консула с его бандой вооруженных агентов. Заступничество жителей Луксора спасло Бельцони от физической расправы, которую собирались произвести над ним агенты Дроветти.

Однако с уходом со сцены Бельцони, Солта и Дроветти грабеж египетских древностей вовсе не прекратился. Напротив, этот грабеж продолжался в еще больших масштабах. В первые десятилетия после Бельцони в Египет хлынули тысячи дельцов, коллекционеров и просто любителей экзотики. Никто не возвращался в Европу с пустыми руками. Конечно, качество и размеры награбленного зависели от того, какие средства затрачивались на приобретение древностей. Именно в это время закладываются основы крупнейших коллекций египетских древностей в европейских музеях и в частных руках. Разбазариванию национальных богатств содействовали правители страны — Мухаммед Али и его преемники. Иностранцы по происхождению, они проявляли полное равнодушие к историческому прошлому страны.

В середине прошлого века известный французский писатель и философ Эрнест Ренан писал: «Поставщики музеев проходят по стране как вандалы; чтобы заполучить фрагмент головы, часть надписи, бесценные древности разбиваются на части. Почти всегда снабженные консульским документом, эти алчные разрушители обращаются с Египтом как со своей собственностью. Злейшими врагами египетских древностей, однако, остаются до сих пор английские или американские путешественники. Имена этих идиотов войдут в века, поскольку они постарались написать их на знаменитых монументах поперек самых изящных рисунков».

Пожалуй, одним из наиболее крупных актов вандализма было похищение французом Лелорреном знаменитого рельефа с изображением знаков зодиака из древнего храма, посвященного богине Хатхор в Дендере. Тайно пробравшись в Дендери, Лелоррен с помощью пороха (!) пробивает отверстия по краям рельефа, находившегося на потолке, и затем выпиливает его. Английский консул Солт употребил все свои силы, чтобы воспрепятствовать вывозу из Египта этого уникального памятника. Но тщетно. Рельеф был доставлен во Францию и продан французскому королю за 150 тысяч франков. Впрочем, Солт,

препятствуя вывозу этого рельефа, вовсе не собирался защищать права Египта. Просто он хотел сам заработать на этой находке.

Четвертая часть великолепного храма в *Дендере была использована в 1836 году для строительства по соседству селитрового завода. Ступени древнего Ниломера были сняты для строительства одного из дворцов. В Карнакском храме «любители древностей» прибегали к пороку, чтобы выломать кусок фриза или рельефа. Один из современников этих событий с иронией заметил: «Колонны, возведенные римским императором Адрианом в религиозных целях, поддерживают теперь спиртоводочный завод». Некий «англо-египетский джентльмен» выломал рельефы в гробнице Аменхотепа III для того только, чтобы перенести их на борт яхты, где ему было удобнее их срисовывать. По окончании работы они были выброшены за борт.

Даже серьезные ученые и музейные работники того времени были захвачены безудержной погоней за древностями. Находя сомнительное оправдание в том, что и так древние памятники бессовестно разворовываются и уничтожаются даже местными властями, они повели охоту за крупными статуями, ценными папирусами, вообще за произведениями искусства, нисколько не заботясь о попадавших заодно «второстепенных» археологических материалах. Все это безмерно снизило ценность для науки накопленных в этот период в ряде европейских музеев древнеегипетских коллекций.

В 1828—1829 годах в Египет совершает поездку знаменитый ученый, расшифровавший иероглифы, Жан Франсуа Шампольон. Он не ведет раскопок в поисках новых древностей, а посещает уже известные исторические памятники. Зато он впервые читает на них иероглифические надписи, определяет, кто из фараонов их построил, — словом, привязывает их к истории, вновь открывает ее, расширяя наши исторические знания на несколько тысячелетий. Его потрясает беззастенчивое разворовывание египетских древностей. Шампольон направляет Мухаммеду Али письмо, в котором призывает его прекратить разбазаривание национального богатства. Он обращает внимание паши на то, что достопримечательности Египта, если они будут сохранены, привлекут тысячи европейцев, а это принесет постоянный и значительный доход казне. Этот аргумент подействовал на правителя. 15 августа 1835 года он издает указ, запрещающий вывоз древностей, о создании

в Каире музея, принадлежащего правительству, о прекращении использования камня древних построек и принятии мер по охране и консервации памятников. Впервые был назначен директор Службы древностей. Однако указ в основном остался на бумаге. Экспонаты созданного музея были раздарены Мухаммедом Али и его преемниками иностранным визитерам. Все же этот указ ознаменовал новый, более цивилизованный подход к национальным сокровищам страны. Во всяком случае, вывоз крупных памятников теперь был значительно затруднен. К сожалению, Шампольон не увидел результатов своих усилий: он скончался в Париже 4 марта 1832 года в возрасте 42 лет.

Отношение к египетским древностям стало, однако, меняться с появлением нового поколения ученых, продолживших традиции, заложенные Шампольоном. Один из них — французский ученый Огюст Мариет. В 1850 году он прибывает в Египет, где начинает раскопки в Саккара. Ему помогла огромная эрудиция: натолкнувшись в пустыне на полузанесенную песком голову сфинкса, он вспомнил, что древний историк Страбон, говоря о Серапеуме, вблизи Мемфиса, упомянул о том, что Аллея сфинксов, ведущая к захоронению священных быков — Аписов, постоянно засыпалась движущимися песками.

Действительно, во время раскопок откапывали одного сфинкса за другим. Затем были раскопаны два храма, посвященных Апису, — один египетский, другой греческий. Было найдено большое количество статуй из бронзы и камня, в том числе превосходная статуя Аписа. В ноябре 1851 года Мариет вступил в подземное кладбище священных быков, покоившихся в огромных гранитных саркофагах. Но только один из них избежал разграбления. Захоронение оказалось весьма богатым, однако на самого археолога наибольшее впечатление произвели отпечатки на песке босых ног рабочих, последними покинувших склеп. Интересно, что в середине прошлого века пришлось прибегнуть к помощи пороха, чтобы открыть тяжелую крышку саркофага. У остальных саркофагов все крышки были аккуратно сдвинуты грабителями еще в древности.

Мариет быстро приобретает мировую известность, и тогдашний правитель Египта Саид-паша назначает его первым директором Службы древностей и куратором музея, который намечалось создать в Каире. Теперь Мариет получил возможность вести раскопки в любом месте страны

и, как высокий правительственный чиновник, мог просто сгонять на работу жителей близлежащих деревень. Мариет постарался полностью использовать открывшиеся перед ним возможности. Одно время раскопки проводились сразу в тридцати семи местах, разбросанных от Дельты до первого порога Нила. Только в Гизе и Саккара им было вскрыто более трехсот захоронений, кроме того, расчищены храмы в Эдфу, Дейр-эль-Бахри, Карнаке. Мариет препятствовал любым раскопкам, кроме официальных под своим руководством, не давал использовать древние руины в качестве строительного материала, мешал вывозу древностей за границу.

Несомненно, что Мариет искренне стремился сохранить древние памятники для последующих поколений, но он был сыном своего времени, и проводившиеся им раскопки велись с точки зрения современной археологии грубо и неграмотно. Да и мог ли он по-настоящему контролировать их, если в его распоряжении находилось более 2780 рабочих? К лихорадочным поискам эффектных находок его толкали и обстоятельства: ему надо было произвести впечатление на правителя Египта, чтобы добиться от него новых ассигнований на раскопки, а также строительство и содержание музея.

Следующий правитель Египта, хедив Исмаил, видимо, ценил Мариета и нередко давал ему поручения, далекие от его специальности. Так, он выполнял дипломатические функции при дворе императора Франции Наполеона III и даже участвовал в создании либретто оперы Верди «Аида», заказанной, как известно, египетским правителем по случаю открытия Суэцкого канала. Мариет скончался в Каире в 1881 году и был похоронен рядом с созданным им музеем в подлинном древнеегипетском саркофаге.

Его место в Египте занял другой французский ученый, также завоевавший всемирную славу, Гастон Масперо. При нем были предприняты попытки установить более действенный контроль над памятниками древности и прекратить нелегальную торговлю ими. Но результатов это почти не дало. Не только частные торговцы древностями, но и представители европейских музеев продолжали свою деятельность, правда с этих пор нелегальную.

Собственно, и археологические раскопки, даже те, что проводились Мариетом, а затем Масперо, являлись, как уже отмечалось, «узаконенным» грабежом вплоть до того времени, когда в ноябре 1880 года в Египет прибыл англий-

ский археолог сэр Флиндерс Питри. При нем впервые стали уделять внимание тщательной регистрации всех находок, включая самые мелкие, отмечать место и соответствующий слой, в котором они были найдены. В Фаюме Питри раскопал поселение строителей пирамиды. Найденные им орудия труда, предметы домашней обстановки не представляли никакого интереса для коллекционеров или археологов предыдущего поколения, но они позволили восстановить картину жизни тружеников во времена XII династии. Огромным достижением египтологии стало открытие Питри памятников культуры додинастического Египта. Опубликованный им в 1904 году труд «Методы и цели археологии» возвестил о зарождении подлинно научной археологии.

Однако нужно признать, что варварский грабеж памятников древнего Египта в XIX веке имел и другой, диаметрально противоположный эффект. Собранные в европейских коллекциях, шедевры древнего искусства вызвали небывалый интерес как широкой публики, так и научных кругов. Именно эти коллекции содействовали тому, что многие будущие светила египтологии еще в детстве «заболели» древнейшей цивилизацией, возникшей на берегах Нила, а ведь без такого «заболевания», горения вряд ли они достигли бы высот в избранной ими нелегкой и в то же время романтической профессии. Более того, эти бесценные коллекции побудили общественное мнение решительно выступить против дальнейших актов вандализма, против разграбления исторических и культурных ценностей.

В XX веке египтяне взяли в свои руки как охрану, так и изучение памятников древности. При Каирском университете было открыто отделение египтологии. Мы можем гордиться тем, что инициатором организации этого отделения был наш соотечественник, известный египтолог В.С. Голенищев, чья богатейшая коллекция составила основу древнеегипетского отдела Музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина в Москве.

В настоящее время руководство археологическими работами, а также музеями сосредоточено в руках египетских специалистов. Среди них немало крупных ученых, плодотворно работающих в области археологии и египтологии, изучающих язык, литературу, искусство и религию своих древних предков. Первым, своего рода патриархом египтян-египтологов является Ахмед Камаль-паша, начавший свою карьеру еще в прошлом веке. Мировую известность

приобрели Селим Хасан, Мухаммед Гонейм, Лабиб Хабаши, Абдель Монеим Абу Бакр, Ахмед Фахри и ряд других. Были приняты меры по охране основных исторических памятников, по прекращению нелегального вывоза древностей за границу. Иностранные археологические экспедиции работают под строгим надзором*.

Но, к сожалению, полностью прекратить подпольную торговлю древностями египетским властям не под силу. В стране, пожалуй, трудно найти место, где бы не было исторических памятников той или иной ценности. Чтобы организовать их действенную охрану, необходимы огромные средства, которыми страна, имеющая массу самых насущных проблем, просто не располагает. К тому же этой подпольной деятельностью в наше время занимаются не отдельные «любители» или группы лиц, как было в прошлом веке, а широко разветвленная сеть, своего рода международная мафия, специализирующаяся на торговле древностями. Конечно, стимулом этой торговли служат неимоверно взвинченные за последние десятилетия цены на любые «антики».

Правление президента Анвара Садата, отказавшегося от революционных завоеваний и не считавшегося с подлинными национальными интересами страны, самым печальным образом сказалось и на сохранности сокровищ древнеегипетской цивилизации, и дело тут даже не только в том, что сам президент и его супруга направо и налево раздарили своим заокеанским друзьям уникальные древние произведения искусства и ювелирные изделия, находившиеся в музейных хранилищах.

Президент Анвар Садат был одержим «любовью к перемене мест». Полдня он нередко проводил в одной из своих резиденций, полдня — в другой. Таких резиденций в разных частях страны у него были десятки. Облюбовал он для себя и небольшой особняк вблизи пирамид Гизы, принадлежавший египетской Службе древностей. Но, разумеется, этот особняк был слишком скромным для Садата. Потребовался «ремонт», обошедшийся в 224 тысячи египетских фунтов. Самое же странное в этой истории то, что счет за «ремонт» был направлен для оплаты Службе

* Например, в каждой из них постоянно работает представитель Службы древностей. В 1983 году был принят закон, еще более ужесточивший условия работы иностранных экспедиций в стране. Лицензию на право раскопок может получить только хорошо известный в Службе древностей специалист. *Примеч. ред.*

древностей, которая не могла этого сделать при всем желании — ее ежегодный бюджет составлял 60 тысяч египетских фунтов. После убийства Садата эта резиденция была снесена наряду с другими современными постройками в районе пирамид.

ГРАБЕЖУ — ОТКРЫТЫЕ ДВЕРИ

Введенная президентом Садатом так называемая политика «инфитаха» — открытых дверей — означала предоставление иностранному капиталу целого ряда прав и привилегий, благодаря которым появилась возможность беспрепятственного его проникновения в страну и столь же беспрепятственного вывоза прибылей. Даже египетская национальная буржуазия такими правами не обладала. Но вопреки президентским расчетам иностранные банки и фирмы воздерживались от участия в осуществлении жизненно важных для страны промышленных и сельскохозяйственных проектов. Иностранцы предпочитали не рисковать. Куда надежнее вкладывать деньги в туристические объекты, строительство жилых домов, торговые операции.

«Инфитах» означал также и ничем не ограниченный ввоз иностранных товаров. Объявились всякого рода посредники, спекулянты и махинаторы. Сначала процветали «тугар аш-шанта» — «чемоданные торговцы», прозванные так потому, что ездили в Европу и возвращались с полными чемоданами заграничного барахла, которое втридорога продавали в Египте. Но мелкие спекулянты быстро превратились в крупных дельцов, ворочавших миллионами. Эти нувориши вместе с зажиточными крестьянами не только стали опорой режима Садата, но и приобрели влияние на общественную жизнь. В угоду их вкусам появились низкопробные кинофильмы, театральные постановки и т.д. Эта атмосфера вседозволенности, пренебрежения национальными ценностями, пресмыкания перед заокеанской культурой и образом жизни оказалась чрезвычайно благоприятной для международной мафии, спекулирующей древностями, и для дельцов, зарабатывавших на бессовестной эксплуатации великих памятников прошлого.

Весной 1976 года в египетской печати стали появляться сообщения о новом грандиозном туристическом проекте в районе Великих пирамид в Гизе. Проект предусматривал строительство туристического комплекса на площади 10 ты-

сяч федданов: пять крупных отелей на 1800 номеров, туристские пансионаты на 5100 мест и 5800 вилл. Здесь же намечалось создать общественные парки, искусственные озера, площадки для игры в гольф, здания для проведения международных конференций и торговые центры. Осуществлением этого проекта должна была заниматься компания со смешанным, преимущественно иностранным капиталом. Стоимость проекта определялась в 460 миллионов долларов. Ожидалось, что комплекс ежегодно будет принимать 40 тысяч гостей и приносить 50 миллионов долларов прибыли.

Однако этот «сверхприбыльный» проект вызвал бурю возмущения. Даже в Народном собрании, обычно послушном правительству, раздались голоса, требующие отказа от его осуществления. Ведь проект, суливший рай для иностранных толстосумов и заокеанской золотой молодежи, превращал местность вокруг пирамид в подобие огромного балагана или оживленной международной ярмарки. Окружающая пирамиды атмосфера величия, вечного покоя, которая как бы заставляла время сгуститься, остановить свой безжалостный и неукротимый бег, была бы навеки потеряна. Поползли слухи о том, что заинтересованные иностранные компании дали крупные взятки некоторым лицам из высших правящих кругов. Разоблачения, сделанные после смерти Садата, подтвердили эти слухи: ряд президентских родственников оказались замешаны в крупномасштабной коррупции.

Общественность требовала отмены проекта и проведения расследования. Пришлось от проекта отказаться. Вероятно, не случайно одной из первых акций нового президента Мубарака, направленных на восстановление доверия населения страны к «властям предрержащим», было решение снести все современные постройки, воздвигнутые вокруг пирамид. Жертвой этого решения стала и резиденция Садата, где он любил позировать перед своими «друзьями» из-за океана на фоне великих сооружений древности в качестве некоего нового фараона. Это был яркий пример попытки спекуляции прошлым в неблагоприятных политических целях. Напомним, что шах Ирана для поднятия собственного престижа устроил посреди величественных руин Персеполя грандиозные торжества по случаю пресловутого «двухтысячелетия персидской монархии». Результаты хорошо известны.

МАФИЯ В ДЕЙСТВИИ

Сообщения о том, что полиция задержала того или иного крупного торговца древностями, появляются в египетских газетах чуть ли не каждую неделю. А какими сокровищами они ворочают, можно судить, например, по сообщению газеты «Аль-Ахрам» от 14 сентября 1978 года. В нем говорится, что специальный отдел полиции, созданный для борьбы с расхищением древностей, обнаружил в квартире чиновника в каирском районе Ас-Сайида Зейнаб три комнаты, забитые древностями. Среди них несколько известняковых плит с изображениями богов и богинь и с иероглифическими надписями, рельеф греческого периода с изображением двух женщин с распущенными волосами, несколько керамических статуэток греческих богов, Исиды и сфинксов, каменные сосуды, целая коллекция скарабеев. Кроме того, здесь же находились большой деревянный саркофаг с цветными рисунками и надписями, деревянные и мраморные статуи, в том числе трех римских императоров, большое количество золотых и серебряных монет. Представитель Службы древностей оценил стоимость конфискованных древностей примерно в 200 тысяч египетских фунтов.

В это же время газеты сообщили о том, что на каирском аэродроме был задержан голландский студент, пытавшийся вывезти из страны позолоченную деревянную крышку саркофага. Представитель Службы древностей определил ее подлинность и заявил, что такая крышка довольно редка.

Часто грабежу подвергались уже открытые гробницы. Так, в сентябре 1964 года известный английский археолог Уолтер Эмери и египетский археолог Али эль-Холи нашли в северной части Саккара гробницу Хотепка, парикмахера фараона V династии Ниусерра (примерно 2550 год до нашей эры). Гробницу отреставрировали, укрепили украшавшие ее стены-рельефы — прекрасные образцы искусства Древнего царства. В 1971 году из этой гробницы были похищены два рельефа. Полиция с помощью собак-ищеек смогла найти один из них, зарытый в песке неподалеку от гробницы, другой же найти не удалось. И только в 1978 году он появился на рынке древностей в Париже и был приобретен музеем Сан-Франциско за 400 тысяч французских франков. Когда же Службе древностей Египта удалось доказать, что этот рельеф похищен из Саккара, музею пришлось безвозмездно возвратить его Египту.

Однако раскрашенный яркими красками рельеф с изображением процессии жрецов с приношениями умершему вернулся распиленным на четыре части: видимо, неизвестным похитителям так было сподручнее вывезти из страны этот шедевр.

Из всемирно известного храма Хатхор в Дендере были похищены, а затем вывезены за границу 14 рельефов. Общественное мнение справедливо задавалось вопросом, как же их пропустила таможня, тем более что один из рельефов достигал трехметровой длины.

Примеры подобного рода можно приводить до бесконечности. Но вот что интересно: задерживаются отдельные лица, у которых конфискуются ценнейшие предметы древнего искусства, но остается неизвестным устройство, система этой мафии грабителей. Вернее, кто есть кто в этой системе, которая, правда в самых общих чертах, представляется вполне отчетливо. Руководящие органы находятся в Западной Европе и Соединенных Штатах. Это своего рода концерны или транснациональные компании, жестоко конкурирующие друг с другом. Они действуют во многих странах мира и ворочают миллиардами долларов. В самом Египте имеются агенты различных рангов. Часть из них — крупные местные чиновники обеспечивают контрабандный вывоз древностей из страны, другая часть — это те представители мафии, которые занимаются организацией похищений древностей или незаконных раскопок. Им подчинены многочисленные рядовые грабители древностей. Обычно эти боссы контролируют определенный район страны, и боже упаси, если кто-либо начнет промышлять на его территории. Дело нередко доходит до убийства.

Высшие и средние ступени грабительских организаций, за исключением людей, обеспечивающих такой технический вопрос, как доставка древностей по назначению и в обход таможни, занимают специалисты, прекрасно разбирающиеся в истории, искусстве и археологии. Даже на самом низшем уровне работают исключительно одаренные люди, обычно из местных феллахов. Поскольку ограбление древних могил в Египте ведется уже несколько тысячелетий, оно достигло высокого профессионализма. Различного рода приемы и уловки передаются из поколения в поколение. Современные археологи нередко бывают удивлены, насколько просто, быстро, с предельной экономией труда грабители пробираются к древним сокровищам. Они способны обнаружить древние захоронения по малейшим неровностям почвы, по ее

плотности, а чаще всего по едва заметным отличиям в окраске поверхности земли или песка. Все работавшие в Египте археологи отмечали, что успехами они в значительной степени обязаны своим полевым помощникам из местных феллахов, которые практически руководили рабочими на раскопках. Их удивительная интуиция нередко вызывала искреннее восхищение профессионалов-археологов.

Порой случается, что грабители невольно помогают ученым сделать важные открытия. В сентябре 1982 года появились сообщения о важном археологическом открытии в провинции Аль-Минья. Вскоре стали известны подробности. Местные власти в городе Аль-Бахнаса (древний Оксирих) узнали, что к одному из жителей города наведываются торговцы древностями из Каира и Аль-Миньи, и выведали, что он продает древний саркофаг и просит за него 40 тысяч египетских фунтов, но пока сделка не состоялась. По указанию директора Службы древностей д-ра Ахмеда Кадри за ним была установлена тщательная слежка. Этот рядовой грабитель работал на «важную личность» из города Бани Мазер, которая обладала большим влиянием в городе и окрестностях и держала в своих руках тайных искателей древностей. Эта «важная личность» не раз пыталась подкупить, а если не удавалось, то запугать гафиров—стражников в местах археологических раскопок.

Через некоторое время кладоискатель из Аль-Бахнасы был задержан в пустыне, неподалеку от гробницы, где и находился продаваемый им саркофаг. Прибывшие на место египетские археологи установили, что грабителями открыто ранее неизвестное древнее кладбище. В результате начатых раскопок на глубине семи метров было обнаружено богатейшее захоронение, состоявшее из двух подземных залов и нескольких комнат со стенами, покрытыми цветными росписями, рельефами и иероглифическими надписями. Во всех помещениях находились каменные и деревянные саркофаги с мумиями. Саркофаг вельможи Уахиба, что означает «добросердечный», владельца гробницы, был сделан из розового гранита и достигал двух с половиной метров длины. На нем сохранились выполненные в технике горельефа рисунки и надписи. Археологи определили, что захоронение относится к Саисскому периоду. Впервые подобная гробница была найдена в районе Среднего Египта. О судьбе местных «любителей древностей» ничего не сообщалось.

Но порой грабеж приобретает стихийный характер и прямо-таки невероятные размеры. Несколько лет назад в районе небольшого селения Абусир эль-Мелек, находящегося в 50 километрах от города Бени Сувейф, центра одноименной провинции, оказались разграбленными около пяти тысяч захоронений! Окрестности селения изобиловали древними кладбищами различных эпох. И это не случайно: Абусир — искаженное древнеегипетское «дом», или «пристанище Осириса». Согласно древней легенде, Сетх, злой брат Осириса, убил его, разрезал на 14 частей и разбросал их по всему Египту. В тех местах, где любящая сестра и жена Осириса Исида нашла части его тела, находятся центры его почитания. Один из таких центров расположен вблизи современного Абусир эль-Мелек. Естественно, что благочестивые люди хоронили своих близких рядом с этим святым местом, ведь Осирис, владыка подземного царства, председательствует на загробном суде.

О существовании этого археологически интересного района было известно еще с 1898 года, после первых раскопок. Затем раскопки прекратили, и Служба древностей ограничилась назначением сюда нескольких гафиров. Шейх гафиров пользовался доверием Службы, поскольку принадлежал к богатой и известной в районе семье. Как потом обнаружилось, этот шейх потихоньку вел свои собственные раскопки, благо где ни копни — от одного метра до более двух десятков — лежали захоронения различных эпох.

Однако этот шейх все же знал меру. После того как он ушел на пенсию, стражники сами начали вести «раскопки», притом на виду у жителей селения. Последние тут же поспешили примкнуть к ним. Наиболее предприимчивые даже перенесли свои жилища на территорию древних захоронений: там можно было заниматься грабежом вдали от нескромных глаз. Деревенские плотники стали делать двери и рамы для окон из деревянных саркофагов.

Быстро появились торговцы древностями; они платили сотни египетских фунтов, зная, что их ожидает десятикратная прибыль. Местные жители перестали работать на полях и заботиться о них. Награбленные древности вывозились на грузовиках. Люди богатели день ото дня, и их образ жизни совершенно изменился. Среди них появились свои торговцы древностями, посредники и «добытчики». Все приоделись и даже пристрастились к импортным сига-

ретам и пиву, о котором знали лишь понаслышке. Власти стали принимать меры только после того, как в стычке между не поделившими добычу грабителями один из них был убит.

И это не единичный случай. Египетская пресса обращала внимание и на необычайное богатство жителей деревни Мазура в той же провинции Бени Сувейф, рядом с которой раскинулось огромное древнее кладбище.

В провинции Фаюм более 400 вооруженных грабителей напали на древние захоронения. Немногочисленная стража не смогла остановить их и вызвала войска. Грабители отстреливались около двух суток. Во время этого налета было разграблено более девяноста могил.

Но что же происходит с теми грабителями, которые задерживались властями на месте преступления? С ними поступали по закону. До суда их выпускали на свободу под залог в 10 фунтов. Суд штрафовал их еще на 20 фунтов, после чего они возвращались к своей прибыльной профессии. Недавно наконец-то после многих лет проволочек был принят новый закон об охране древностей, значительно ужесточивший наказание за разграбление и спекуляцию древностями.

Многие утешают себя тем, что в земле Египта таится еще несчетное множество древностей, а некоторые журналисты вполне серьезно утверждают, что Египет плавает на море золота. До какой-то степени это верно. Возьмем, к примеру, Александрию.

ИМЯ ТРИЖДЫ ВЕЛИКОЕ — АЛЕКСАНДРИЯ

Когда Александр Македонский в 332 году захватил Египет, изгнав персидских завоевателей, он оставил в качестве столицы древний Мемфис, но сразу приступил к строительству нового города — Александрии на берегу Средиземного моря, на месте небольшой рыбацкой деревушки Ракотис. Во время своих дальних походов македонский полководец основал десятки городов, назвав их своим именем. Однако большинство из них просуществовало сравнительно недолго, и их местоположение до сих пор вызывает споры исследователей. Наиболее счастливый жребий выпал Александрии в Египте. Она имела две естественные гавани, а каналы еще несли к ней нильскую воду. Напротив нее находился небольшой остров, где пер-

выми царями из династии Птолемеев был сооружен гигантский маяк Фарос, известный как одно из семи чудес мира. За городом лежало обширное, богатое рыбой озеро Мареотис.

С удивительной быстротой Александрия становится крупнейшим греческим городом. Во времена Римской империи она остается вторым после Рима по количеству населения, экономическому и культурному влиянию городом. Александрия прекрасно спланирована: ее основная магистраль — Канопская, к которой подходили перпендикулярно столь же прямые боковые улицы, — шла параллельно морю и имела беспрецедентную по тем временам ширину. В целом планировка города сохранилась до наших дней. Центральная магистраль сейчас носит название «авеню Гамалья Абдель Насера».

После смерти Александра правителем Египта стал один из его сподвижников, Птолемей Лаг, основавший династию, которая закончилась с самоубийством Клеопатры VII в 30 году до нашей эры.

Александрия уже при Птолемее II Филадельфе превратилась в крупнейший центр культуры эллинистического мира. Здесь еще при Птолемее I Сотере были основаны Мусейон (Музей) и знаменитая Библиотека. Мусейон не являлся музеем в современном понимании этого слова. Это был дом Муз, покровительниц искусства, а по своим функциям он скорее напоминал научно-исследовательский центр. Птолемеи, сами, как правило, высокообразованные, привлекали в него виднейших ученых, а также поэтов и писателей. Один наш современник, знаток античного мира, заметил, что интеллектуалы эпохи эллинизма кроме достижения с помощью философии состояния полного спокойствия (*атараксии*) имели еще одну возможность избежать превратности судьбы — собрать свои вещи и отправиться в уединенную «башню из слоновой кости», которую предоставляли им Птолемеи в александрийском Музее. Для этого нужно было, правда, иметь высшую квалификацию и немалый авторитет в своей области деятельности.

Рядом с Мусейоном находилась Библиотека, где было собрано огромное количество рукописей, вероятно около полумиллиона. Правители Египта уделяли Библиотеке столь большое внимание, что Птолемей V Епифан запретил вывоз из Египта папируса в расчете нанести урон Эвмену II, правителю Пергама, своему сопернику по книгособираТЕЛЬ-

ству. Однако этот шаг привел лишь к тому, что в Пергаме изобрели новый писчий материал; он делался из овечьей кожи и получил название по месту изобретения — «пергамент». Правда, пергамент стоил намного дороже, чем папирус, но зато на нем можно было писать на обеих сторонах.

Директорами Библиотеки Птолемеи обычно назначали выдающихся литераторов. Эллинизм не создал таких гигантов драматургии и поэзии, как предыдущая эпоха. Ведь творчество классиков питала более или менее демократическая среда независимых городов-государств — полисов. В эпоху эллинистических монархий уже не осталось места для выражения общегражданственных интересов и чувств. Наверное, не случайно от 130 известных нам эллинистических драматургов до нас дошло всего 400 строк. Зато значительно возросло число читающих.

Наиболее выдающиеся литераторы, и прежде всего поэты, не стремились к широкой популярности, которая к тому же вряд ли была достижима в тогдашних условиях: вопросы политики, социальной жизни и даже религии теперь решались не свободными гражданами, а правящей элитой монархии. Искусству оставалось уйти в себя. Отсюда повышенный интерес эллинистической литературы к форме, к тончайшей, филигранной работе над словом. Очевидно, наиболее характерным представителем эллинистической школы поэзии был Каллимах (ок. 310—ок. 240 до нашей эры). Уроженец Кирены, он был приглашен Птолемеем II Филадельфом в Александрию, где занял пост заместителя директора Библиотеки, тоже знаменитого поэта Аполлонии. В одном из своих произведений Каллимах приписывает богу Аполлону данный ему совет: «Идти по дороге, где не ездят повозки, не ходить по следам других, избрать не широкий путь, а собственную дорогу, пусть она будет узкой».

Каллимах был мастером изящного короткого стиха, подчас не лишённого юмора. «Не обращайтесь ко мне за громом: идите к Зевсу — это его специальность». Александрийская поэзия осталась для последующих поколений образцом утонченного, несколько наивно-пасторального искусства, хотя, по правде говоря, до нас дошли по большей части довольно незначительные фрагменты, по которым трудно судить о ее подлинном характере. И тем не менее она оказала заметное влияние на развитие европейской поэзии, в том числе русской.

В 1914 году в Петербурге вышел лишь небольшой сбор-

ник стихов Михаила Кузмина «Александрийские песни». Имя поэта осталось мало кому известным, а это очень печально, потому что творчество Кузмина — оригинальнейшее явление русской поэзии. Его стих легок, изящен и вместе с тем прост. Темы стихотворений М. Кузмина всегда интимны, камерны, и в них не найдешь отзвука современных ему великих событий. Но это был поэт, чья поэзия вроде бы трудно сравнима с современными ему поэтами и вместе с тем чем-то неуловимо напоминает творчество таких современных ему художников-живописцев, как Нестеров, Коровин, Бенуа, Сомов, Борисов-Мусатов, Бакст. «Александрийские песни», конечно, не прямое подражание александрийской поэзии, но в них возвращается ее дух, во всяком случае как мы можем его сейчас представить:

Когда мне говорят: «Александрия»,
я вижу белые стены дома,
небольшой сад с грядкой левкоев,
бледное солнце осеннего вечера
и слышу звуки далеких флейт.

Когда мне говорят: «Александрия»,
я вижу звезды над стихающим городом,
пьяных матросов в темных кварталах,
танцовщицы пляшущую «осу»
и слышу звук тамбурина и крики ссоры.

Когда мне говорят: «Александрия»,
я вижу бледно-багровый закат над зеленым морем,
мохнатые мигающие звезды
и светлые серые глаза под густыми бровями,
которые я вижу и тогда,
когда не говорят мне: «Александрия»!

Каллимах писал: «...мы поем среди тех, кто любит тонкое попискивание цикад, а не шум, производимый ослами». М. Кузмин: «Мир мелочей, прекрасный и воздушный». Это, конечно, далеко не единственный пример того, что древнее искусство продолжает служить источником вдохновения для далеких потомков.

Александрийская поэзия, искусство? Но имеет ли эта греческая поэзия, греческое искусство какое-либо отношение к литературе и искусству исконного населения страны?

Греческая культура процветала лишь в тех немногих местах Египта, где находились крупные города греко-македонян. Это — Александрия, Навкратис, еще более древняя греческая колония в Дельте Нила, Птолемиада и поселения в Фаюме, которые были основаны и управ-

лялись по образцу греческих полисов, причем местное население — египтяне гражданскими правами не обладали, хотя и составляли большинство населения. Впоследствии римский император Адриан основал подобный город Антинополь в Верхнем Египте на том месте, где утонул его любимец красавец Антиной.

В новую политическую систему, хотя она во многом копировала фараоновскую систему управления страной, египтяне не были включены. Положение лишь несколько изменилось после битвы при Рафии в 217 году, когда для отражения войск Селевкидов Птолемей IV впервые использовал египетских воинов, которые и предрешили победоносный исход сражения. Но и после этого лишь очень ограниченный круг коренных жителей приобщился к греческой цивилизации. Большинство же населения, включая и местную знать, в основном жречество, продолжали жить по своим тысячелетним традициям. Естественно, что между двумя культурами происходило определенное взаимодействие, но оно касалось в основном отдельных технических приемов и элементов. Греко-македоняне переняли у египтян множество религиозных ритуалов, но тем не менее никак нельзя не видеть огромной разницы между произведениями самих египтян и чужеземных пришельцев.

Возьмем, например, «фаюмский портрет»*. Находят его на мумиях I—IV веков нашей эры, главным образом в районе Фаюма, где, как уже упоминалось, располагались многочисленные греко-македонские поселения. Их жители восприняли многие местные обычаи, и главным объектом их религиозного поклонения стал крокодил — Сухое. Они заимствовали у коренного населения и погребальные обычаи, включая мумифицирование. Дошедшие до нас «фаюмские портреты» — древнейшие образцы портретной живописи — заменяли традиционную древнеегипетскую маску мумии. Сам обычай совпадает с местными традициями, однако художественная форма и стиль исполнения имеют мало общего с этими традициями. Портреты выполнены в традиции эллинистического искусства, с его вниманием к индивидуальным чертам человека и стремлением дать его психологическую характеристику.

Можно сказать, что эллинизм на Востоке прослеживается только в греко-македонских колониях в различных странах и среди небольшого круга приобщенной к власти

* Древнеегипетские заупокойные живописные портреты. Писались на доске в технике энкастики и восковой темперы.

местной знати. Целью эллинистического искусства было передать динамизм жизненных проявлений в их причудливой смене, поймать и зафиксировать естественные и мимолетные движения тела. В худших его образцах это приводило к натурализму, а лучшие произведения, полные гармонии и красоты, становились бессмертными. На Востоке искусство не преследовало таких целей, но тоже достигло совершенства, правда совсем другим путем. Ведь здесь считали мимолетные движения преходящими, случайными и не стоящими внимания художника; он должен интересоваться непреходящим, вечным. Индивидуум как таковой интересен прежде всего как лицо, воплощающее какую-то общую идею социального содержания, например власть, силу, спокойствие, непреклонность, переданные, в частности, в скульптурном портрете из диорита фараона Хефрена. Древнеегипетский скульптурный портрет тоже передает индивидуальные черты, но эта передача подчинена главной идее.

Греко-македонские правители стремились представить себя наследниками фараонов и, продолжая их политику, опирались на местное жречество и предоставляли ему различные привилегии. Ими было создано даже новое божество — Серапис, воплощавшее в себе черты Осириса, Аписа и греческих богов — Зевса, Аида и Асклепия. Некоторые исследователи полагают, что Серапис был задуман как синкретическое божество для того, чтобы иметь идеологическую опору среди местного населения. Другие же ученые считают, что это божество в первую очередь должно было дать греко-македонцам веру в то, что у них есть «божественные» корни в чужой стране. В то же время Птолеми поощряли строительство храмов, посвященных чисто египетским богам, которые воздвигались и украшались согласно египетским традициям. Ту же политику продолжали и римские правители.

В ПОИСКАХ ГРОБНИЦЫ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО

Местонахождение гробницы Александра Македонского до сих пор возбуждает толки и пересуды. Ее история необычна с самого начала. Когда 13 июня 323 года Александр умер в Вавилоне от внезапной и таинственной болезни в разгар подготовки похода в Аравию, его держава

простиралась от Египта до Индии. Выходя в поход в 334 году для освобождения от персов греческих городов Малой Азии, молодой царь не мог и мечтать о таких успехах*, породивших впоследствии как на Западе, так и на Востоке множество легенд и преданий. Единственный сын Александра и его жены бактриянки Роксаны родился спустя два месяца после его смерти. Вокруг богатейшего наследства разгорелась ожесточенная борьба. В результате колоссальная империя, только что созданная силой оружия и слабо связанная административно и хозяйственно, была поделена между военачальниками Александра — *диadoхами*, которые еще много лет воевали друг с другом.

В этой борьбе за власть не последнюю роль играло место захоронения умершего владыки. Тот, на чьей территории находилась гробница Александра, получал некое моральное превосходство над соперниками.

Всех обошел опытный военачальник и царедворец Птолемей Лаг, получивший при разделе сатрапий богатейший Египет. Согласно одному из преданий, он снарядил богатый караван для сопровождения набальзамированного тела Александра в Александрию. Пытаясь отбить тело царя, соперники Птолемея совершили нападение на этот караван. Однако на самом деле караван был лишь отвлекающим маневром: тело повезли в Египет тайком, без всякой пышности. Сначала Александр был захоронен в древней столице Египта — Мемфисе. Через некоторое время его прах перенесли в специально построенную в Александрии вблизи царской резиденции роскошную гробницу.

По преданию, Александр был захоронен в золотом саркофаге, украшенном драгоценными камнями. Гробница возвышалась над морем. К ней вела аллея колонн. Многие современные исследователи полагают, что она находилась в районе улицы пророка Дэниела, пересекающейся с авеню Гамалья Абдель Насера, в древности — дорогой в Каноп. Здесь раскинулся центр древнего города, спланированного прославленным архитектором Динократом. Долгое время предполагали, что мечеть пророка Дэниела, построена на месте мавзолея Александра. Некоторые средневековые арабские историки сообщали, что они сами посещали гробницу Александра и молились в его «мечети», которой мусуль-

* Более распространено мнение о далеко идущих планах Александра, использовавшего лозунг освобождения полисов Малой Азии для начала войны с Персидской державой. — *Примеч. ред.*

мане приписывали особую святость и совершали к ней паломничество. Позднее некто Шиллиззи, драгоман российского консульства в Александрии, даже утверждал, что через щели в деревянной перегородке он якобы собственными глазами видел большой стеклянный саркофаг и в нем тело с венцом на голове. Однако в результате проведенных под мечетью раскопок обнаружили лишь могилу какого-то шейха и несколько гранитных колонн.

Археологические изыскания в Александрии указывают на то, что часть древнего города, возможно и та, где находилась гробница, ушла под воду. Действительно, в море у берегов Александрии нередко находят остатки древних сооружений. При проведении работ в районе ныне заброшенного Восточного порта обнаружили две гранитные статуи, одна из которых изображает Исиду. Сейчас эти статуи находятся в парке, разбитом вокруг так называемой колонны Помпея. Возникли предположения, что главная часть царской резиденции Птолемеев была расположена как раз в этом месте и что для проведения раскопок необходимо осушить бухту.

По некоторым источникам, в 101 году до нашей эры Птолемей XI, испытывая острую потребность в средствах, разграбил гробницу основателя Александрии, заменил золотой саркофаг на стеклянный и присвоил находившиеся там сокровища. Другие приписывают этот акт грабежа Клеопатре VII. Впрочем, чего только ей не приписывают! Стоит отметить, что сведения о захоронении Александра, объявившего себя, подобно фараонам, сыном Амона, в золотом саркофаге, окруженном сокровищами, вполне совпадают с хорошо известными обычаями погребения древнеегипетских правителей, которым во многом подражали Птолемеи. Кстати, и разграбление царских могил не без участия правителей было скорее правилом, чем исключением.

Известно, что римские императоры, бывая в Египте, посещали гробницу Александра Македонского. Светоний Транквилл рассказывает, например, что Октавиан Август «велел вынести на свет из склепа гроб с телом Александра Великого и в знак уважения к нему надел на него золотой венок и осыпал цветами. Когда его спросили, не желает ли он взглянуть и на гробницы Птолемеев, он ответил, что хотел видеть царя, а не трупы».

Византийское правление, сопровождавшееся смутами, во

время которых была разрушена значительная часть города и сгорела знаменитая Александрийская библиотека, а также последующее завоевание Египта арабами привели к потере Александрией своего политического и экономического значения. Само место, где находилась знаменитая гробница, оказалось окончательно забыто. Нельзя исключить и того факта, что гробница могла быть разрушена редкими, но подчас катастрофической силы землетрясениями, а ее остатки использованы как строительный материал. Только в новые времена воображение александрийцев снова стали волновать мечты об ее открытии. Несколько десятков лет назад одному богатому александрийскому греку привиделось во сне место, где она находится. Сон показался ему настолько правдоподобным, что он истратил почти все свое состояние на ее поиски, но так и умер, ничего не найдя.

Другой александрийский грек также предпринял самостоятельные раскопки в поисках гробницы македонского царя. Он ссылаясь на то, что ему точно известно местонахождение гробницы из старинных, неизвестных науке книг, якобы доставшихся ему от предков, которые он не собирается никому показывать, пока его поиски не увенчаются успехом. По его настоянию Служба древностей разрешила ему провести раскопки в районе улицы пророка Дэниела, но лишь в течение суток. Выступая по каирскому телевидению, он утверждал, что нашел дворец Клеопатры и первые ступени лестницы, ведущей в гробницу Александра. Однако, как прокомментировали его находки египетские археологи, он обнаружил лишь древние цистерны для сбора воды.

Несколько лет назад археолог Андриани, работавший в Александрийском греко-римском музее, обнаружил на латинском кладбище, расположенном в самом центре города в районе Аш-Шатби, древнюю гробницу из крупных блоков алебаstra. Ее стиль напоминает македонские гробницы. Тут же было высказано предположение, что это и есть гробница Александра... Во всяком случае, до сих пор вопрос о месте захоронения великого полководца остается открытым.

В Александрии, крупнейшем центре эллинизма, не в пример Риму и многим другим прославленным городам античности почти ничего не осталось от времен ее расцвета, когда она была блестящей столицей птолемеевского Египта. Из древностей здесь остались одинокая колонна на скалистом возвышении да довольно скромные катакомбы.

Но и это уже памятники того времени, когда Александрия превратилась в провинциальный город обширной Римской империи.

Где же та великолепная Александрия с ее прямыми улицами, роскошными царскими дворцами, гробницами ее основателя и его преемников, храмами, общественными сооружениями? Неужели все это только легенда? Неужели ничего не осталось?

Вся проблема в том, что древняя Александрия погребена под толстым слоем земли, сплошь застроенной зданиями современного города. Планомерные раскопки вести просто невозможно. Однако в последнее время кое-что все-таки удалось обнаружить.

В конце 60-х годов на пустыре почти в самом центре города началось строительство нового многоэтажного дома. На глубине двух-трех метров сваи уперлись в солидную каменную кладку. Строительство было приостановлено, и за работу принялись польские археологи.

Оказалось, что на этом месте находился небольшой амфитеатр, который переделывали и перестраивали со II по VI век. Прекрасно сохранились наружные стены, украшенные мраморной колоннадой, сводчатые коридоры, просцениум с мозаичным полом и колоннами по сторонам и проходы к местам для зрителей; кое-где даже сохранилась тогдашняя нумерация. Потребовались сравнительно небольшие реставрационные работы, и древний театр после многовекового перерыва смог снова принять зрителей.

Археологи предполагают, что по аналогии где-то рядом должен находиться более крупный театр. Невдалеке от амфитеатра были раскопаны руины общественных бань, выходящих на перекрытую сводом улицу. Но и эти сооружения относятся к позднему времени — II—III векам нашей эры. Здесь же польские археологи сделали еще несколько пробных раскопов. Сначала им попались средневековые мусульманские захоронения, затем постройки византийского времени, потом римского и, наконец, на глубине восьми—десяти метров удалось обнаружить развалины виллы эпохи Птолемеев с красочным мозаичным полом.

О том, что таится под домами, улицами и площадями современной Александрии, говорит возможный, пожалуй, только здесь трагический случай. Несколько лет назад секретарь союза журналистов Александрии со своей женой вышел из кинотеатра в центре города после последнего

сеанса. Жена отошла на несколько шагов от главной улицы в темный переулок, чтобы поправить чулок. Муж остановился на углу. Через некоторое время он оглянулся, но жены на том месте, где она стояла несколько мгновений назад, не было. Никаких звуков он не слышал. Никто на его оклик не отозвался. Прибывшая на место происшествия полиция обнаружила в асфальте небольшой провал, откуда доносилось журчание воды. Место было оцеплено и тщательно раскопано. Однако, кроме браслета с руки пропавшей и остатков древних строений, ничего найдено не было. Видимо, тело было унесено подземным потоком, проложившим себе путь среди лабиринтов древних развалин. Египетские газеты с довольно мрачным юмором назвали погибшую молодую женщину «невестой Александрии», которая, дескать, лишь перешла с верхнего в нижний этаж города.

ПРОБУЖДЕНИЕ ЕГИПТА

Становление современной египетской культуры, как и культуры в большинстве других восточных стран, происходило в сложных условиях борьбы между старыми, «мусульманскими» традициями и влиянием европейской цивилизации. Первое непосредственное знакомство египтян с культурой Европы прошло под грохот французских пушек в конце XVIII века, когда здесь высадился экспедиционный корпус Наполеона Бонапарта. Грабителям-французам пришлось уйти, завоевание не состоялось, но последствием этой провалившейся авантюры стало то, что многие в стране ясно осознали невозможность жить в полусне средневековых традиций. Мухаммед Али сделал серьезную попытку преобразовать страну, стал развивать промышленность и завел армию на европейский лад, однако при этом продолжал опираться на феодально-деспотические методы правления. Он чуть было не покончил со своим сюзереном — турецким султаном, но Европу вовсе не устраивала замена слабого правителя в Константинополе на сильного в Каире, и она заставила Мухаммеда Али отступить. Его преемники продолжали политику европеизации. Особенно отличился на этом поприще хедив Исмаил, получивший от благодарной иностранной колонии в Египте, безнаказанно грабившей страну, прозвище «великолепный». Слишком дорого обошлись стране грандиозные празднества по случаю

открытия Суэцкого канала. Египет оказался финансовым банкротом. Все более подпадая под иностранное влияние, египтяне на собственной шкуре познали оборотную сторону европейской цивилизации.

Западная культура затронула лишь правящую верхушку, да и то в большинстве случаев поверхностно. Даже сами правители Египта из династии Мухаммеда Али, включая Фарука, последнего из них, не пошли дальше коллекционирования эротических, зачастую просто порнографических картин и скульптур. Их богатейшая коллекция после революции 1952 года была продана с аукциона в основном американским миллионерам — любителям «клубнички».

Конечно, среди египтян были люди, которые пытались взять лучшее из западной культуры и пересадить его на египетскую почву, как, например, Рифаа ат-Тахтави (1801—1873), проповедник идей Великой французской революции. Под западным влиянием возникли и окрепли в Египте идеи патриотизма и национализма, сменившие господствовавшее ранее религиозное самосознание. Эти идеи явились действенным оружием в борьбе против начавшейся в 1881 году английской оккупации Египта.

Отношение египетской интеллигенции (народа оно почти не коснулось) к культурному влиянию Запада было неоднозначно. Одни всеми силами стремились стать «европейцами», хотя их потуги дальше внешних аксессуаров не пошли, другие — кто был ближе к народным массам и народным традициям — начисто отвергали европейскую культуру, противопоставляя ей религиозно-культурные ценности ислама. Третьи считали необходимым не бездумно копировать Запад, а брать у него наиболее нужное и полезное, и не просто брать, а переделывать на свой, египетский манер.

Само образование было построено по европейскому образцу и вызвало резкую критику патриотов. Один из них писал: «Мы закончили обучение в университетах, и среди нас были те, кто думал, что Джамаль ад-Дин аль-Афгани — посол Пакистана в Каире, а Мухаммед Абдо — футболист из александрийского "Арсенала"*». Мы вышли из учебных заведений, пораженные культурным "одноглазием", не зная ничего о культурной жизни своей страны ни в прошлом, ни в настоящем».

* Абдо (1849—1905) — египетский реформатор ислама, муфтий Египта; Джамаль ад-Дин аль-Афгани (1839—1897) — первый реформатор ислама, идеолог панисламизма.

Отрицательное отношение к западной цивилизации особенно ярко стало проявляться в 70-х годах. Под знаменем национализма народ Египта и других стран Востока покончил с колониализмом и добился политической независимости. Однако активное вторжение империалистических держав в экономику и культуру восточных государств продолжалось. Началась борьба за сохранение собственных духовных ценностей. В силу целого ряда исторических и социальных причин эта борьба во многих случаях получила религиозную окраску. На мой взгляд, в этом следует искать объяснение нынешнему росту религиозных настроений в Египте и других странах Востока, носящих нередко экстремистский характер.

Конечно, влияние европейской культуры на Египет, например на развитие современного египетского изобразительного искусства, оказалось благотворным. Можно только удивляться, как за сравнительно короткое время — с начала XX века — живопись и скульптура в Египте приобрели зрелость, ярко национальный характер. Одним из самых выдающихся художников первого поколения стал скульптор Махмуд Мухтар. Его творчество представляет собой наглядный пример существования прямой связи между прошлым и настоящим Египта.

Первая художественная выставка была устроена в Каире в 1891 году, в том же году, когда в небольшой деревне около Танты родился будущий знаменитый скульптор Махмуд Мухтар. В то время египтянам-мусульманам было трудно нарушить установки официальной религии, которые не допускали изображения живых существ. Справедливости ради скажем, что широко распространенное представление, что Коран категорически запрещает изображать живые существа, неточно. В Коране говорится о запрещении использовать изображения в качестве идолов, т.е. предметов поклонения, но не более. В пятой суре Корана «Трапеза» говорится: «...и вот ты, Иса (т.е. Иисус), делал из глины подобие птиц с моего дозволения, и дул на них, и становились они птицами с моего дозволения». Впоследствии это было истолковано так делать «подобия» — изображения живых существ — можно только с позволения Аллаха, который обладает способностью оживлять их. Характерно также, что в Коране глагол «саввара», от которого происходит слово «мусаввир» — «художник», употребляется как синоним слов «халака» и «бараа» — «создавать» Средневековые мусульманские

догматики утверждали, что художник, изображающий людей или животных, как бы выступает в качестве конкурента самого всемогущего Аллаха.

Однако в ранний период истории мусульманства никаких запретов на изображение не существовало. Во многих дворцах омейядских и аббасидских халифов, в богатых частных домах нередко встречались росписи и скульптура. Манускрипты нерелигиозного содержания украшались миниатюрами. Правда, в росписях и мозаиках мечетей изображение живых существ не допускалось во избежание превращения их в предмет поклонения.

Впервые прямое запрещение изображать живые существа появляется в «Хадисах» — сборнике преданий о высказываниях пророка Мухаммеда и его поступках. Наиболее ясно запрещение было сформулировано в труде крупнейшего толкователя ислама Мухаммеда аль-Газали (1059—1111) «Возрождение наук о вере», где подробно перечисляются подлежащие запрету изображения. Запрещалось продавать на рынке детские игрушки в виде зверей и птиц. Предписывалось уничтожать изображения живых существ в банях, запрещалось вешать занавески с изображением людей и животных, но в то же время этот запрет не распространялся на другие бытовые предметы. «А что касается изображений на подушках и коврах, — пишет аль-Газали, — на которых сидят, то это неосуждаемо; то же касается изображений на тарелках и чашах».

В 1903 году Мухаммед Абдо, в то время шейх Аль-Азхара, своим авторитетом снял полузапрет на изобразительное искусство и подчеркнул его положительные стороны.

Вслед за ним должное изобразительному искусству отдал популярнейший публицист и философ, поборник женского равноправия Касем Амин. Другой не менее известный публицист, Лютфи ас-Сайид, в своей газете «Аль-Гарида» помещает серию статей об искусстве, а Фарах Антун* в журнале «Аль-Гашиа» рассказывает о философии изобразительного искусства у Рескина.

* Фарах Антун (1874—1922) — известный сиро-ливанский писатель, «резко вольнодумный христианин» (по определению академика А.Е. Крымского), эмигрировавший в Египет, где и создал почти все свои произведения. — *Примеч. ред.*

В 1908 году в Каире открылась школа изящных искусств, для преподавания в которой были привлечены специалисты из Франции и Италии. Уже на следующее утро Махмуд Мухтар оказался у порога школы. Дирекция была еще закрыта, и, чтобы скоротать время, он стал рисовать на стене соседнего дома. За этим занятием его и застал директор. Способности юноши не вызывали сомнений, и Мухтар стал первым учеником в первой художественной школе Египта.

Его решение стать художником встретило упорное сопротивление со стороны семьи. Родные мечтали отдать его в крупнейший мусульманский университет Аль-Азхар. Им было не понять, как может человек предпочесть обеспеченной и почетной профессии служителя ислама ремесло малоуважаемое, скорее даже греховное. Но Мухтар чувствовал, что только в искусстве он сможет найти себя. Несомненно, его решение лишь укрепилось благодаря знакомству юноши с таким великолепным городом, как Каир, с его древними мечетями, с богатыми архитектурными орнаментами, с их четким ритмом на многих старинных домах. Не могла не потрясти его, прирожденного художника, самая величественная в своей простоте и монументальности мечеть султана Хасана, рядом с которой он жил.

Учение в школе давалось нелегко. Очень мешало на первых порах то, что преподаватели-иностранцы вели преподавание на своих языках. Уже через несколько месяцев учения в школе определилась склонность Мухтара к скульптуре, хотя он продолжал брать уроки рисования.

Основой обучения были античность и классическое европейское искусство. Ни мусульманское искусство, ни искусство древнего Египта в учебный курс не входили. Махмуда Мухтара, да и многих других учеников школы это не могло удовлетворить. Тем более что это было время подъема национально-освободительной борьбы, когда звучали полные страстного патриотизма речи национальных лидеров Мустафы Камилля и Мухаммеда Фариды*, в которых звучала гордость потомков фараонов и арабских героев эпохи средневековья.

В 1911 году состоялась большая выставка работ учеников

* Мустафа Камилль (1874—1908) — основоположник египетского национализма, пламенный оратор и публицист; основатель Национальной партии Египта, Мухаммед Фарид (1864—1919) — глава Национальной партии после смерти М. Камилля, отличался радикальными взглядами. —

Примеч. ред.

школы. Мухтар выставил скульптурный портрет своего соученика, будущего выдающегося художника Мухаммеда Хасана и статуэтку-карикатуру «Ибн аль-балад»: так в Египте называют деревенского щеголя — нечто вроде нашего «первого парня на деревне». Эта скульптура очень понравилась и даже принесла ее автору первый материальный успех: восемь ее копий были проданы по два золотых фунта за каждую, деньги в то время немалые. Другим результатом этой выставки явилось решение направить Махмуда Мухтара для продолжения образования в Париж. Это было большой победой молодого скульптора. Пожалуй, впервые в истории современного Египта талант сына феллаха получил официальное признание, и он был послан за казенный счет за границу.

В Париже Мухтар поступил в школу изящных искусств на улице Бонапарта. На вступительных экзаменах первый египтянин, появившийся в стенах этой известной во всем мире школы и, конечно, немедленно прозванный коллегами Рамсесом, к удивлению всех, занял первое место среди ста претендентов. Способности Мухтара были сразу отмечены его учителями, известными французскими скульпторами Кутаном и Мерсье. Окрыленный успехами, он писал домой: «Будущее представляется мне блестящим, как солнце. Мне остается только идти к нему с терпением и настойчивостью в труде».

Через три года пребывания в Париже Мухтар решил принять участие в ежегодной выставке французских художников. Его статуя «Аида», навеянная оперой Верди, получила положительные отклики в прессе. Большое влияние на творчество Мухтара, безусловно, оказали Огюст Роден, Антуан Бурдель и Аристид Майоль.

Во время первой мировой войны, которая застала его в Париже, выплата стипендии прекратилась и Мухтару пришлось по десять часов в сутки работать простым чернорабочим.

После окончания войны он решил вернуться в Египет, но прежде ему хотелось создать монументальную скульптуру, которая бы отразила характер Египта и его современные черты. После трудных и долгих поисков он остановился на варианте с изображением сфинкса и египетской крестьянки.

К тому времени относится знакомство Мухтара с членами египетской делегации («вафд») во главе с Саадом Заглулом, прибывшими в Париж на мирную конференцию с тщетной надеждой добиться предоставления стране независимости. Познакомившись с его работами, соотечественники высоко

оценили их и пришли к мнению, что этот пока неизвестный в стране скульптор может многое сделать для своей родины, для возрождения ее былой славы, для подъема национального самосознания народа.

Мраморный макет памятника «Пробуждение Египта» был показан на выставке французских художников в мае 1920 года. О патриотическом заряде, который он нес, говорит то, что перед выставкой состоялась бурная демонстрация египетских студентов, требовавших предоставить независимость своей родине. Именно эта скульптура принесла Мухтару широкую известность. Один из французских искусствоведческих журналов писал: «Художник египтянин Махмуд Мухтар представил на выставку макет памятника „Пробуждение Египта“. Эта чудесная скульптура, захватывающая своей красотой и строгостью, говорит о большом художественном таланте автора, его богатом воображении. Нельзя считать этот памятник просто прекрасным творением искусства. Это символ надежд нации, стремящейся восстановить в мире то высокое место, на которое дает ей право славная история... Все говорит за то, что сильные чувства, вызвавшие великие перемены в старом мире, разбудили от долгого сна и Египет. Это-то и попытался Мухтар заставить нас понять». Одна из парижских газет писала, что «Пробуждение Египта» — первое свидетельство возрождения египетского искусства, свидетельство того, что оно зажило новой жизнью.

Высокая оценка работы молодого египтянина вызвала живой отклик и на его родине. Египетские газеты и журналы поместили целые серии статей. Общественность начала народную кампанию по сбору средств для установления монумента. Модель скульптуры была выставлена для общего обозрения в редакции популярной газеты «Аль-Ахбар».

В 1920 году Мухтар возвратился в Египет. Оказанная ему теплая встреча рассеяла опасения, что труд его не будет понят, что его ждет скорбная судьба многих египтян, впервые в стране ставших актерами, журналистами или художниками. 1920 год был годом подъема патриотических сил, годом, когда еще не улеглись раскаты вооруженной борьбы египтян против англичан, несмотря на поражение восстания 1919 года.

Прогрессивная общественность увидела в Мухтаре человека, способного передать великой силой искусства ее чаяния, ее стремление к обновлению страны и общества.

Сбор средств на установку монумента принял поистине всенародный характер. Свои гроши отдавали студенты, рабочие, бродячие торговцы, феллахи и даже нищие.

Мухтар отклонил предложение комиссии по установке памятника отлить его в бронзе. Он хотел сделать свое творение в граните — камне, служившем материалом для древнеегипетских обелисков. Пусть его скульптура будет первым в Египте после многих веков забвения гранитным памятником. Пусть даже материал монумента свидетельствует о воскрешении былой славы и мастерства египтян!

Вскоре скульптор с группой рабочих появился в древних каменоломнях Асуана, где уже долгие века царили тишина и запустение. Наконец огромная глыба светло-серого гранита была доставлена в мастерскую Мухтара, и он приступил к работе с большим подъемом.

Однако спустя какое-то время работу пришлось приостановить: деньги, собранные по народной подписке, кончились. Для осуществления проекта такого масштаба требовались помощь и содействие государства. Но в правительстве и при дворе короля Фуада Мухтар не встретил поддержки, которую он нашел у простого народа. Чтобы добиться благосклонности власть имущих, нужно было ходить на унижительные приемы к продажным эмирам и вельможам, но Мухтар был слишком горд, чтобы унижать себя и свое искусство. Под давлением общественности парламент все-таки принял решение о выделении средств на сооружение монумента.

Мухтар опять полон энергии. Несмотря на увлеченность работой над «Пробуждением Египта», скульптор много внимания уделял интеллектуальной жизни страны. В подготовленном им для министерства просвещения докладе есть такие строки: «Искусство — национальная сила. Оно — один из животворных источников всеобщего богатства и процветания. Искусство — не забава, оно необходимо каждому народу, дорожающему своими духовными ценностями. Нужно добавить новые произведения к тем, которые были созданы народом в его славном прошлом».

В 1924 году Мухтар стал членом Комитета изящных искусств. Он требовал, чтобы государство выделяло в своем бюджете ассигнования на поддержку искусства, на реорганизацию учебных художественных заведений. Его усилиями создана Высшая школа изящных искусств, преобразованная затем в государственный институт, для которого он сам составил учебную программу. Он энергично тре-

бовал создания национального института музыки и музея современного искусства.

В это же время Мухтар создал скульптурный портрет самой знаменитой на Арабском Востоке певицы Умм Кульсум (она скончалась в 70-х годах), прозванной ее бесчисленными почитателями «Каукаб аш-Шарк» — «Звезда Востока». С Умм Кульсум его связывала большая дружба и взаимное восхищение. В их судьбе было много общего. Умм Кульсум, родившаяся в бедной египетской деревне, благодаря своему таланту смогла пробить себе дорогу в искусство и возродить мастерство пения, а Мухтар поставил целью жизни возродить славу египетской скульптуры. Знаменитая певица изображена им простой деревенской девушкой в платочке, с лицом волевым и задумчивым.

А ведшаяся между тем работа над «Пробуждением Египта» встречала все новые препятствия. Неоднократно прекращалась выплата государственных субсидий. Все это требовало массы хлопот, времени и энергии. Однако, несмотря ни на что, Мухтар отдавался новым творческим замыслам, на которые большое влияние оказывало внимательное изучение им древнеегипетского искусства, и особенно недавно найденных в Долине царей сокровищ Тутанхамона.

В 1925 году по делам, связанным с завершением монумента «Пробуждение Египта», он выехал в Париж, захватив с собой две новые бронзовые скульптуры: «Находка в долине царей» и «Хранительница тайн». Эти произведения Мухтара были показаны на выставке французских художников и получили столь высокую оценку, что кандидатура Мухтара даже выдвигалась для награждения его орденом Почетного легиона.

Торжественным днем в жизни Мухтара стало 20 мая 1928 года. В присутствии короля, премьер-министра и многочисленной публики была открыта наконец скульптура «Пробуждение Египта». Официальные торжества переросли в настоящее народное ликование. С восторгом встретил народ стихи «эмира поэтов» Ахмеда Шауки (1868—1932), написанные по случаю открытия монумента.

Когда покрывало было снято, перед присутствующими предстал величественный гранитный монумент. Сфинкс Мухтара напоминает своих древних собратьев: у него такое же, как у них, мощное тело льва и голова человека в древнеегипетском головном уборе, но в нем нет их спокойствия, их выражения непоколебимой уверенности

в том, что все уже познано и ничто в мире не может нарушить их вневременного величия и славы. Кажется, что этот сфинкс несколько мгновений назад тоже пребывал в состоянии глубокого покоя, не ведая, какие изменения произошли в мире со времен могущественных фараонов. Он только что пробудился. Его мощные лапы вытянулись, напряглись и твердо уперлись в пьедестал. Голова приподнята и немного откинута назад. Широко открытые глаза смело и решительно смотрят в мир. Вся его фигура олицетворяет пробуждение древней страны, уверенность в том, что ее народ не растерял за долгие века порабощения свои таланты и способности.

Рядом со сфинксом стоит женщина в длинной крестьянской одежде — *миляе*. Правой рукой она опирается на его голову, а левой приподнимает покрывало, много веков закрывавшее ее лицо. Она олицетворяет собой и Египет (по-арабски Египет — Мыср, на диалекте Маср — женского рода), и египетскую женщину, отбрасывающую средневековые предрассудки и вступающую в новую жизнь полноправным членом общества. Скульптура лишена мелочной детализации. Фигуры трактованы широко и обобщенно, простыми, плавными линиями. От монумента веет величием, уверенностью и спокойствием.

В этой скульптуре, созданной далеко не в лучшие для Египта времена, Мухтар выразил свой оптимистический взгляд на историю, веру в то, что все народы, в том числе, конечно, такой древний и талантливый, как египетский, добьются свободы, проложат себе путь в лучшее будущее, несмотря ни на какие препятствия и трудности.

Революция 1952 года привела к ликвидации прогнившего режима, к окончательному изгнанию иностранных оккупантов и создала все условия для быстрого и всестороннего развития страны. Неискушенные гости египетской столицы воспринимают стоящую сейчас перед зданием Каирского университета скульптурную группу как символ египетской революции 1952 года. Настоящий художник всегда идет впереди времени. Творчество Мухтара — это своего рода мост между прошлым и будущим страны.

Мухтар не получил за свой труд никакого материального вознаграждения. Когда в парламенте обсуждался вопрос о выдаче ему государственной премии, представитель правительства заявил, что «слава, которой удостоился Мухтар, воздвигнув на одной из самых больших площадей

столицы свое творение, превосходит какое бы то ни было материальное вознаграждение».

Другое крупнейшее достижение Мухтара — галерея статуэток, посвященных простым людям Египта. В некоторой их статичности, лаконичности движений можно увидеть влияние древнеегипетской скульптуры. Однако художник, используя выработанные его далекими предками средства выразительности, применял их совершенно для других целей.

Если характерные для древнего скульптора монументальность, простота линий и статичность служили по большей части задаче продемонстрировать перед простыми людьми величие и «божественность» правителей или грозную мощь многочисленных представителей древнеегипетского пантеона, то Мухтар пользовался этими же средствами, чтобы показать красоту и достоинство египетского феллаха. Несомненно, в этих статуэтках есть доля идеализации, но автор шел на это вполне сознательно: обращаясь к образам египетского крестьянства, Мухтар как бы стремился привлечь внимание к труженикам своей страны, показать, что их чувства естественны, человечны и поэтичны. Не стоит забывать, что до Мухтара в «цивилизованном» обществе феллахи или презирались как темная и невежественная масса, или же просто не замечались.

Вот бронзовая статуэтка «Полевой сторож»: широкоплечий феллах в национальной египетской одежде — просторной *галабии* и небольшой шерстяной шапочке — *такии*. Обои руками он держит длинную, заложенную за спину палку. Такие палки носят все жители Верхнего Египта, и для них это почти такой же неременный атрибут, как кинжал для горца Кавказа. Голова сторожа немного приподнята: он как бы всматривается в даль. Чуть расставленные ноги придают фигуре устойчивость. От этого образа веет достоинством и жизненной силой.

Неоднократно в своем творчестве художник обращался к образам женщин. Вот, например, статуэтка «На берегу Нила»: молодая женщина с кувшином на голове. Стоит она в спокойной, несколько скованной позе.левой рукой придерживает головной платок. Вся скульптура трактована сжато, без лишних деталей. Красиво и просто, почти без складок, ниспадает длинное платье, под которым угадывается упругое молодое тело.

Грациозна и красива статуэтка, изображающая крестьянку, наклонившуюся, чтобы зачерпнуть кувшином воду.

В «Возвращении с реки» мы видим уже группу из трех крестьянок, несущих на головах тяжелые кувшины с водой. Эта сценка так же характерна для страны, как и вид прославленных пирамид и храмов. Правда, теперь все чаще вместо глиняных кувшинов женщины на головах несут жестяные банки из-под бензина...

Мраморная статуэтка «Возвращение с рынка» живо напоминает древнеегипетские статуэтки, изображавшие женщин, несущих на голове корзины со всякой снедью для умершего. Еще большей обобщенностью форм и вместе с тем декоративностью, создаваемой строгой симметричностью линий и их четким ритмом, отличается бронзовая статуэтка «Продавщица сыра».

В статуэтках «К любимому» и «За нильской водой» художник поэтично передал красоту и нежность женского тела. Напряжения и драматизма исполнена статуэтка «Хамсин». Фигура женщины в раздуваемых ветром одеждах наклонена вперед. Обеими руками она прижимает к себе ребенка. Очень хороши и многие другие статуэтки Мухтара, например бронзовая статуэтка «При встрече с женщиной», гипсовая «Крестьянка» и т.д. Во всех ощущается глубокое знание художником страны и ее людей, его искренняя к ним симпатия, гордость за них.

Мухтар создал два — в Каире и Александрии — памятника Сааду Заглулу, лидеру национально-освободительной борьбы 20-х годов. В них, пожалуй, наиболее примечательны бронзовые фигуры и рельефы на пьедестале, символизирующие труд народа и его устремления к свободе.

В планы Мухтара входило создание грандиозного памятника Александру Македонскому при въезде в Александрию. По его замыслу памятник должен был символизировать историю средиземноморских народов и взаимодействие их культур. Мухтар намеревался также создать образ Ахмеда Ораби, героя антианглийской борьбы египетского народа. Но судьба распорядилась иначе...

В 1931 году скульптора поразила болезнь: он почувствовал сильные боли в теле, особенно в руках, которые начали сохнуть. Врачи считали, что эти болезненные симптомы вызваны чрезмерной работой, и советовали ему отдохнуть, однако Мухтар не мог жить без любимого дела и продолжал упорно трудиться. После операции летом 1933 года болезнь прогрессировала. 27 марта 1934 года Мухтара не стало.

Творчество Мухтара оказало и продолжает оказывать большое влияние на развитие современного египетского искусства. Египетские художники видят в его жизни и творчестве высокий образец преданности искусству, гражданской смелости, любви к своей родине и ее народу.

Пионерами изобразительного искусства и теперь уже, можно сказать, национальными классиками живописи стали такие художники, как Махмуд Саид, Нагис, прозванный Ас-Сакандари — Александриец, учившиеся вместе с Мухтаром Мухаммед Хасаи, Юсеф Камель и Рагеб Айяд. Среди скульпторов наиболее талантливым последователем Мухтара стал Гамаль ас-Сагини.

Период героической борьбы египетского народа за освобождение и затем за упрочение независимости страны был одновременно и периодом становления современного египетского искусства, принявшего активное участие в этой борьбе. Это искусство, усвоив достижения современного мирового искусства, тем не менее остается глубоко национальным, продолжает богатейшие традиции древнего Египта и исламского средневековья. Египтяне любят называть свою страну «Маср аль-Халида» — «Вечный Египет», и для этого есть все основания.

ЕГИПЕТ ВОСЬМИДЕСЯТЫХ, ВЕЧНЫЙ И МЕНЯЮЩИЙСЯ

Олег Ковтунович донес до нас особое, глубоко личное и какое-то светлое восприятие Египта. Его знания, жизненный и интеллектуальный опыт, безошибочное чувство прекрасного, высокая нравственная позиция — все это, помноженное на талант литератора, привлекут к книге «Вечный Египет» массового читателя. Но автор сохраняет свежесть взгляда и тогда, когда говорит о вещах и явлениях, известных арабистам и египтологам. Поэтому даже специалист найдет в его книге новые повороты мысли.

Зачем в таком случае нужно послесловие? Отнюдь не для исправления или дополнения автора и не только как дань старой дружбе и годам, вместе проведенным в Египте. Может быть, несколько штрихов к портрету современного, бурно меняющегося Египта восьмидесятых позволят оттенить его вечные черты.

Я полагаю, что Египет конца XX века, оставаясь самим собой, переживает самую глубокую трансформацию со времени арабского завоевания и его арабизации и исламизации.

Основой общественной пирамиды в Египте с первых династий фараонов до восьмидесятых годов нашего века был крестьянин. Это его руки окультурили, выхолили и превратили в цветущий оазис — самый большой на Земле — долину и дельту Нила. Но сейчас в строгом смысле слова Египет уже перестал быть страной феллахов. Не только потому, что городское население обогнало по численности сельское. В самой деревне менее половины жителей добывает хлеб насущный, возделывая землю и разводя скот. Более половины сельскохозяйственной продукции на рынок обеспечивают двести тысяч семей с помощью наемных рабочих, вооруженных машинами и химикатами.

В Египте тесно, а будет еще теснее. Каждые восемь месяцев на миллион душ увеличивается его пятидесятимиллионное население. Теснится оно в основном в долине и дельте Нила, составляющих четыре процента общей территории страны. Остальное — пустыня. В Большом Каире сейчас двенадцать-тринадцать миллионов жителей. К концу века, по прогнозам, в нем может быть двадцать — двадцать восемь миллионов. Уже сейчас он — один из крупнейших городов Старого Света.

Каир и Александрия как бы двинулись навстречу друг другу: автострада приблизила зону Суэцкого канала к столице, которая поглощает один за другим близлежащие городки. Предсказывают, что в

начале XXI столетия весь Египет с его семьюдесятью миллионами жителей превратится в исполинский мегалополис с пригородным огородом. Он будет страдать не только от нехватки жилья, но и от недостатка воды, электроэнергии, чистого воздуха.

Долина и дельта Нила, в древности снабжавшие хлебом не только Египет, но и Рим, в наши дни уже не в состоянии прокормить своих сынов. Если еще в шестидесятые годы увеличение производства сельскохозяйственной продукции обгоняло рост населения, то в семидесятые и особенно в восьмидесятые годы положение резко изменилось. Египет ввозит почти две трети необходимого ему продовольствия, в том числе пшеницу — больше чем на четыре пятых потребностей, — половину жиров, сахара, треть рыбы.

Ситуация тяжелая. Но безнадежна ли она? Пожалуй, нет. Хотя земли, освоенные с помощью Высотной Асуанской плотины, активно поглощаются городской застройкой, возможности расширения обрабатываемых земель не исчерпаны. Есть намечки освоить до конца века еще четыре миллиона федданов*, то есть увеличить обрабатываемую площадь в полтора раза. Феллах славится трудолюбием, умением противостоят пустыне. По масштабам развивающихся стран урожайность в Египте высока. Энергичные капиталовложения в сельское хозяйство, в производство минеральных удобрений и сельскохозяйственной техники, определенное изменение политики в деревне могли бы ослабить продовольственную проблему. Но увы, пока что это проекты.

В Египте не только самое многочисленное среди арабских стран население, но и самый крупный кадровый потенциал: миллионы рабочих, сотни тысяч студентов, ученые, инженеры, техники, ремесленники. Сейчас, когда упали цены на нефть, рабочие руки и мозги могли бы оказаться весомее доходов от экспорта жидкого топлива. Вопрос в том, как использовать людские резервы, какое избрать направление экономического развития.

Чтобы нормально развиваться, будущий всеегипетский сверхгород должен стать крупным промышленным производителем и экспортером. Ввозить сырье и полуфабрикаты и «облагораживать» их для экспорта. Сложность положения страны сейчас в том, что саатовский «инфитах» — политика «открытых дверей» — не привел к серьезному росту промышленного потенциала. Самыми крупными предприятиями остаются те, что были созданы еще в годы советско-египетского сотрудничества.

Не в промышленность, не в сельское хозяйство, а прежде всего в торговлю, спекуляцию, валютные операции, в лучшем случае — в домовладение и гостиничное дело устремились те, которых стали называть «жирными котами инфитах». Довольно быстрый рост национального дохода в конце семидесятых—начале восьмидесятых годов (семь-восемь процентов в год) не привел, однако, как ожидалось, к серьезному увеличению экспортных возможностей.

Окончилась сложившаяся благодаря росту цен на нефть относительно благоприятная конъюнктура прошлого десятилетия. Торговый

* 1 феддан = 0,42 гектара.

баланс сводится с дефицитом в миллиарды долларов. Попытка покрывать нехватку средств займами привела к росту внешней задолженности до более чем сорока миллиардов долларов. Если взять ее соотношение с национальным доходом, то египетский долг много тяжелее, чем у должников-«рекордсменов» — Бразилии, Мексики, Аргентины. И теперь страна вынуждена брать новые кредиты, чтобы расплатиться с процентами по старым. Не приходится удивляться тому, что на Египет все большее давление оказывает Международный валютный фонд, и первое его требование — отменить субсидии на товары первой необходимости, то есть снизить жизненный уровень масс.

Хоровод новых высотных зданий по берегам Нила, элегантных, но лишенных национальных черт, дорогостоящие увеселительные заведения и транспортные пробки в столице, образуемые почти миллионным стадом автомобилей, — живые символы процветания верхних слоев общества.

Однако не понизился уровень жизни и остального населения, и главная причина тому — эмиграция. Египтяне, раньше привязанные к долине и дельте Нила, сейчас стали занятыми путешественниками. Я встречал их на нью-йоркских улицах продающими с тележек горячие сосиски, чернорабочими в пирейском порту, посудомойками в Амстердаме. Но главный магнит — нефтедобывающие страны Аравии и Ирак. Денежные переводы примерно трех-четырёх миллионов египетских эмигрантов своим семьям подняли доходы по крайней мере половины населения. Это позволило смягчить воздействие роста цен. Голода в Египте нет, хотя более трети населения живет ниже черты бедности. Минимальный набор продуктов, поддерживаемый субсидиями государства, — лепешки, фасоль, растительное масло, сахар, чай — доступен практически всем. Дешевле, чем в некоторых других странах, обходятся горючее, газ, электроэнергия.

Ныне было бы ошибкой утверждать, что Египет — страна полудармового труда. Отток значительной и по многим показателям лучшей части рабочих, технической интеллигенции, врачей, учителей, феллахов в нефтяные арабские государства поднимает заработную плату в самом Египте, главным образом в частном секторе. Но касается это тех, кто имеет работу. В условиях скачущей инфляции реальная зарплата не всегда повышается.

Более всего отстает от роста цен зарплата государственных служащих. Когда-то привилегированная прослойка, презрительно третиновавшая массу населения как «тин» — «грязь», «ил», сейчас становится как бы жертвой реванша общества — впервые за тысячелетия. Конечно, верхушка чиновничества безмерно обогащается на взятках, превращаясь в бюрократическую буржуазию, но низший слой даже с помощью традиционного «бакшиша» едва сводит концы с концами. Это не мешает безмерно разросшейся бюрократии мертвой хваткой сдерживать общественный прогресс.

Египетская бюрократия — не только образец коррупции и неэффективности. Она может служить власть имущим в качестве удобного

социально-политического амортизатора, чтобы гасить недовольство населения.

Когда египетский судья отказался председательствовать на суде над полицейскими, арестованными после антиправительственных бунтов, он сослался на то, что якобы сломался копировальный аппарат и документы суда и следствия не могли быть подготовлены для защитников. Разбирательство было надолго отложено, обвиняемых продолжали держать в тюрьме, не вынося приговора

Этот, казалось бы анекдотический, случай символичен. Приговор мог стать поводом для протеста со стороны оппозиции и вызвать раздражение трехсот тысяч других полицейских. Но отсрочку суда из-за поломки копировального аппарата восприняли как должное.

Когда Насер хотел осуществить крупную акцию, он просто предпочитал обходить бюрократию. Все ожидали, что Суэцкий канал перестанет действовать, если его отдать под управление египетской администрации. Но Насер создал отдельную Организацию Суэцкого канала. Она оказалась эффективной. Это было исключением. Создаваемые властями независимые учреждения быстро разрастались, сливаясь с общегосударственной бюрократической машиной.

Этот процесс продолжался при Садате.

Президент Хосни Мубарак часто говорит о реформе бюрократического аппарата, но результаты пока ничтожны. Проводятся исследования, издаются декреты. Однако опасения вызвать недовольство столь большого и мощного социально-политического механизма, столь многочисленной группы населения приводят к таким полумерам, которые напоминают о сломанном копировальном аппарате в каирском суде.

Единственная реальная реформа заключается в том, что прекращен найм новых работников в государственный сектор и заморожена их заработная плата. Надолго ли хватит твердости у правительства проводить подобный курс, сказать трудно.

Но вернемся к положению населения.

Невиданная ломка египетского общества, трудная и болезненная сама по себе, усугубляется рядом обстоятельств. Пасынки капиталистической «модернизации» отнюдь не всегда находят себе применение в новых отраслях промышленности и услуг, в новых видах деятельности. В городах образовалась большая прослойка лиц без определенных занятий и постоянной работы. Это — так называемые «маргиналы», предпролетариат, пауперы. Для меня вопрос, как и чем они живут, лежит в области мистики. Социальные контрасты, психологический надлом людей, выбитых из привычной обстановки, невозможность найти место в жизни создают питательную среду для роста насилия, преступности, наркомании.

Социальные контрасты, а следовательно, и растущее недовольство масс, как показывает исторический опыт, определяются не абсолютной, а относительной нищетой. Жители трущоб в каирских районах Булак или Сейда Зейнаб видят дорогие особняки фешенебельных кварталов Гизы или Гелиополиса, знают о квартирах с бассейнами на

Замалеке, пустующих в ожидании покупателей с полумиллионом фунтов в кармане. Люди висят гроздьями на автобусах и едва не падают на сверкающие крыши «мерседесов», «вольво», «датунов». Семьи, завершающие трудовой день фасоловой похлебкой с лепешками, знают, что посетители казино на улице Пирамид выбрасывают на свой «ужин» сумму, равную годовому заработку мелкого чиновника.

«Маргиналы» стараются не порывать прежних социальных связей, группируются вокруг мечетей, земляческих союзов, суфийских орденов. Мечта чуть ли не каждого из них — собственная лавчонка или мастерская. Их идеология — народный ислам, их политическое поведение — готовность к краткому бунту и быстрый уход в скорлупу внешней покорности.

Египетское общество оказывается расколотым не только по социальному, но и по культурному признаку. Прослойка неоконпраторов ориентируется на Запад и образом жизни, и культурой, и убеждениями. Но американизация их быта, взглядов, поведения представляет собой вызов настроениям, традициям, культуре масс, живущих системой ценностей ислама, а также потерявшим перспективу сотням тысяч молодых людей — студентов и выпускников университетов. Культурный дуализм общества способствует социальной напряженности, нестабильности, которая усиливается унижениями Египта в сообществе других мусульманских государств, его вынужденным сотрудничеством с Израилем.

Рост воинствующих исламских настроений — слишком яркий феномен египетской общественной жизни наших дней, чтобы его можно было обойти стороной. Сторонников возрождения норм общественной жизни, политической структуры, права времен первых веков ислама стали называть «фундаменталистами» или «исламистами».

В 1987—1988 годах в Египте нелегально распространялся фильм «Меч ислама», который вызвал бурную и противоречивую реакцию. На видеокассету был записан большой репортаж английской телекомпании «Индепендент телевижн» (Ай-Ти-Ви), посвященный подъему мусульманского фундаментализма в долине Нила и в Ливане. «Это — страшная правда». «Это — заговор». «Это — клевета» — таковы были комментарии В редакционной статье газеты «Аль-Ахрам» создателей фильма обвинили в «искаженном изображении ислама и мусульман».

Хотя на фильме и лежала печать предвзятости, он появился на черном рынке в подходящий момент, чем и объясняется его успех. «Меч ислама» вышел спустя некоторое время после покушения мусульманских боевиков на бывшего министра внутренних дел. Эта акция, как и другие, последовавшие за ней, говорила о все большем распространении вооруженного насилия. Титры фильма шли на фоне окровавленной кривой сабли, висящей над земным шаром в огне. Хотя этот образ грубоват и упрощен, он брал за живое религиозно настроенных зрителей.

Рост антиправительственных настроений в Египте под религиозными лозунгами — общепризнаваемый факт. Однако пытаться разгромить мусульманских фундаменталистов методами Ататюрка или Насера значило бы пойти на кровопролитие, создающее мучеников, прослыть «не-

верным». Согласиться на полное введение шариата — главное требование фундаменталистов — значило бы капитулировать. Поэтому режим президента Мубарака применяет тактику кнута для экстремистов и пряника для умеренных. Пряник — это тридцать семь депутатов, заявивших о своих откровенно исламских симпатиях в парламенте, и кнут для тех, кто стремится насильем сломать существующий порядок. Каналом для выпуска пара стали политические свободы и разрешение существовать достаточно громкогласно, хотя и небольшой оппозиционной печати.

Сотни, может быть тысячи, исламских экстремистов попадают за решетку каждый год. Несмотря на это, движение фундаменталистов закрепляется в египетских университетах и среди «маргиналов». Наиболее сильны исламистские настроения в Асьютском университете в Верхнем Египте, где борода и *галабия* — традиционное свободное одеяние до пят — служат как бы политическими символами. Но взрывы религиозного экстремизма характерны не только для Верхнего Египта. Поджог видеосалонов, где распространяются «безбожные» и «непристойные» западные фильмы, подрыв грузовиков, перевозящих пиво, или забрасывание камнями прогулочного судна со слишком легко одетыми западными туристками становятся актами религиозного рвения с политической окраской.

Самое серьезное беспокойство правительства вызывает распространение фундаменталистских ячеек среди военных и в полиции. Никто не забыл убийства прежнего президента Садата группой мусульманских боевиков, членов экстремистской организации «Джихад».

У фундаменталистов нет общего взгляда на политическую систему, которую они хотели бы создать. Одни стремятся восстановить халифат, где светские и религиозные функции совмещались бы в одном лице, другие согласны на республику. Правительство Хосни Мубарака утверждает, что египетские законы уже на девяносто процентов основаны на шариате.

В 1979 году была изменена статья конституции 1971 года; она гласила, что шариат — «один из источников законодательства». Теперь это положение звучит по-другому: «Ислам является религией государства, арабский язык является официальным языком, а принципы исламских законов представляют собой главный источник законодательства».

Весной 1985 года национальная авиакомпания «Иджипт эйр» после требований фундаменталистов прекратила подавать пассажирам алкогольные напитки.

В 1985 году решением суда был отменен декрет Садата 1979 года, в соответствии с которым муж должен был получить согласие своей первой жены, прежде чем брать вторую. Он заменен выхолощенной формулировкой, которая не предоставляет женщинам подобной защиты.

Члены правящей партии в парламенте все чаще вставляют в свои речи ссылки на Коран и хадисы.

Реальное влияние фундаменталистов в стране трудно оценить объективно. Но признаки роста религиозного рвения наблюдаются повсюду. По пятницам мечети не могут вместить всех желающих, и моля-

щиеся выстраиваются рядами на улицах, повернувшись лицом в сторону Мекки. На улицах, в учреждениях и даже в университетах все больше женщин надевают традиционные длинные платья и платки, оставляя обнаженными только лица и кисти рук. Государственное телевидение все чаще транслирует молитвы и проповеди богословов. Все больше внимания уделяется преподаванию богословия в школах.

Взаимоотношения мусульманской и христианской (коптской) общин напряжены и нередко взрываются насилием. Говоря о своем месте в египетском обществе, как копты, так и мусульмане все чаще употребляют ставшее зловещим выражение «мы» и «они», как бы проводя траншею между представителями двух религий. Призыв к национальному единству — один из основных лозунгов в платформе Национал-демократической партии президента Мубарака. Но сам упор на национальное единство подчеркивает злободневность проблемы.

Когда-то в борьбе против английских оккупантов на улицах Египта обнимались полумесяц и крест, в демонстрациях вместе шли египетские мусульмане и христиане. Сейчас они все больше как бы сегрегируются друг от друга и часто противостоят друг другу, хотя на избирательных плакатах полумесяц и крест еще соседствовали.

Статистика преуменьшает долю коптского населения в Египте, но, видимо, каждый десятый египтянин — христианин. Копты утверждают, что составляют восьмую часть населения. В ряде районов Верхнего Египта, например в Асьюте, каждый пятый житель — наверняка копт. Правда, ежегодно несколько тысяч коптов принимают мусульманство, которое предоставляет им больше возможностей для карьеры.

Лорд Кромер, фактический генерал-губернатор Египта в конце XIX — начале XX века, утверждал, что не видит никакого различия между двумя общинами. «Единственное различие между коптом и мусульманином, — писал он в 1908 году, — состоит в том, что первый — это египтянин, посещающий церковь, второй — египтянин, посещающий мечеть». Вряд ли кто-нибудь сейчас повторит без оговорок его слова, хотя во времена президента Насера молодые копты были не менее страстными националистами и противниками англичан, чем их мусульманские соотечественники.

При Садате положение коптов стало ухудшаться. Садат заигрывал с исламскими фундаменталистами, чтобы создать противовес левым, революционным демократам. Когда он осознал, что выпустил джинна из бутылки, было поздно. В последние недели своего злополучного правления он как бы узаконил недоверие к коптам, арестовав коптского папу Шенуду вместе со многими представителями христианского духовенства. Шенуда был сослан в отдаленный монастырь.

Главе коптской церкви разрешили возобновить свою деятельность при Мубараке. Новый президент вместе со своими министрами-мусульманами специально посетил коптское рождественское богослужение, на котором Шенуда призывал к примирению между мусульманами и христианами, сказав, что все египтяне братья.

Раньше копты мирились со второстепенным положением в египетском обществе, но это было почетное второе место. Сейчас фун-

даменталисты хотели бы вытеснить их на задворки. Многие молодые копты эмигрируют в Канаду, США и Австралию.

Невольно задаешь вопрос: может ли Египет охватить исламская революция по типу иранской? Несомненно, страна переживает затяжной экономический, социальный и политический кризис, который время от времени, возможно, будет приводить к волнениям и насилию. При прекращении и замедлении экономического роста в обществе происходит все более глубокая поляризация крестьян и горожан, мусульман и коптов.

Нет оснований считать, что население выберет экстремистский путь. Во-первых, египтяне — не шииты. Условия для иранской революции создал уникальный исторический, религиозный и культурный опыт, в комплексе не имеющий аналогов. Хотя есть причины опасаться мусульманских боевиков, они — лишь горстка молодежи. Суннитское духовенство, в отличие от шиитского при шахе, по большей части было связано с истеблишментом. Во-вторых, в Египте большинство не разделяет приверженности к принципам мученичества, которое отличает мусульман-шиитов, но носит более сдержанный характер у мусульман-суннитов. Трудно представить себе, чтобы прагматичные египтяне когда-либо с такой готовностью пошли на смерть, как это делали тысячи иранцев. Несомненно, египтяне, народ «золотой середины», отвергают слишком резкие повороты, в массе не любят насилия и предпочитают не прибегать к нему.

Сообщения об ужасающих примерах подавления политических противников режима в Иране, о попытках иранцев устроить погром в Мекке во время паломничества, о тактике «человеческой волны» в войне с Ираком потрясли египтян. Они резко отрицательно отнеслись и к тому, что происходило по соседству с ними. в Судане, где попытки провести в жизнь законы шариата обострили экономический кризис и породили хаос и гражданскую войну.

Многие египтяне обращаются к религии в поисках утешения, в стремлении обрести веру в себя и в свои традиционные ценности в условиях неустойчивости, социальных потрясений, наступления западной идеологии. Но они осторожны и скептически и всегда предпочитают компромисс крайним решениям, отвергая утопистов и экстремистов — как светских, так и религиозных.

Исторические связи Египта с Западом и его географическая близость к Европе делают ситуацию в стране отличной от иранской. Как это ни парадоксально, большая, чем у Ирана, зависимость Египта от внешнеэкономической помощи тормозит возможность антизападного переворота, хотя и стимулирует антизападные настроения. Если не все египтяне, то политически ориентированная их часть знает, что три лепешки из пяти в Египте вылекаются из американской муки. Поэтому разрыв с Западом оказался бы необычайно болезненным.

С первых месяцев пребывания Хосни Мубарака у власти были предприняты попытки ограничить влияние «садатовского клана» — группу высших чиновников и предпринимателей, нередко родственников, а также уменьшить аппетиты «жирных котлов инфитаха». Но их экономические позиции и связи с правящей партией и государственным

аппаратом оказались слишком сильными. Начавшиеся было судебные процессы скоро выдохлись. Неокомпрадорская паразитическая буржуазия в основном сохранила свое влияние.

Экономическая программа Мубарака предусматривает усиление производительного характера политики «инфитаха», ликвидацию диспропорций в экономике, поощрение деятельности частного иностранного капитала в приоритетных отраслях. Почти десятилетние усилия режима Садата форсировать частное предпринимательство, в том числе и за счет государственного сектора, не привели к явному ослаблению экономических позиций государства. Они сохранились, несмотря на отход от плановых начал, на эрозию монополии внешней торговли, на развитие частных учреждений в сфере кредита и финансов. Когда же при Мубараке начался некоторый пересмотр экономических задач, государственный сектор кое-где даже укрепился.

Чтобы облегчить участь неимущих, начато более широкое строительство дешевого жилья, несколько улучшено здравоохранение, повышена минимальная заработная плата рабочих и служащих. Беднейшая часть крестьян освобождена от оплаты задолженностей, снижены процентные ставки за долги середняков. Расширен охват населения социальным обеспечением. Увеличены налоги с лиц, имеющих большие доходы, повышены таможенные пошлины на импорт товаров не первой необходимости. И все же эти меры оказались частичными и малоэффективными. Они не затронули основную массу населения.

В несколько большей степени режим преуспел в обновлении партийного, парламентского, правительственного механизма. После освобождения из тюрем оппозиционных деятелей, брошенных туда Садатом, налажены нормальные отношения режима с большей частью оппозиции, однако компартия по-прежнему находится под запретом. Более чем наполовину заменен состав депутатов от правящей Национал-демократической партии. Произошло несколько перестановок в правительстве. Разрешен выпуск оппозиционных газет, которые пользуются относительной свободой. Частично отменены или смягчены садатовские чрезвычайные законы.

Каиру удалось восстановить отношения с большинством арабских стран, снизить напряженность с другими, не порывая тесных связей с США. Страна вновь заняла свое место в Организации исламская конференция и в Лиге арабских стран. Вернулись в нормальное русло отношения с Советским Союзом.

Темп перемен в египетском обществе убыстряется. Что казалось незабываемым вчера, сегодня выглядит ненадежным, а горизонт завтрашнего будто задымлен раскаленным ветром из пустыни — хамсином. Поэтому, не полемизируя с названием прекрасной книги Олега Ковтуновича, хочу сказать, что ничто не вечно даже на берегах Нила, в тени Сфинкса и пирамид. Вечен лишь сам Египет.

Алексей Васильев

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Р. Г. Ланда. Слово об авторе</i>	3
Самый общий взгляд	11
Египтяне и арабы	19
Египтяне и их характер	23
В разрезе времени	32
Праздники в Египте	33
Долина и пустыня	37
Открытие древнего Египта	41
Богатейший в мире «склад»	43
Другой мир — другие понятия	46
Фараоны и история	52
Египетский пантеон	55
Торговая мерка — прочность	57
«Египетская надежда»	60
Что нужно на том свете?	62
А есть ли загробная жизнь?	70
Телефон на тот свет	73
Интеллигенция в древнем Египте	75
Подвижники духа	77
Старая и новая жизнь папируса	80
Таланты раскрываются в Харрании	84
Живучий предрассудок — колдовство	89
Проклятие фараонов	94
Разграбленные сокровища	97
Грабежу — открытые двери	113
Мафия в действии	115
Имя трижды великое — Александрия	119
В поисках гробницы Александра Македонского	124
Пробуждение Египта	129
<i>А. Васильев. Египет восьмидесятых, вечный и меняющийся</i>	142

«Действительно, — писал выдающийся русский египтолог Б.А. Тураев, — какую бы сторону нашей жизни мы ни взяли, исследование ее истории нас по большей части в конце концов приводит в Египет, который был отцом европейской государственности, европейского искусства, многих явлений религиозной жизни и быта».

